

П М.Тухачевский

ПОХОД за Вислу

В Ю.Пилсудский

ВОЙНА

1920 года

М. Тухачевский

Поход за Вислу

Ю. Пилсудский

война 1920 года

НОВОСТИ

Москва, 1992

М.Тухачевский

Ю.Пилсудский

Тухачевский М.Н. (1893-1937),
Маршал Советского Союза. Член
КПСС с 1918 года. В гражданскую
войну командовал рядом армий в
боях в Поволжье, на Юге, Урале, в
Сибири, командовал войсками
Кавказскою фронта при разгроме
войск Деникина и Западного
фронта в советско-польской войне. В
1925–1928 годах — начальник
Штаба РККА, с 1931 года —
заместитель председателя РВС
СССР, с 1936 года — первый
заместитель наркома обороны. В
1937 году расстрелян как „враг
народа“.

Пилсудский Ю. (1867–1935),
маршал, деятель правого крыла
Польской социалистической партии
(ППС). С 1906 года — лидер
ППС, революционной фракции. В
1920 году руководил военными
действиями в советско-польской
войне. В 1926–1928 годах и в
1930 году — премьер-министр
Польши.

Т92 Тухачевский М. Поход за Вислу. — Пилсудский Ю. Война 1920 года. — М.: Изд-во „Новости“, 1992. — 320 с. (Серия „Время, события, люди“).

ISBN 5 — 7020 - 007 1 - 4

Понимание того, что в истории, если из нее действительно извлекать уроки, ничего нельзя переписать — ни того, что выгодно, ни того, что не выгодно, — привело руководство нашей страны к официальному признанию ряда объективных реалий в истории советско-польских отношений, в том числе касающихся событий 1920 года.

Впервые в одной книге читателю предлагается работа М.Тухачевского "Поход за Вислу", прочитанная автором курсантам Военной академии РККА, и книга Ю.Пилсудского "Война 1920 года", в которой излагается точка зрения польской стороны на трагические события лета 1920 года.

Книга рассчитана на читателей, интересующихся советской военной историей.

Т 05 03 02 04 00
0 6 7 (02) - 92

Б Б К 63.3(2)712

ПРЕДИСЛОВИЕ

В феврале 1923 года командующий Западным фронтом М.Н.Тухачевский на дополнительном курсе Военной академии РККА (ныне Военная академия имени М.В.Фрунзе) прочитал цикл лекций, изданных в том же году в Смоленске под общим названием "Поход за Вислу". В 1964 году эта брошюра, за исключением восьмой главы „Революция извне“, была включена в первый том сборника „Избранные произведения“ М.Н. Тухачевского.

Лекции командующего Западным фронтом представляют собою стратегический обзор операций войск фронта, проведенных в мае — августе 1920 года в период советско-польской войны. Они были разработаны на основе личных воспоминаний М.Н.Тухачевского, подлинных оперативных документов, опубликованной советской, французской и польской литературы того времени. Автор не претендовал на полноту освещения проблемы и в структурном отношении построил свои лекции, исходя из требований учебной программы академии. В лекциях в логической последовательности излагаются оценка обстановки, сложившейся на Западном фронте к концу апреля 1920 года, характеристика театра военных действий и соотношения сил и средств сторон, план и замысел майской операции, ход военных действий в июле—августе, подготовка польским командованием контрнаступления и его осуществление, итоги советско-польской войны.

Характерным для книги "Поход за Вислу" является в целом объективный анализ событий, выявление как сильных, так и слабых сторон Красной Армии и польской армии. Достаточно критически М.Н.Тухачевский подходит к оценке военно-политических итогов войны. Он указывает, что ее проиграла не политика, а стратегия. При этом основными причинами „гибели операции“, по мнению автора, являлись:

недостаточно серьезное отношение к вопросам подготовки и управления войсками, действия Западного и Юго-Западного фронтов в расходящихся направлениях, что привело к нарушению стратегического взаимодействия между ними.

Выход в свет книги „Поход за Вислу” вызвал волну публикаций и дискуссий по проблемам советско-польской войны как в Советском Союзе, так и за рубежом. Одним из главных оппонентов М.Н.Тухачевского стал маршал Польши Ю.Пилсудский, который возглавлял польские вооруженные силы и сыграл важную роль в организации разгрома армий Западного фронта. Так, два главных противника на полях сражений скрестили теперь уже не шпаги, а перья на бумажном фронте. В 1924 году Ю.Пилсудский издал свою книгу „1920 год”, переведенную с польского языка и опубликованную через год в СССР.

Маршал Пилсудский, вступив на тропу спора с будущим маршалом Тухачевским, в структурном отношении построил свой труд по образу и подобию книги „Поход за Вислу”. Несмотря на это, обе работы отличает масштабность описания: Тухачевский освещает события в оперативно-стратегическом плане; Пилсудский главным образом — в оперативно-тактическом. Так же, как и Тухачевский, его оппонент дает оценку состояния и группировок войск сторон, театра военных действий, рассматривает и анализирует планы и замыслы советского и польского командования, но более детально освещает ход военных действий вплоть до подразделений (батальонов, рот).

В отличие от своего соперника Пилсудский привнес в книгу и субъективные моменты, пытаясь оценить личностные качества Тухачевского. Правда, эти оценки весьма противоречивы и неоднозначны. В одних случаях Пилсудский обвиняет Тухачевского в „абстрактном командовании” и в неспособности к широкому анализу, а в других — подчеркивает его энергию, настойчивость и полководческий талант.

При оценке обеих книг необходимо, на наш взгляд, исходить из того, что они написаны буквально по горячим следам авторами, занимавшими различные ступени на лестнице военной иерархии, имевшими различный уровень военного образования и прошедшими две различные военные школы.

Юзеф Пилсудский (1867 — 1935) так же, как и Тухачевский, вышел из дворян. Ко времени начала советско-польской войны Пилсудский уже был умудренный опытом жизни, прошедший через горнило политической борьбы в рядах Польской социалистической партии, где возглавлял ее правое крыло. В

годы первой мировой войны, придерживаясь традиции национальных восстаний против царской России, он воевал на стороне австро-венгерской армии, но к лету 1917 года разошелся со своими наставниками во взглядах на будущее Польши и был заключен в крепость. Изменившаяся в мире в результате Октябрьской революции обстановка круто изменила и судьбу Пилсудского. Германские власти, стремясь стабилизировать внутреннюю ситуацию и избежать борьбы с Польшей за польские земли на Западе, освободили его из тюрьмы. С этого момента, с осени 1918 года, началось стремительное восхождение Пилсудского к вершинам власти: он становится главой Польского государства и Верховным главнокомандующим, имея за плечами более полувека жизни.

Михаил Николаевич Тухачевский (1893—1937) был на четверть века моложе своего будущего противника. В свои двадцать семь лет он успел окончить Александровское военное училище, принять участие, правда непродолжительное, в первой мировой войне, более двух лет провел в германском плену, бежал, вступил в Красную Армию и за полтора года прошел путь от командарма до командующего фронтом. Его заслуги в разгроме армий адмирала А.В.Колчака и генерала А.И.Деникина были общепризнанны, и не случайно именно М.Н.Тухачевского Главком С.С.Каменев весной 1920 года рекомендовал на должность командующего Западным фронтом.

Авторам обеих книг была уготована различная судьба. В мае 1926 года Пилсудский установил в Польше режим „санации” („оздоровления”), который возглавлял вплоть до своей смерти. М.Н.Тухачевский в 20—30-е годы занимал ряд высших военных постов в системе Советских Вооруженных Сил, в том числе начальника штаба РККА и заместителя наркома обороны СССР. 11 июня 1937 года по сфабрикованному органами НКВД делу о так называемой „антисоветской троцкистской военной организации” в Красной Армии Тухачевский был расстрелян, и на два десятилетия его пытались вычеркнуть из памяти народа. Прошло время, и история все расставила по своим местам. 31 января 1957 года приговор в отношении М.Н.Тухачевского был отменен за отсутствием в его действиях состава преступления, и он был полностью реабилитирован.

В работах М.Н.Тухачевского и Ю.Пилсудского главное внимание сосредоточено на анализе и описании хода военных действий. Для Советского государства это была первая межнациональная война, в ходе которой Россия, Украина и Бело-

руссия стояли перед необходимостью защитить себя. Для Польши война с самого начала была агрессивной, так как Ю.Пилсудский силой оружия стал перекраивать территории соседних народов под лозунгом восстановления Польши в границах 1772 года. С выходом на этническую границу Польши Красная Армия выполнила функцию обороны русских, украинских и белорусских земель. В связи с тем, что Польша отклонила предложение Советской России заключить перемирие, наступление Красной Армии продолжалось уже под лозунгом помощи „братьям по классу“. Но в сознании широких слоев польского народа продвижение советских войск рассматривалось как оккупация, что требовало защиты ~~независимости~~ но обретенной независимости.

Была ли возможность предотвращения вооруженного столкновения двух соседних государств? Вопрос непростой. Обратимся к тем принципам, на которых строилась внешняя политика Советской России. Главным и определяющим среди них был принцип права наций на самоопределение, в том числе и польского народа. Об этом В.И.Ленин говорил еще в 1917 году на VII (Апрельской) Всероссийской партийной конференции. Он отмечал, что для усиления интернационализма „надо в России налегать на свободу отделения угнетенных наций“, а в Польше „подчеркивать свободу соединения“, которая предполагает „свободу отделения“*. На конференции была принята написанная В.И.Лениным резолюция по национальному вопросу, в которой отмечалось: „За всеми нациями, ~~вво~~водящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства“**. Это положение нашло отражение и в „Декларации прав народов России“, принятой Советом Народных Комиссаров 2(15) ноября 1917 года.

Эти и другие документы свидетельствуют, что Советское правительство выступало против захватнической политики империалистических держав, признавало за польским народом право самому решать свою судьбу. На советско-германских переговорах в декабре 1917-го—феврале 1918 года советская делегация заявила об отказе от всяких претензий на польские территории, требовала возвращения Польше всех аннексированных земель и вывода с ее территории германских оккупационных войск. 29 августа 1918 года В.И.Ленин подписал декрет Совнаркома РСФСР, в котором отмечалось: „Все

*Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 31. С. 433 — 434.

**Там же. С. 439.

договоры и акты, заключенные правительством быв. Российской империи с правительствами королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, касающиеся разделов Польши, ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство, — отменяются настоящим бесповоротно”*

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции и поражения Германии и Австро-Венгрии в первой мировой войне создались благоприятные условия для восстановления польской государственности. В ноябре 1918 года созданный более года назад Германией и Австро-Венгрией Регентский совет передал военную и гражданскую власть Ю.Пилсудскому. Возглавляемое им правительство рассматривало декрет СНК РСФСР как автоматическое восстановление Польского государства в границах 1772 года. Ю.Пилсудский и его сторонники, придерживаясь программы создания „санитарного кордона” — полосы изоляции, отделяющей Польшу от революционной России, добивались объединения с Польшей (в форме федерации или включения в сферу ее влияния) Литвы, Белоруссии, Украины, Латвии, Эстонии и даже Кубани и Кавказа. При этом игнорировался тот факт, что Советское правительство признало право на самоопределение не только польского, но и других народов бывшей царской России и вопрос о создании собственной государственности были правомочны решать только украинский, белорусский, литовский и другие народы. Об этом недвусмысленно говорилось в постановлении ВЦИК от 13 ноября 1918 года, в котором подчеркивалось, „что условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 года, лишлись силы и значения. Брест-Литовский договор (равно и дополнительное соглашение, подписанное в Берлине 27 августа и ратифицированное ВЦИК 6 сентября 1918 года) в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным. Все включенные в Брест-Литовский договор обязательства, касающиеся уплаты контрибуции или уступки территории и областей, объявляются недействительными”**.

В постановлении ВЦИК отмечалось, что трудящиеся массы России, Лифляндии, Эстляндии, Польши, Литвы, Украины, Финляндии, Крыма и Кавказа, освобожденные герман-

* Декреты Советской власти. М.: 1964. Т.3. С. 259.

**Ключников Ю.В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М.: 1926. 4.2. С.198.

ской революцией от гнета грабительского договора, призваны ныне сами решать свою судьбу. Одновременно указывалось, что все оккупированные области России будут очищены и за трудящимися всех народов будет признано право на самоопределение в полной мере.

В соответствии с вышеупомянутым постановлением части Красной Армии начали продвижение на запад, занимая очищаемые германскими войсками земли. На оккупированных ими ранее территориях были образованы в конце ноября 1918 года Временное рабоче-крестьянское правительство Украинской ССР, в середине декабря — Литовская ССР, в начале января 1919 года — Белорусская ССР, которая в конце февраля 1919 года объединилась с Литовской ССР в единую Литовско-Белорусскую ССР со столицей в Вильно. Все эти социалистические республики были признаны правительством РСФСР, которое 1 июня 1919 года заключило с ними военный союз. Однако на Украине, в Белоруссии и Прибалтике существовали и другие государственные образования. В середине декабря 1918 года в Киеве лидерами Украинского национального союза было провозглашено воссоздание Украинской народной республики, правительство которой 16 января 1919 года объявило войну Советской России. Во Львове 1 ноября 1918 года была образована Западно-Украинская народная республика, включавшая территории Восточной Галиции, Буковины и Закарпатья. С момента своего возникновения она оказалась вовлеченной в военные конфликты и подверглась нападению польских и румынских войск.

На территории Белоруссии еще в марте 1918 года Исполнительный комитет рады Всебелорусского съезда провозгласил Белорусскую Народную Республику. После образования Белорусской ССР правительство БНР было вынуждено покинуть ее пределы. В Литве в начале ноября 1918 года была создана Литовская республика.

Признание правительством РСФСР социалистических республик Украины, Белоруссии и Литвы не устраивало правительство Польской республики, так как означало крушение федеративной концепции Пилсудского. Польское правительство оценило продвижение Красной Армии на запад как угрозу независимости Польши. Поэтому 16 ноября 1918 года Ю.Пилсудский направил главнокомандующему войсками Антанты маршалу Ф.Фошу радиотелеграмму с просьбой "о военной оккупации Польши коалиционными и польскими войска-

ми для защиты страны от большевизма"*.

Правительство РСФСР, стремясь избежать военного столкновения с Польшей, 28 ноября и 12 декабря выразило готовность установить с ней дружественные отношения. Однако советское предложение не было принято польским правительством, которое скрыло его от общественности.

Этот шаг не был случайным. К концу ноября 1918 года Главное командование союзными армиями Антанты разработало план интервенции в Советскую Россию, в котором, в частности, предусматривалось для установления барьера против большевизма на Северном фронте ускорить организацию „русских группировок (белогвардейских войск. — В-Д-) в районе Пскова и польских сил" путем оказания им материальной помощи и переброски в этот район через Данциг польских соединений с Западного фронта**. Министр иностранных дел Польши Л.Василевский 22 декабря направил Советскому правительству ноту, в которой операции Красной Армии против германских войск рассматривались как явно враждебный акт против Польши. В ответной ноте, подписанной наркомом иностранных дел Г.В.Чичериным, сообщалось, что никакая опасность Польше со стороны России не угрожает, так как советские войска не только очень удалены от польских границ, но и отделены от них Литвой и частью Украины и в настоящее время „Польша и Россия не имеют общей границы"***. Содержание этой ноты польское правительство также скрыло от общественности, обвинив РСФСР в проведении агрессивной и империалистической политики, в наводнении советскими войсками Литвы и Белоруссии, часть которых якобы являлась неоспоримо польской, и поэтому Польша не видела возможности войти в непосредственный контакт с Русским Советским правительством****.

Содержание данной ноты показывает, что польское правительство игнорировало образование суверенных Литовской, Белорусской и Украинской советских республик. Обвиняя Советскую Россию в проведении агрессивной и империалистической политики, правительство Польши со своей стороны готовило захват белорусских, литовских и украинских земель. В конце декабря 1918 года Ю.Пилсудский сообщил Ж.Кле-

* Документы к материалы по истории советско-польских отношении. М.: 1964. Т.2. С.18.

** Из истории гражданской войны в СССР. Сб. док. и материалов. М.: 1960. Т.1. С.69.

*** Документы внешней политики СССР. М.: 1957. Т.1. С.625.

**** Документы внешней политики СССР. М.: 1968. Т.2. С.17.

мансо о готовности польских войск к немедленной отправке в Вильно. 18 января 1919 года Генеральный штаб главного командования армиями Антанты разработал записку „О необходимости интервенции союзников в России“. Предусматривалось восстановить прочную в военном отношении Польшу, способную сыграть роль буферного государства между Германией и Россией, перебросить из Франции в Польшу польские контингенты численностью в 50 тыс. человек*.

Не сидело сложа руки и польское правительство. 5 февраля 1919 года оно подписало с Германией соглашение о занятии Польшей областей Белоруссии и Литвы, очищаемых немецкими войсками. Германское правительство, заключив соглашение, решало сразу две задачи: отодвигало польские войска от границ Германии и продвигало их к Советской России, провоцируя противостояние Красной Армии и польской армии, которая тем самым отвлекалась от поддержки антигерманского восстания на Познанщине. Несмотря на протесты правительства РСФСР от 10 февраля и правительств Литовской и Белорусской ССР от 16 февраля, польские войска начали продвижение на восток, заняв 2 марта Слоним и 6 марта — Пинск. Красная Армия в это время вела тяжелые оборонительные сражения на востоке против перешедших в начале марта в контрнаступление войск адмирала А.В.Колчака. С Западного и других фронтов непрерывно снимались воинские части и направлялись на Восточный фронт. В сложившейся обстановке не могло быть и речи о наступательных действиях против польской армии, да это и не отвечало четко выраженной позиции Советского правительства по решению спорных вопросов мирным путем. Учитывая наступательные действия польских войск на Немане, между Ковно и Гродно, в брест-литовском районе в направлениях на Барановичи и Пинск, Главком И.И.Вацетис 22 февраля 1919 года приказал Западному фронту перейти к обороне на линии Тукум, Шавли, Паневежис, Вилькомир, Жосли, Ораны, Лида, Слоним, река Шара, Огинский канал, Пинск, Сарны. В результате польское командование лишилось своего козыря — утверждения об агрессивных намерениях Красной Армии. Появилась возможность мирного решения территориальных споров. Однако эта возможность не была реализована польским правительством. В начале апреля 1919 года польский сейм принял резолюцию, в которой говорилось, что он не признает выражением права на самоопределение на существование Литовско-Белорусской

ССР, ни литовских и белорусских правительств, образованных с согласия германских оккупационных властей. Это решение, естественно, привело к дальнейшей конфронтации между Советской Россией и Польшей. Воспользовавшись отвлечением значительной части сил Красной Армии на борьбу с войсками адмирала Колчака, польская армия возобновила наступление и захватила 16 апреля Лиду, 19-го — Новогрудок и Барановичи, 20 апреля — Вильно.

Несмотря на это, правительство РСФСР 25 апреля выразило готовность „в любой момент снова вести с Польским правительством переговоры о соглашении“, но при условии превращения наступательных действий со стороны польских войск*. Подобное предложение поступило и от правительства Украинской ССР. Но и эти предложения не были приняты, и наступление польской армии продолжалось вплоть до середины июля 1919 года. К этому времени ситуация в Советской Республике серьезно обострилась. В начале июля армия генерала А.И.Деникина перешла в наступление с целью захвата Москвы. Пропитанная идеей „о единой, неделимой, великой России“, она упорно продвигалась на север. Эти идеи представляли и серьезную угрозу Польше, ибо в будущем государственном устройстве России места для независимой Польши не было. Поэтому Пилсудский и его сторонники не были заинтересованы в победе Деникина и временно воздерживались от каких-либо активных наступательных действий на Западном фронте. 22 июля в Беловеже возобновились прерванные в марте советско-польские переговоры. Глава советской делегации Ю.Мархлевский информировал чрезвычайного уполномоченного посла Польши на переговорах А.Венцковского о готовности правительства РСФСР к миру на благоприятных для Польши условиях. 30 июля переговоры завершились согласием обеих сторон продолжить их после взаимных уведомлений.

Однако установившаяся на западе тишина была обманчивой. Под ее покровом шла деятельная подготовка к дальнейшему продвижению польской армии на восток, которая ко времени начала переговоров в Беловеже занимала значительную часть Литвы и Белоруссии. Красная Армия, ведя упорные оборонительные сражения против войск генерала Деникина, даже при желании не имела возможности вести наступление на западе. В этой обстановке не могло быть и речи „об опасности продвижения большевистских войск“ для Польши.

Поэтому все дальнейшие шаги польского правительства свидетельствуют не о стремлении ограничить продвижение Красной Армии, а о ярко выраженных наступательных тенденциях со стороны польских войск.

Подтверждением тому является выступление председателя Совета министров Польши И.Падеревского в середине сентября 1919 года на заседании Верховного Совета Парижской мирной конференции. И.Падеревский заявил, „что если союзные державы хотят, чтобы поляки двинулись на Москву, то он готов сделать это“, используя 500-тысячную армию*. Но лидеры держав Антанты, не возражая против похода поляков на Москву, предложили действовать постепенно и прежде решить вопрос о западных границах Польши. Через месяц И.Падеревский в письме военному министру Великобритании У.Черчиллю сообщил: „Мы полны решимости сдерживать варварские большевистские силы своими войсками при условии, если нас не будут обязывать к какому бы то ни было общению с немцами“**. Однако возможность дальнейшей борьбы с большевиками была поставлена в прямую зависимость от военных поставок из Англии, которые позволили бы экипировать до 300 тыс. человек.

Подготовка к новому крупному наступлению маскировалась стремлением вести с Советским правительством переговоры, которые были возобновлены 9 октября. Однако, идя на этот шаг, польское правительство отказалось прекратить военные действия на всем фронте. Одной из причин этого явился намечившийся разгром войск генералов Деникина и Юденича и адмирала Колчака. Контрнаступление Красной Армии на Восточном и Южном фронтах, а также под Петроградом показало, что дни белогвардейских армий сочтены, а следовательно, они не могли более представлять какую-либо угрозу независимой Польше. Отсюда и твердость позиции польского правительства в переговорах с советской стороной и усиление подготовки к наступательным операциям против войск Западного фронта.

Ю.Пилсудский не скрывал своего отрицательного отношения к Советскому государству. В своей беседе 7 ноября 1919 года с английским послом Г.Румбольдом он прямо заявил, что нападение на большевиков в любое время и в любом месте всегда было его политикой. И это не было пустой фразой. 13 ноября исполняющий обязанности начальника Ге-

*Документы и материалы по истории советско-польских отношений.

Т. 2. С. 314.

**Там же. С. 357.

нерального штаба полковник Ст.Галлер отдал приказ о подготовке операции по занятию Двинска. Начало операции, получившей кодовое наименование „Зима“, было намечено на 15 декабря 1919 года. Заместитель министра иностранных дел Польши Вл. Скшиньский, выступая на заседании сейма в конце ноября, заявил: „Правительство Советов не обращалось к Польше с предложениями о заключении мира“. Это заявление не соответствовало истине, так как Скшиньский полностью игнорировал все мирные предложения Советского правительства, в том числе от 10, 16 и 28 февраля, 24 марта, 15 и 25 апреля, 2 июля и 12 августа 1919 года. Он также подчеркнул, что, „пока не будет устранена опасность нового нашествия неприятеля“, нельзя считать, что „цели обороны в навязанной нам войне полностью достигнуты“*.

С целью достижения успеха в новой кампании против Советской Республики польское правительство пыталось заручиться поддержкой своих соседей. С Латвией и Эстонией велись переговоры о заключении в будущем военной конвенции и создании общего антибольшевистского фронта. В ходе тайных переговоров с Петлюрой Пилсудскому удалось добиться от него согласия на присоединение Галиции к Польше при условии оказания ему помощи в борьбе с Украинской Советской Республикой. Пилсудский получил поддержку и от Верховного совета Антанты, который 8 декабря 1919 года принял „Декларацию о временных восточных границах Польши“. Намеченная в декларации граница на участке от Гродно до реки Буг совпадала с так называемой „линией Керзона“ и охватывала Королевство Польское без северной части Сувальской губернии и Белостокский округ. Судьбу территорий, расположенных на восток от этой границы и оккупированных польскими войсками намечалось решить позже, то есть ее решение отдавалось на усмотрение польского правительства. Это и явилось одной из причин прекращения 9 декабря по инициативе польской стороны переговоров с советской делегацией.

Усиление военных приготовлений в Польше вызвало обеспокоенность Советского правительства, которое не прекращало поиски путей мирного урегулирования спорных вопросов. 22 декабря 1919 года оно предложило Польше начать немедленно переговоры о заключении прочного и длительного мира между обеими странами. Это предложение осталось без ответа, так как министр иностранных дел Польши Ст.Патек вел

* Документы и материалы по истории советско-польских отношений.

политический зондаж намерений правящих кругов держав Антанты. Он сообщил им, что Польша против заключения мира с РСФСР, но окончательное решение зависит от позиции США, Англии и Франции. К середине января 1920 года Антанта одобрила предложение маршала Фоша о заключении между Польшей, Румынией, Латвией, Литвой, Эстонией и Финляндией военного союза, направленного против РСФСР. Одновременно было решено усилить военную помощь польской армии. От слов Польша перешла к делу. Еще 30 декабря 1919 года между польским и латвийским командованием было заключено соглашение о совместных наступательных действиях, которое привело к захвату польскими войсками Двинска в начале января 1920 года.

К войне с Советской Республикой Польшу подталкивали и США. 17 января 1920 года американский посланник в Польше Х.Гибсон сообщил госсекретарю США Р.Лансингу о необходимости предоставления Польше помощи для продолжения войны с Советской Россией, которая якобы готовится к завоеванию Польского государства в конце зимы или ранней весной. Это утверждение являлось чистой вымыслом, что было вынуждено признать и Военное министерство Польши, отмечавшее: „Россия не может одновременно планировать наступление и реорганизовывать свои войска в трудовые армии“*. В то же время сведения, поступавшие из дипломатических и разведывательных источников, показывали, что война не за горами. Так, 27 января 1920 года Главком С.С.Каменев в своем докладе Совету Обороны сообщал о развитии польскими войсками операций в Латгалии, которые, упоенные победами, а вместе с ними и польское правительство, могут принять решение о переходе в наступление на всем фронте. Исходя из этого, перед Западным фронтом ставилась задача быть готовым к крупной борьбе**.

Учитывая сложившуюся обстановку, Совнарком РСФСР 28 января выступил с заявлением об основах советской политики в отношении Польши, которая стоит перед решением, могущим иметь тягчайшие последствия на долгий ряд лет для жизни обоих народов. В заявлении отмечалось, что Антанта пытается ввергнуть Польшу в беспричинную, бессмысленную

*Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т.2. С.486. Речь шла о решении правительства РСФСР и УССР образовывать на Юго-Западном фронте Совет трудовой армии для борьбы с хозяйственной разрухой.

**Директивы Главного командования Красной Армии (1917— 1920). С. 349.

и преступную войну с Советской Россией. Совнарком отмечал, что политика РСФСР в отношении Польши исходит из незыблемого принципа национального самоопределения, признания независимости и суверенитета Польши, что Советское правительство не имеет каких-либо агрессивных намерений и советские войска не переступят нынешней „линии Белорусского фронта* и не будут совершать военных действий к западу от линии, занимаемой „Украинским фронтом"*. Эта линия проходила по рубежу Дрисса—Диена—Полоцк—Борисов—Паричи—станция Птичь—Белокоровичи—Чуднов—Пилявы—Дерафни—Бара, то есть в 70—150 километрах восточнее границы, установленной между Польшей и Советскими республиками по Рижскому договору 1921 года. Предлагаемый рубеж был более выгоден Польше, чем Советскому государству. Совнарком РСФСР выразил уверенность, что все спорные вопросы будут решены в духе добрососедских соглашений России и Польши.

Как же реагировало польское правительство на обращение СНК РСФСР к правительству и народу Польши? 8 февраля министр иностранных дел Польши Патек заявил американскому послу Х.Гибсону, что польское правительство не даст ответа на советские мирные предложения до тех пор, пока государства Антанты не выскажут своего отношения к ним*. Однако державы Антанты не смогли принять единого решения по этому вопросу: Англия была за заключение мира; Франция и Италия за продолжение военных действий; США предлагали Польше полную свободу действий в вопросах переговоров с большевиками, но в случае продолжения войны не оставляли ей надежд на получение военной помощи (в действительности помощь из США поступала). Поэтому Патек воздержался от ответа на ноту Советского правительства.

В период с декабря 1919-го по конец апреля 1920 года Советское правительство более 50 раз обращалось к правительствам США, Франции, Англии, Японии, Польши, Румынии и других стран с предложением о мире, об установлении экономических и торговых связей. Такие предложения, в частности, выдвигались и в обращении ВЦИК к польскому народу от 2 февраля 1920 года. Об этом неоднократно говорил и В.И.Ленин. В своем ответе на вопросы корреспондента американского информационного агентства К.Виганда он говорил: „Собираемся ли мы нападать на Польшу и

*Документы внешней политики СССР. Т.2. С. 332.

*Документы и материалы по истории советско-польских отношений.

Румынию? Нет. Мы самым торжественным и официальным образом и от имени СНК и от имени ВЦИК заявили о наших мирных намерениях**.

Это заявление, сделанное на высшем государственном уровне, свидетельствовало об отсутствии у Советской Республики каких-либо агрессивных намерений в отношении других государств. Оно также показывает, что идеи мировой рево — люции, о которых так много пишут в последнее время, не находили отражения во внешнеполитической деятельности Со — ветского правительства. Главной задачей для Страны Советов в начале 1920 года являлась защита своих границ, а не стремление к захвату новых территорий. Нарком иностранных дел РСФСР Г.В.Чичерин в своем обращении к трудящимся государств Антанты от 10 февраля 1920 года отмечал, что трудящимся массам России „чужды всякие намерения распро — странить свою власть на какую-либо чужую страну или силой навязать советский строй другой стране против воли ее соб — ственного народа“** В обращении подчеркивалось стремление Советской России к прекращению военных действий с Поль — шей и к заключению с ней соглашения или длительного мира. В ответ на эту ноту комиссия Министерства иностранных дел Польши разработала проект предварительных условий мирных переговоров с Советской Россией. В проекте содержалось требование признать независимость национальных государств, возникших на территории бывшей Российской империи, ока — заться от всяких территориальных прав, вытекающих из пос — ледствия разделов Польши, вывести советские войска с тер — ритории Польской республики в границах, существовавших до первого раздела в 1772 году.

Практически все эти требования уже были реализованы Советским правительством в „Декларации прав народов Рос — сии“ и в декрете СНК РСФСР от 29 августа 1918 года. В то же время абсолютно неприемлемым было требование вы — вести советские войска с территории Польши в границах до 1772 года, так как польские войска уже занимали значитель — ную часть украинских, белорусских и литовских земель и не собирались их покидать. Уход Красной Армии с занимаемого ею в феврале 1920 года рубежа фактически привел бы к оккупации польской армией остальной части территории Со — ветской Украины, Литвы и Белоруссии. С ними РСФСР была

*Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т.40. С.145.

**Документы и материалы по истории советско-польских отношений.

связана военным союзом и гарантировала их защиту. Таким образом, возможность предотвращения надвигающейся войны между Польшей и Советскими республиками была упущена из-за жесткой политики польского правительства. Попытки правительства Украинской ССР 19 и 22 февраля 1920 года к мирному урегулированию территориального спора не получили поддержки со стороны правительства Польши.

Маховик войны уже был запущен, и Советское правительство уже не питало никаких иллюзий на этот счет. К концу февраля 1920 года дыхание новой войны стало ощущаться и в столице Советского государства — Москве. И не случайно, что 27 февраля В.И. Ленин в телеграмме Реввоенсовету Западного фронта указывал: „Надо дать лозунг подготовиться к войне с Польшей“*. Это указание было своевременным, так как польские войска 5 марта захватили Мозырь и Калинковичи. Донесения, поступавшие с фронта, содержали сведения о начале польской армией решительного наступления "в ближайшее время"**.

Несмотря на это, правительства РСФСР и УССР предприняли новые шаги к миру. 6 марта они снова предложили Польше начать мирные переговоры. Ответ поступил только через три недели, 27 марта, о готовности начать "совещание по этому поводу с русскими уполномоченными" с 10 апреля в Борисове***. Это предложение было принято, но при условии прекращения военных действий на всем фронте и ведении переговоров не в зоне боевых действий, а в нейтральном государстве — в Эстонии. Польская сторона отклонила требование Советского правительства. Тогда правительство РСФСР 2 апреля предложило прекратить немедленно военные действия на всем фронте и вести переговоры в Эстонии или в Петрограде, или в Москве, или в Варшаве. Новое предложение 7 апреля было также отклонено польской стороной, которая снова указала на Борисов как на место проведения переговоров и возложила на правительство РСФСР вину за то, что переговоры могут начаться только 17 апреля. В ноте НКВД РСФСР от 8 апреля отмечалось, что последнее сообщение носит характер ультиматума. Борисов, находящийся непосредственно в зоне военных действий, неприемлем для

* Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т.51. С. 147.

** Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). М.: 1972. Т.2. С.178.

*** Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т.2. С.615.

ведения переговоров и приходится признать крушение их из-за вопроса о месте проведения переговоров*.

Советское правительство, обеспокоенное затяжкой решения вопроса о переговорах и подготовкой Польши к войне, приняло меры по укреплению западных границ. 8 апреля 1920 года Главное командование Красной Армии потребовало от командующих Западным и Юго-Западным фронтами привести войска в боевую готовность и в случае перехода польской армии в наступление нанести по ней контрудары. Одновременно предписывалось продолжать подготовку к операции, намеченной еще 10 марта в ответ на наступление польских войск и предусматривавшей нанесение главного удара силами Западного фронта в направлении Игумен — Минск, а вспомогательного — Юго-Западным фронтом.

Указание Главного командования Красной Армии о приведении войск в боевую готовность было своевременным, так как к середине апреля 1920 года польское командование завершило подготовку к переходу в наступление. В приказе заместителя военного министра Польши генерала К.Соснковского от 14 апреля говорилось: „Приближается решающий и кульминационный момент великой исторической борьбы, начатой нашей родиной около полутора лет назад“** Суть этого „момента“ была раскрыта в директиве Ю.Пилсудского от 17 апреля: „Приказываю провести наступательную операцию на Волынь и Подолию, имея задачей разбить 12-ю и стоящие перед линией нашего фронта части 14-й большевистской армии. Операция начнется 25 числа текущего месяца“***. К проведению операции привлекались 6, 2-я и 3-я польские армии, а также украинская пехотная дивизия из состава войск Петлюры. С ним 21 апреля польское правительство заключило договор, по которому оно „приобретало“ права на территорию а границах 1772 года, частично превращавшуюся в вассальное

государство под властью Петлюры. Через два дня была подписана военная конвенция, по которой Директория обязывалась вести наступление совместно с польскими войсками и обеспечивать их продовольствием. Эти акты с буржуазно-националистической Директорией, не представлявшей интересы украинского народа, позволяли польскому правительству оправдать нападение на Украину.

25 апреля 1920 года польские войска в соответствии с

* Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 447.

** Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 2. С. 646.

*** Там же. Т. 2. С. 648.

заранее разработанным планом начали наступление на Украину. На следующий день Пилсудский обратился с воззванием „Ко всем жителям Украины“. В воззвании отмечалось: „Польская армия, вторгаясь в области, принадлежащие украинским гражданам, останется на Украине столько времени, сколько понадобится для того, чтобы эти области были приняты в управление регулярным украинским правительством... Вместе с польскими войсками вернутся на Украину, под предводительством атамана-генерала Семена Петлюры, легионы, которые в дни самых тяжелых для украинского народа испытаний нашли поддержку со стороны Польской республики"*.

26 апреля польские войска заняли Житомир, 27-го — Казатин, 28-го — станцию Малин, 6 мая — Киев.

В воззвании Пилсудского совершенно четко говорилось о вторжении польской армии на исконные украинские земли, чтобы помочь прийти к власти „правительству“ Петлюры. Выдавая наступление польской армией за некую освободительную миссию, он пытался скрыть истинные его цели, а именно: захват украинских земель в границах 1772 года.

В.И. Ленин, выступая 29 апреля на Всероссийском съезде рабочих стекло-фарфорового производства, оценил воззвание Пилсудского как объявление Польшей войны Украине. Ленин отмечал, что это требует „от нас самой решительной и немедленной защиты интересов пролетариата“, необходимо „подняться как один, чтобы защитить и себя, и Украину от натиска польских империалистов"***.

ВЦИК и СНК РСФСР в тот же день приняли обращение „Ко всем рабочим, крестьянам и частным гражданам России“ с призывом к защите Советской Украины от нападения польских войск и к установлению братского союза с трудящимися массами Польши. В обращении подчеркивалось, что „мы за независимость Польши, но мы и за независимость трудовой России и Советской Украины"****. В этом документе, в отличие от предыдущих нот и обращений Советского правительства, появились уже другие акценты. Подчеркивая, что Советская Республика ведет революционную самооборону, ВЦИК и СНК снова вернулись к идее мировой революции, провозгласив лозунг: „Да здравствует независимая рабоче-крестьянская Польша!"

Поспешность в определении будущего государственного

* Документы и материалы по истории советско-польских отношений.

** Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 40. С. 330 — 332.

*** Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 492.

устройства Польши, которая пока еще одерживала победы, наложила свой отпечаток на характер дальнейших советско-польских отношений. Узкоклассовый подход и ультрареволюционность содержались и в обращении ЦИК и СНК Украинской ССР и Политбюро ЦК КП(б)У к рабочим и крестьянам Украины от 4 мая 1920 года. В нем отмечалось: „Решительная война началась между рабоче-крестьянскими республиками России и Украины и польской шляхтой, война, которая не закончится до тех пор, пока наглый польский помещичий класс не будет разбит наголову“*.

Подобные призывы не были случайными, хотя и вызваны агрессией Польши. Многие коммунисты того времени преувеличивали возможность победы мировой революции и разделяли революционно-романтические настроения. Они были погасли к весне двадцатого года, когда стало ясно, что пролетариат Западной Европы еще не созрел к революционному взрыву. Наступление польских войск стало катализатором возрождения идей мировой революции, светильник которой, как казалось руководителям Коминтерна, зажегся в глубинах западноевропейских стран. Эти идеи нашли отражение в отдельных формулировках II конгресса Коминтерна, состоявшегося 19 июля — 7 августа 1920 года. Однако было бы неверным преувеличивать роль идей мировой революции в решениях Коминтерна. Основой его концепции являлись марксистско-ленинские выводы о назревании революций в силу классовых противоречий, прежде всего внутренних. В.И. Ленин в своей работе „Детская болезнь „левизны“ в коммунизме“ подчеркивал, что революция возможна лишь на основе общенационального кризиса, лишь тогда, когда к этому рубежу массы подведены своим собственным политическим опытом**. Он требовал поставить дело так, чтобы никто не смог говорить, „что большевики навязывают свою универсальную систему, которую будто бы можно на красноармейских штыках внести в Берлин“.

После окончания советско-польской войны многие коммунисты еще продолжали мыслить категориями революционного штурма. Под влиянием этих идей оказался и М.Н. Тухачевский. В восьмой главе „Революция извне“ он отмечал, что положение в Польше рисовалось „в благоприятном для революции свете“, многие польские коммунисты были уверены, что, стоит только дойти до этнографической границы, „как

*Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М.: 1965. Т.3. С.38.

**Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т.41. С.69 — 70, 78.

пролетарская революция в Польше станет неизбежной и обеспеченной". М.Н.Тухачевский подчеркивал, что в расчет, кроме других, военных факторов, принималась возможность взрыва революции на Западе и в польской кампании виделось связующее звено между „революцией Октябрьской и революцией Западноевропейской". Однако жизнь показала иллюзорность подобных расчетов, которые, вкуче с другими просчетами стратегического характера, привели к поражению Красной Армии под стенами Варшавы.

Ю.Пилсудский в своей книге „1920 год" посвятил специально целую главу, девятую, проблеме мировой революции. Она по аналогии с восьмой главой книги М.Н.Тухачевского также названа „Революция извне". Пилсудский отмечает как неоспоримый факт, по его мнению, что Советская Россия вела войну с Польшей под лозунгом „навязывания нам, полякам, такого же, как и у нее, государственного, то есть советского, строя, и эту цель окрестила наименованием революция извне". Он справедливо отмечает глубокое недоверие, а зачастую и явное недоброжелательное отношение польского населения к Советам. Поэтому, резюмирует Пилсудский, в Польше не могло быть взрыва революции, и Тухачевский ошибся, полагая, что найдет для себя в стране „продуктивную помощь".

Утверждения Пилсудского не были лишены основания. Тон и содержание многих агитационно-пропагандистских материалов подтверждали его выводы. В обращении ВЦИК к польским рабочим, крестьянам и солдатам от 7 мая 1920 года содержались призыв прекратить братоубийственную войну и заверение, что после разгрома „польских панов" Советская власть предоставит польскому народу право устраивать свою жизнь по собственному усмотрению*. В обращении Исполкома — ма Коминтерна к рабочим всех стран от 18 мая Советская Россия была объявлена „столпом мировой революции" и провозглашен лозунг: „Да здравствует международная пролетарская революция!". Революционная эйфория не миновала и программный документ ЦК РКП(б) — тезисы „Польский фронт и наши задачи" от 23 мая. В тезисах выражалась уверенность в разгроме „буржуазии Польши" и в том, что „польский пролетариат превратит свою страну в социалистическую республику"*** .

Одним из генераторов идеи мировой революции, нашедшей отражение в официальных правительственных докумен-

* Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 3. С. 47.

** Там же. С. 67.

тах, являлся и председатель Реввоенсовета Республики Л.Д.Троцкий. В своей речи на массовом митинге в Гомеле 10 мая он прямо заявил: „И наша задача теперь — отсечь голову хищному польскому орлу и тем самым помочь польским рабочим и крестьянам поднять над Польской республикой знамя, на котором будут, как и у нас, символы труда“*.

Выступление Троцкого было приурочено к наступлению войск Западного фронта, начавшемуся 14 мая. В отличие от политических работников представители военного командования в то время более реально подходили к оценке сил и возможностей советских войск. Нереальному призыву зажечь пожар мировой революции они предпочитали трезвый учет всех совокупностей обстановки и ставили перед собой цель оказать помощь Юго-Западному фронту, который терпел поражение. В директиве командующего войсками Западного фронта М.Н.Тухачевского от 12 мая ставилась задача только „разбить и отбросить польскую армию к Пинским болотам“** Однако из-за недостатка сил, отсутствия устойчивого управления и поспешности в подготовке майская операция окончилась неудачей. В то же время польское командование было вынуждено снять часть сил с Украины и перебросить их в Белоруссию. Это позволило Юго-Западному фронту 26 мая начать операцию по освобождению Киева, разгрому и уничтожению „польской армии на Украине“***. Киевская операция развивалась успешно, и польское командование, стремясь избежать окружения, в ночь на 9 июня приступило к эвакуации Киева. 12 июня в город вступили части 58-й стрелковой дивизии 12-й армии. 15 июня командующий Юго-Западным фронтом А.И.Егоров приказал окончательно разгромить 3-ю польскую армию и выйти на линию Брест—Ровно****.

Победы, одержанные на Украине, вызвали новый революционный энтузиазм у правительства РСФСР и УССР. В воззвании ВЦИК и СНК РСФСР и УССР от 16 июня, подписанном В.И.Лениным, М.И.Калининым, Х.Г.Раковским, Г.В.Чичериным и Л.Д.Троцким, снова говорилось о стремлении сделать Польшу свободной и независимой и „разгромить польских помещиков и капиталистов“*****.

* ЦГАСА. Ф.33987. Оп.2. Д.126. Л.21.

** Директивы командования фронтов Красной Армии (1917 — 1922**гг.). М.: 1974. Т.3. С.28.

*** Там же. С. 158.

**** Там же. С. 191.

***** Документы и материалы по истории советско-польских отношений.

Этому намерению, казалось бы, соответствовала и складывавшаяся военно-политическая обстановка. 4 июля в наступление перешли и войска Западного фронта с задачей форсировать Березину, разгромить и уничтожить главные силы противника*. К концу июля Красная Армия вышла к этническим границам Польши и теперь для Польского государства впервые создалась реальная угроза.

Правящие круги держав Антанты, внимательно наблюдавшие за развитием событий на советско-польском фронте, были обеспокоены возможным разгромом польской армии. Поэтому еще 11 июля английское правительство в лице министра иностранных дел лорда Дж. Керзона направило Советскому правительству ноту с предложением немедленно приостановить военные действия и заключить перемирие между Польшей и Советской Россией, а также прекратить военные действия против армии генерала Врангеля. В качестве границы между Польшей и Советскими республиками предлагалась так называемая „линия Керзона“, выработанная державами Антанты еще в конце 1919 года. Она проходила по линии: Гродно — Валовка — Немиров — Брест — Литовск — Дорогуск — Устилуг, восточнее Грубешова через Крылов, далее западнее Равы Русской, восточнее Перемышля и до Карпат. В своем ответе на эту ноту Советское правительство 17 июля указало, что польское правительство не обращалось к нему с предложениями о мире. Правительство РСФСР подчеркнуло свое желание об установлении мира с Польшей, для чего были необходимы непосредственные переговоры с нею без постороннего вмешательства**. При этом отмечалось, что Советское правительство изъявляет готовность „согласиться на более выгодную для польского народа территориальную границу, чем та, которую наметил Верховный совет в декабре прошлого года“***.

В связи с тем, что со стороны польского правительства непосредственного обращения к правительству РСФСР не было, Пленум ЦК РКП(б) 16 июля признал необходимым, пока не достигнута договоренность с Польшей о перемирии, продолжать наступление. На следующий день Советское правительство дало указание Главкому С.С.Каменеву о непрерывном развитии операций на Юго-Западном и Западном

* Директивы командования фронтов Красной Армии (1917 — 1922 гг.). Т.3. С.61.

** Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т.3. С.160.

*** Там же. Т.3. С.160.

фронтах „как до границы, намеченной Антантой, так и за пределами этой границы в случае, если бы силой обстоятельств мы оказались вынужденными временно перейти за эту границу“*. Через два дня Совнарком РСФСР направил об — рашение к рабочим, крестьянам и всем гражданам Советской России и Советской Украины. В обращении еще раз было отмечено, что если Польша, минуя Париж и Лондон, непосредственно обратится в Москву, то мирные отношения между Россией и Польшей будут установлены „гораздо скорее, надежнее и прочнее на этом пути“, а пока таких предложений не было, то Совнарком призывал советские войска идти вперед.

В ночь на 23 июля Западному фронту была поставлена задача энергично продвигаться в „общем направлении на Варшаву, дабы нанести противнику окончательное поражение“**. Войскам Юго-Западного фронта предстояло к 4 августа овладеть районом Ковель, Владимир-Волынский, нанести решительное поражение 6-й польской и петлюровской армиям, оттеснив их на юг, к границам Румынии. Эти задачи решались войсками Западного фронта в Варшавской и Юго-Западным фронтом — в Львовской операциях.

Польское правительство, стремясь избежать поражения, 22 июля предложило правительству РСФСР немедленно заключить перемирие и начать непосредственные мирные переговоры. Согласие на это было дано сразу же. Но на переговоры 1 августа в Барановичи прибыла делегация с полномочиями только от польского командования, а не от правительства и только для ведения переговоров о перемирии, а не о мире. Поэтому советская делегация 2 августа заявила, что ей необходимо получить письменный или подтвержденный по радио мандат от польского правительства, с тем чтобы уже 4 августа могла состояться встреча обеих делегаций. Однако польское правительство, возлагавшее надежду на спешно подготавливавшееся вмешательство Антанты, продолжало зиять переговоры. Этому благоприятствовала и обстановка на фронте. С началом августа резко возросло сопротивление польской армии, явно враждебное отношение значительного большинства населения Польши к Красной Армии. Это явилось полной неожиданностью для многих советских партийных и военных работников. Причины данному явлению они видели в несознательности польских масс, в антисоветской пропаганде

* Директивы Главного командования Красной Армии (1917— 1920). С. 614.

** Там же.

правлящих классов, в „крестьянском национализме". Трезвый подход к оценке внутриполитического положения в Польше уступил место недоброжелательности, враждебности, появилось бесосновательное клише „панская Польша", а термин „белополяки" стал распространяться на весь польский народ.

В конце июля 1920 года, когда казалось, что победа уже близка, был образован Временный революционный комитет Польши (Польревком). В сообщении о его создании говорилось, что Польревком вплоть до создания постоянного рабоче-крестьянского правительства в Польше должен заложить основы „будущего советского строя Польской Советской Социалистической Республики"*.

Польревкому явно не хватило выдержки и предвидения, когда он заявил, что „лишает власти существующее буржуазно-помещичье правительство" Польши. Разработанный членами Польревкома манифест к польским трудящимся был поддержан В.И.Лениным, который рекомендовал Реввоенсовету Западного фронта принять меры к его распространению „самым широким образом"**.

На принятие советским военно-политическим руководством решений о продолжении наступления на Варшаву большое воздействие оказала информация Польревкома о внутриполитической ситуации в Польше. Эта информация характеризовалась необъективностью, преувеличением революционной готовности польских трудящихся. Так, 6 августа член Польревкома Ф.Э.Дзержинский в своей телеграмме на имя В.И.Ленина сообщал, что „буржуазия чувствует себя бессильной", „армия, кроме повстанцев, разваливается, дезертирство огромное", выражалась надежда на быстрое создание пролетарской польской Красной Армии***. Даже 17 августа, когда польские войска уже вели успешное контрнаступление, Ф.Э.Дзержинский информировал В.И.Ленина о том, что польские крестьяне безучастно относятся к войне, уклоняются от мобилизации, варшавские рабочие ожидают прихода Красной Армии.

Иллюзорность в отношении оценки внутреннего положения в Польше наложила свой отпечаток и на действия Реввоенсовета Республики. 14 августа его председатель Л.Д.Троцкий подписал приказ о наступлении на Варшаву, пока не будет заключено перемирие с Польшей. Однако к этому времени

*Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 3. С. 221.

**Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 51. С. 248.

***Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 3. С. 264-270.

приказ Троцкого абсолютно не отвечал сложившейся обстановке. Польское командование сумело перегруппировать силы и 14 августа начало контрнаступление. В результате войска Западного фронта потерпели поражение и к исходу 25 августа отошли на восток, на рубеж Липск, Свислочь, восточнее Брест-Литовска, а Юго-Западный фронт оборонялся на рубеже восточнее Холма, Грубешова, Львова.

17 августа в Минске состоялось первое пленарное заседание российско-украинско-польской мирной конференции с целью выработки условий перемирия и обсуждения положений прелиминарного мира. На втором пленарном заседании 19 августа руководитель советской делегации К.Х.Данишевский снова подтвердил, что Советская Республика признает полную самостоятельность и суверенность Польского государства и не собирается навязывать штыком ни одному народу своего государственного строя и коммунизма. Одновременно подчеркнул стремление жить в мире, прекратить войну и ограждать народы РСФСР и УССР от новых нападений и новых войн. Этого, по мнению советской делегации, можно достичь только при условии ограничения численности вооруженных сил Польши до 50 тыс. человек и сокращения ее средств ведения войны. Советская делегация заявила, что сразу же по демобилизации польской армии советские войска будут отведены в тыл и в полосе, прилегающей к нейтральной полосе, останется армия численностью не более 200 тыс. человек*.

Столь жесткие, ультимативные требования, естественно, не могли быть приняты, тем более что польская армия в это время вела успешное наступление. Неуступчивость советской делегации могла привести к затягиванию войны. Не способствовали успешному ведению переговоров и непродуманные действия Реввоенсовета Западного фронта. 20 августа он издал приказ, в котором заявлялось, что польская мирная делегация сплошь состоит из шпионов и контрразведчиков и что мир может быть заключен только „на развалинах белой Польши**“. В этой связи Политбюро ЦК РКП(б) приняло следующее постановление: „Выразить самое суровое осуждение поступку тт.Тухачевского и Смилги, которые издали, не имея на то никакого права, свой хуже чем бестактный приказ, подрывающий политику партии и правительства“*** Политбюро потребовало от Реввоенсовета Республики отменить приказ

* Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т.3. С.312.

** Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т.54. С.716.

*** Там же. С.431.

Реввоенсовета Западного фронта, что и было сделано 23 августа. РВСР поставил РВС фронта на вид неправильность его действий и поручил председателю советской делегации на переговорах с Польшей К.Х.Данишевскому ознакомить польскую делегацию с этим постановлением, если она сочтет себя недостаточно удовлетворенной уже сделанным на заседании делегации объяснением.

1 сентября 1920 года между польским и советским правительствами была достигнута договоренность о ведении переговоров в Риге. Здесь 12 октября между Советской Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей, с другой стороны, был подписан „Договор о перемирии и прелиминарных условиях мира“. 18 марта 1921 года в Риге состоялось подписание окончательного мирного договора с Польшей. По Рижскому договору к Польше отходили западные украинские и белорусские земли. Хотя по условиям мира к Польше отошла часть захваченных ею территорий, установленная советско-польская граница проходила значительно западнее той, которую Советское правительство предлагало весной 1920 года. Подписание мира явилось логическим завершением устремлений внешней политики Советского государства, направленных на мирное урегулирование спорных территориальных вопросов и уважение права всех наций на самоопределение. Настойчивые, неоднократные предложения Советского правительства, вне зависимости от того, как развивались события на фронте и какие бы лозунги ни провозглашались, возымели действие. И в результате был заключен мир не вследствие истощения сил обеих сторон, а вследствие возобладания разума в политике. Мира можно было достичь и гораздо раньше и для этого не было необходимости переходить этническую границу Польши. Однако военные работники своевременно не подсказали ЦК партии подобного решения, что привело к дальнейшему расширению и еще большим жертвам.

В настоящее время появилась возможность ликвидации многих „белых пятен“ в истории советско-польских отношений, в том числе и по проблемам советско-польской войны. Они находятся в центре внимания Комиссии ученых СССР и ПНР, созданной после подписания М.С.Горбачевым и В.Ярузельским совместной Декларации о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры.

Историкам обеих стран еще предстоит сложная работа по исследованию причин возникновения советско-польской войны, ее характера, итогов и уроков. Необходимо полностью преодолеть стереотипы старого мышления, отбросить идеоло-

гические штампы прошлого и безосновательные клише, дать более объективный анализ влияния идей мировой революции на действия Красной Армии. Это тем более важно, что война между Советской Россией и Польшей не была нужна ни польскому народу, ни народам Советского государства, но ее последствия десятилетиями тяготели над советско-польскими отношениями. И задача советских и польских историков — избавиться от односторонних упрощенных представлений.

Кандидат исторических наук,
полковник

В.ДАЙНЕС

М.Тухачевский

Поход за Вислу

М.Тухачевский

Тухачевский М.Н. (1893-1937),
Маршал Советского Союза. Член
КПСС с 1918 года. В гражданскую
войну командовал рядом армий в
боях в Поволжье, на Юге, Урале, в
Сибири, командовал войсками
Кавказской фронта при разгроме
войск Деникина и Западного
фронта в советско-польской войне. В
1925–1928 годах — начальник
Штаба РККА, с 1931 года —
заместитель председателя РВС
СССР, с 1936 года — первый
заместитель наркома обороны. В
1937 году расстрелян как „враг
народа“.

Товарищи, главным источником настоящих лекций являются мои воспоминания. Отчасти же они основаны и на просмотре наших официальных документов оперативного управления штаба фронта. Пользовался также я и книгой тов. Сергеева „От Двины к Висле” и кое-какими французскими и польскими статьями. Недостаток времени не позволил остановиться на этом вопросе в том объеме, как бы этого хотелось и как это было бы нужно. Поэтому лекции будут носить характер общего стратегического обзора операций, и рассмотрения стратегических деталей и тактических действий различных войсковых соединений я в них буду избегать.

І

В о з н и к н о в е н и е в о й н ы

Обзор событий я начинаю с того момента, когда поляки начали свое наступление на нашем юго-западном фронте и заняли Киев. В это время обстановка для Советской России складывалась следующим образом: Колчак ликвидирован на востоке; Деникин ликвидирован на Кавказе. Лишь только врангелевское гнездо засело на Крымском полуострове. На севере и западе (кроме Польши) операции уже давно были закончены. С Латвией уже был подписан мирный договор. Таким образом, выступление Польши застало нас в сравнительно — но благоприятной для нас обстановке. Если бы только

Польское правительство сумело сговориться с Деникиным еще до его разгрома, если бы оно не боялось империалистического лозунга "Единая, неделимая великая Россия", то наступление Деникина на Москву, поддержанное польским наступлением с запада, могло бы для нас кончиться гораздо хуже, и трудно даже предугадать конечные результаты. Но сложное сочетание капиталистических и национальных интересов не допустило этой коалиции, и Красной Армии пришлось встретиться с ее врагами последовательно, чем значительно облегчалась ее задача.

В общем, к весне 1920 года мы имели возможность почти все наши вооруженные силы перебросить на Западный фронт и вступить в жестокую борьбу с армиями белополяков.

II

Р а й о н б о е в ы х

д е й с т в и й

Район предстоявших боевых столкновений на Западном фронте приблизительно по меридиану разделялся течением р. Березины. Берега этой реки, болотистые и покрытые лесами, на всем своем протяжении представляют значительную преграду для ее форсирования. Эти свойства усиливаются еще тем, что в верхнем ее течении, в районе г.Леппель — м.Березина — озеро Пелик, находятся почти непроходимые болота, покрытые лесами. Южнее, вниз по течению и к востоку и западу от нее, растянулись непрерывные леса, в значительной части — болотистые и очень малонаселенные. Железные дороги пересекают Березину только в трех пунктах: у Борисова, Бобруйска и Шацилки. Вследствие этого наиболее выгодный для форсирования реки район — на игуменском направлении — является чрезвычайно трудным в смысле организации армейской коммуникации. Севернее Березинских болот, между Леппелем и Западной Двиной, имеется сухое пространство, удобное для движения и

действий больших войсковых масс. Правда, этот район изрезан озерами; но здесь все-таки войска будут действовать в местности населенной, и, главное, действующая армия имеет здесь удобную коммуникацию: р. Западная Двина и Полоцкий железнодорожный узел. Этот район поляки называют „Смоленскими воротами“.

К югу от нижнего течения Березины местность становится совсем малопригодной для действий крупных войсковых соединений. Леса и болота и слабая населенность являются тому причиной.

В общем, можно наметить два направления наиболее выгодных для нашего наступления: „Смоленские ворота“ и игуменское направление.

Поляки в это время располагались примерно по линии Дисна — Полоцк — р. Ула — ст. Крупки — Бобруйск — Мозырь. Выгодностью „Смоленских ворот“ для нашего наступления являлось, как уже указано выше, населенность района, твердый грунт и хорошая коммуникация. Неудобство его было то, что прямое наступление от Полоцка встречало на своем пути очень трудное препятствие — Западную Двину. Удар же между Двиной и Леппелем заставлял наши армии, по выходе в район ст. Ореховна, круто менять свою операционную линию, делая большое захождение правым плечом градусов на 90. Игуменское направление позволяло удобное прямолинейное движение. Как уже упоминалось выше, движение это должно было происходить по бездорожному лесисто-болотистому району, где организация тыла встретила бы при наших скудных средствах непреодолимые затруднения. Вот почему при выработке плана наступательных действий для главного удара были избраны „Смоленские ворота“.

III

Группировка сил

По плану главнокомандующего главная стратегическая роль выпадала на долю Западного фронта. Здесь, в районе Витебск—Толочин—Орша, сосредоточились

крупные силы, перевозимые с различных ликвидированных фронтов. Выбранный главкомом район сосредоточения развязывал фронтовому командованию руки в смысле выбора того или иного операционного направления. Можно было в несколько переходов подтянуть их к "Смоленским воротам" и в этот же срок сосредоточиться на игуменском направлении.

Состояние наших войск не могло быть приведено к общему уровню. Те войска, которые и ранее находились на Западном фронте, не вызвали к себе особого доверия. Они стояли здесь в течение нескольких лет в самом растянутом положении, причем более активные польские войска постоянными налетами и мелкими поисками тревожили и разлагали наши войска. Они теряли артиллерию, пулеметы и пленных. Вместе с тем ни с какой стороны крупных активных действий не применялось. Все это, а также и неудачи в борьбе с поляками в предыдущем году вселяло, как казалось, в наши войска некоторую робость и неуверенность. Наоборот, войска, прибывшие с других фронтов, которые только что были победоносно нами ликвидированы, были полны наступательного настроения и самого высокого состояния духа. Боеспособность их была безусловно велика.

Местные войска Западного фронта (48, 53, 8, 10, 17, 2-я и 57-я стр. дивизии) занимали линию боевого фронта. Войска, перебрасываемые с других фронтов, сосредоточивались в вышеуказанном районе Витебск—Толочин—Орша. Армейских управлений на Западном фронте имелось только два — 15-е и 16-е. Между тем намечаемое сосредоточение (до 21-й дивизии) требовало наличия не менее 4—5 армейских управлений. Технические войск, связи и железнодорожных на Западном фронте имелось самое ничтожное количество, совершенно недостаточное для мало-мальски серьезных боевых действий. Подтягивание этих войск, в общем, значительно отстало от сосредоточения основных родов войск, почему последующие операции и были поставлены в чрезвычайно тяжелое положение.

Польские войска кордонно растягивались по всей занимаемой ими линии более или менее равномерно.

Каждая дивизия их старалась выделить резерв, и армии, в свою очередь, делали то же самое. Таким образом, равномерно расположенные войска по фронту более или менее равномерно эшелонировались и в глубину. Эта кажущаяся устойчивость польского расположения несла в самом существе своем и опасное положение, а именно то, что никакими усилиями польское командование не могло бы сосредоточить на любом направлении главные массы войск. Наше наступление непременно сталкивалось бы лишь с незначительной частью польской армии и после этого последовательно встречало бы контратаки резервов.

Эти ошибки польского расположения были нами утены, и при организации наступления расчеты строились на том, чтобы сильным ударом превосходных наших войск сразу же уничтожилась бы передовая польская линия. Для того чтобы получить наибольший успех в наикратчайшее время, начальникам дивизий было предложено вводить свои войска в дело сразу, не оставляя никаких резервов. Наши войсковые массы давили и в полном смысле слова упраздняли в районе удара части передовой польской линии. После этого последовательные контрудары резервов уже становились не страшны, и резервы последовательно подвергались участи своей передовой линии.

Зато в строевом отношении состояние польских войск, в общем, было выше, чем наших. Вооружены и обмундированы они были также лучше.

Соотношение наших и польских сил по числу, в случае окончания нами нашего сосредоточения, уравнивалось. Полевой штаб считал даже, что мы будем сильнее. Но это происходило потому, что мы численность войск считали бойцами, а польские части учитывали штыками и саблями (таблица 1), что сильно путало расчеты.

IV

Майское

наступление

Покуда происходило сосредоточение наших главных сил на Западном, поляки продолжали развивать свои успехи на Юго-Западном фронте. Эти успехи передались и к северу. Поляки заняли Мозырь и развили успешное наступление на Речицу. Поиски и действия мелких и средних частей польской армии стали усиленно развиваться по всему Западному фронту. Все говорило за то, что поляки накануне перехода в наступление. Для того чтобы сохранить наше положение и не дать возможности полякам втянуть нашу основную группировку в навязанные ей действия, необходимо было самим перейти от обороны к нападению. По этой причине и было предпринято наступление 14 мая.

Наступление это было начато тогда, когда еще не все наши силы успели сосредоточиться. На запоздавшие дивизии приходилось смотреть, как на резерв. Вместе с тем нужно было считаться с тем, что успех нашего первого наступления, безусловно, должен быть своевременно развит и не должен ограничиваться мелкими временными задачами. План наступления предусматривал прорыв через „Смоленские ворота“, разгром левого фланга польской армии и прижатие остальных ее сил к Пинским болотам. Этот план имел за собой то преимущество, что он позволял в значительной мере экономить силы. Враждебная полякам Литва, в случае нашего продвижения, с успехом могла обеспечивать наш фланг и тыл. Дальше эту же задачу могла выполнять Восточная Пруссия, даже без всякого на то ее согласия. Таким образом, после первого же прорыва все наши силы могли быть использованы для активных действий против основных масс польской армии и лишь незначительное внимание мы должны были бы уделять своему правому флангу и тылу. На игуменском направлении действия 16-й армии (командарм Соллогуб, наштарм Баторский) должны

Таблица I

Соотношение сил на Западном фронте

к 15 мая 1920 г.

	Противник			Примечание	Наши войска			Бойцов вообще	Примечание
	Части	Штыков	Сабель		Части	Штыков	Сабель		
Направление „Смоленских ворот“	8 пех. див.	4800	400	Боевой фронт	48 стр. див.	2028		4939	Большая часть дивизии на Латвийской границе. Кроме того прибывает 18 стр. див.
	1 лит.-бел. див.	3500	400		164 стр. бриг.	1141		2320	
	Итого:	8300	800		Итого:	3169		7249	
	3 див. легион.	4800		Глубоко расчисленные резервы, считая и части, стоящие против Литвы.	XV-я армия				
	6 пех. див. (1 полк).	1200			4 стр. див.	5597		7923	
	10 пех. див.	4800			6 " "	3162		6700	
	2 лнт.-бел. див.	4800			11 " "	2638	72	5990	
	Кавал. див.		1800		29 " "	9868	605	13567	
	Итого:	15400	1800		53 " "	3157		5142	
					56 " "	2500*)		5162	
			Равные части	1144		1303			
			15 кав. див.			1937	2351		
			Итого:	28061	2614		46647		
Всего:	23900	2600		Всего:	31230	2644	558%		
Южный район фронта	2 пех. див.	4800	400	Боевой фронт	2 стр. див.	2500*)		6500*)	*) около 21 стр. див.
	6 " "				8 ----	4291	991	7972	
	(3 полка)	3400	600		10 ----	2730		6930	
	14 Б. дол. див.	4000	600		17 ----	6811	301	11270	
	9 пех. див.	5000	1600		57 ----	1580	57	3230	
	Итого:	17200	3200	Резервы	Равные части	302		595	
	17 В.-под. див.	4800			Всего:	18244	1349	36506	
	16 Поморск. див.	4800			Всего:	18244	1349	36506	
	Итого:	9600							
	Всего:	26800	3200						
Всего против Зал. фронта	50700	5800		Всего на Зап. фронте:	49474	3993	92402		

были, по форсировании р.Бережины, вцепиться с фронта в основную группировку белополяков и не позволить им маневрировать для противодействия главному удару 15-й армии.

Части 15-й армии, действовавшие севернее р. Двины, были объединены под командой тов. Сергеева в северную группу, подчиненную непосредственно фронту, задачей которой ставилось форсирование Западной Двины в районе к западу от Полоцка для действия на фланг и тыл противнику, ведущему бой с 15-й армией.

15-я армия (командарм Корк, наштарм Кук), как таран, обрушилась на слабые части Литовско-Белорусской дивизии, занимавшей примерно течение р.Уллы. Части этой дивизии были разгромлены, деморализованы и рассеяны в первый же день. Последовательный ввод в дело польских резервов еще более усилил поражение и внес еще больший развал в польскую армию. Наше наступление быстро и стремительно стало развиваться, 15-я армия без затруднения проделала заворот в „Смоленских воротах" и продолжала движение в молодецненском направлении.

Успех был настолько решителен и настолько неожиданным для поляков, что их главное командование проявило определенную неустойчивость и начало переброску сил с Юго-Западного на Западный фронт.

Ввод в дело этих свежих резервов сыграл свою роль примерно на линии Поставы — Будслав — Зембин. Наши войска встретили ряд согласованных контрударов и были остановлены. Неудача в переправе 16-й армии еще более усугубила положение. Необходимо заметить, что кроме объективных причин, помешавших наступлению 15-й армии, налицо была и некоторая разброска ее сил. Дивизии, растянувшись по трем направлениям (Поставы—Молодечно—Зембин), нигде не имели давящей группировки, а находившаяся в резерве дивизия не могла вовремя поспевать с одного направления на другое.

Наконец, решительный удар поляков на поставском направлении решил участь операции. Части 15-й армии были здесь прорваны, и вся армия была вынуждена к поспешному отступлению. Как и всегда бывает после

больших переутомлений и блестящих побед, опасная неудача на важном направлении с быстротой молнии пере — дается по всему фронту, и устойчивость войск мгновенно падает. Начинается поспешное отступление.

Для того чтобы удержать откатывающиеся массы, было решено организовать оборону „Смоленских ворот” следующим образом: северной группе было приказано занять район Германовичи и прочно запереть проход между озерами Белое, Ельно и Жадо. 15-й армии, усилением своей южной группы, — запереть входы в Березинские болота на направлении Большая Черница. Прочим силам 15-й армии — оборонять подступы к р.Мнюта. Дальнейшее продвижение польских войск в полочком направлении попадало в клещи.

Польское командование, опасаясь прямого движения, решило разбить в первую голову нашу северную группировку. Против 18-й дивизии (вновь прибывшей в северную группу) были двинуты 10-я пехотная дивизия и 7-я резервная бригада.

Целые сутки продолжался бой и наконец 18-я дивизия с большими потерями была принуждена отступить. Зато и наступавший противник разбился и потерял способность к дальнейшим решительным действиям. Это явилось переломным моментом в операции. Некоторая неустойчивость продолжалась еще значительное время, но, в общем, „Смоленские ворота” остались в наших руках вплоть до того момента, когда мы перешли во второе решительное наступление.

В ы в о д ы

Эта первая наша операция имела для нас очень важное значение. Войска наши увидели, что они могут побеждать поляков. Правда, польские войска в целом ряде боев показали себя по строевым качествам выше, но зато наша энергия, смелость и умение группироваться, в общем, доказали, что наши части тактически способнее польских, и это окончательно рассеяло ту неуверенность, которая еще имелась в некоторых частях. На будущее

бои все смотрели с твердой решимостью и с полной уверенностью в победе.

Вторым важным следствием нашего первого наступления было то, что мы облегчили положение Юго-Западного фронта и заставили в самую тяжелую минуту для него снять часть польских войск с киевского направления.

Наконец, наиболее важным для нас результатом было занятие „Смоленских ворот“. Это позволило нам с гораздо большей легкостью организовать дальнейшее наступление и сразу ставило наши войска на железную дорогу Молодечно — Полоцк.

V

Подготовка

главного

наступления

В первой половине июня на всем Западном фронте установилось спокойствие. Соотношение сил к этому времени видно из таблицы II.

Конечно, имея такие силы и учитывая то, что все подкрепления наконец прибыли, нельзя было надеяться на решительное развитие главной операции. Необходимо было изыскать средства к пополнению наших поредевших частей.

Командованием фронта было намечено удвоение по числу штыков всех наших стрелковых дивизий.

Вставал при этой задаче очень трудный вопрос — укомплектования. В это время действовал еще Всероссийский Главный Штаб, учреждение глубоко бюрократическое, которое не умело выполнять возложенных на него задач. Работа в запасных частях, работа по мобилизации и по борьбе с бандитизмом велась формально, бездушно и никаких результатов не давала. В распоряжении Главного Командования имелась запасная армия, на которую и выпадала главная тяжесть работы по

Таблица II

**Соотношение сил на Западном фронте к концу
майской операции.**
(С вновь прибывшими частями)

Поляки				Наши войска				
Части	Штыки	Сабли	Примечание	Части	Штыки	Сабли	Вообще бойцов	Примечание
Северная группа								
10 пех. див. (с 1 пр. п.)	5000	500		18 стр. див.	3650	260	8768	1) 48 стр. див. на Латвийск. границе. 2) Прибывает 54 стр. див.
7 рез. бриг.	3000			160 стр. бриг.	2109	205	3849	
8 пех. див.	1800	500		164 " "	906		1692	
1 кав. див.		1800		Итого:	6665	465	14309	
2 лит.-бел. див.	4800							
XV-я армия								
11 пех. див.	4800			4 стр. див.	4385	304	10727	*) около
6 пех. див. (бриг.)	1600			5	7766	490	10800	
17 пех. див.	1800			6	2815	35	6000*	
1 лит.-бел. див.	2000			11	2211	35	6000*	
				12	2300*		5363	
				53	2938	144	6286	
				56	1894		4271	
				Итого:	24509	1008	49447	
Всего:	28800	2800		Всего:	31174	1473	63756	
XVI-я армия								
16 пех. див. (3 п.)	4200			2 стр. див.	2500*)		6500*)	*) Около
4 пех. див. (3 п.)	4000			8 - -	3200	177	5626	
	4000	1700		10 " "	2405	81	7483	
9 пех. див.				17 " "	3273	238	7222	
2 " "	3200	500		22 " "	3558	1424	5942	
				Итого:	14736	1920	32773	
Мозырская группа								
6 " " (бриг.)	1600	600		57 стр. див.	1094	63	3749	
14 пех. див.	4800	600		Разн. части	1833		3597	
				Итого:	2927	63	7346	
Всего	21800	3400		Всего:	17663	1983	40119	
Всего против Зап. фр.	50600	6200		Всего на Зап. фронте	48837	3456	104075	

Направление „Смоленских ворот“

Южный район фронта

укомплектованию наших действующих армий. Но и ее средства были ограничены и не могли удовлетворить всех наших потребностей.

При этом, надо заметить, обучение красноармейцев в запасных частях было поставлено очень невысоко. Не получая обмундирования, невозможно было правильно его поставить, ввиду весенних холодов, не позволявших заниматься босыми. Как только получалось обмундирование, немедленно сколачивались маршевые роты и батальоны, грузились в эшелоны и отправлялись на фронты.

В таком неприглядном состоянии находилось в тот период дело укомплектования наших армий. Всем фронтам и действующим армиям приходилось изыскивать свои собственные местные средства для того, чтобы пополнять убыль в частях. Конечно, эта задача нелегкая, вносящая разноречивость в дело призыва, но никакого другого исхода не оставалось.

Кроме чисто технических возражений против местных укомплектований имелись и очень веские политические возражения. Было много сторонников того взгляда, что красноармейцы плохо дерутся на своих родных местах, что малейшая неудача ведет к дезертирству и распылению по родным очагам.

Однако жизнь, которая всех и всюду заставила при — бегать к подобным местным укомплектованиям, доказала ошибочность этого осторожного взгляда. В случаях поражения обитатели самых отдаленных районов дезертировали так же легко, как и местные уроженцы. В этом разница была небольшая. Но зато все большие напряжения, все смелые операции и кампании почти всегда выезжали на местных мобилизациях и местных укомплектованиях. Так же случилось и в июне 1920 года. Малочисленность частей, необходимость срочного наступления и безнадежное состояние центральных запасных частей заставило Западный фронт изыскивать пополнения своими собственными средствами.

По сведениям, имевшимся у нас, Западный фронт был переполнен дезертирами из числа призывных годов. Мы рассчитывали, что при правильно поставленной кам-

пани можно будет извлечь из деревень до 40 000 дезертиров.

Был разработан тщательный план этой кампании, были брошены на это дело политические и административные силы, была поставлена в самых широких размерах суровая карательная власть, и кампания началась самым интенсивным темпом. Результат ее был сверх всяких ожиданий. Начались явки дезертиров добровольно. Особенно старались они, под видом добровольцев, являться в действующие части. Только редкие элементы извлекались административным порядком. В течение июня месяца было изъято около 100 000 дезертиров, что в два с половиной раза превысило наши надежды.

Вся эта масса была двинута в нашу запасную армию и запасные полки действующих армий, где началась лихорадочная работа по подготовке ее для отправления в действующие полки. Затруднения в этом вопросе были очень велики. Полное отсутствие всякого обмундирования, недостаток казарменных помещений затрудняли обучение и понижали его качество.

Прибывшие к нам на фронт мобилизованные коммунисты и профсоюзники были двинуты в эту свеженавербованную массу, быстро обработали ее и влили в нее дух бодрости и решимости к борьбе с панской Польшей.

В общем, к концу июня, благодаря несокрушимой энергии красноармейских работников, эта колоссальная, почти неодолимая задача была выполнена, и пополнения тысячами потекли в наши дивизии. К концу июня намеченный план удвоения боевого состава частей был выполнен почти полностью. Этим самым предрешался наш будущий успех и достигалась возможность широкого и длительного развития операций.

Настроение наших войск было приподнятое. Сознание грозности положения и необходимости во что бы то ни стало отстоять Советскую Россию от нашествия польских панов охватило твердой решимостью воевать до конца не только красноармейцев наших частей, но и все местное рабочее и крестьянское население.

С таким же напряжением шла подготовка организа-

Таблица III
Соотношение сил
на зап. фронте
к 4 июля 1920 года

		Белополье			
		Части	Штыки	Сабли	Примечание
Направление „Смоленских“ ворот		8 пех. див.	3.600	500	
		10 "	3.700		
		7 рев. бригада	2.900		
		1-я кав. бриг.		1.200	
		5 пех. див	4,100		
		1 Лит.-Бел.днв.	2 400	500	
		4 пех. див.	3.700		
		15 пех. див.	4.000		
		6 (бригада)	2.000		
		2 Лит.-Бел. див.	3.200		Вильно—против Литвы
		11 перхдив.	3.000		
		Всего	32.600	2.200	
Южный район фронта		2 див. лег.	4.000	1.100	
		6 пех. див. (бригада)	2.000	1.200	
		14 пех. див.	5.000	610	
		16 пех. див.	4800		
		3 див. лег. (1 полк)	1.000		
		1-я горн. див. (бригада)	2.000		
		9 пех. див.	4.000	1.700	
		2 пех. див. (кон -стр..п.)		600	
	17 пех. див.	4.000			
		Всего:	26.800	5.200	
Резерв		Зап.батальоны и эскадроны действующих полков	27.000	1.200	Готовые к влитию пополнения
		Всего против Зап. фронта	86.400	8.600	

Соотношение сил на зап. фронте к 4 июля 1920 года

Наши войска				Примечание
Части	Штыки	Сабли	Вообще бойцы	
IV армия				
18 стр. дна.	4.168	220	7.005	48 стр. див. на Латвийской границе
12 -	2.500*		5.000*)	
53 -	2.047	252	4.500*)	
164 -	1.000		1.500*)	
3 кои. корпус**		3644	4.911	**) В составе 10 и 15кав.див.
XV армия				
4 стр. див.	5.000*)	258	10.000*)	*) около
11 - -	5.441	207	8.854	
15 - -	4.417	837	9.660	
33 - -	3.060	1.289	7.569	
54 - -	4.401	171	8.596	
Разные части	885		2.251	
Итого:	23.204	2.714	46063	
III армия				
5 стр. див.	7 000*)	509	10.000*)	*) Около
6- -	3.500*)	50	6.386	
21 - -	4.000*)	1.424	8.805	
56 - -	3.222	272	5.987	
Равные части	151		445	
Итого:	17.873	2.225	<u>31.623</u>	
Всего:	50.792	8.085	101.402	
XVI армия				
2 стр. див.	4.282		8.654	*) Около
8 -	4.114	324	7.842	
10 -	4.370	130	7.637	
17-	5.624	249	12.920	
27-	5 080*)	250*)	9.000*)	
Разные части	575		575	
Итого:	24.045	953	46.628	
Мозырская группа				
57 стр. див.	3.142	170	6.138	*) Около
Сводный отряд	1.547	313	3.000*)	
Равные части	1.416		3.000*)	
Итого:	6.105	483	12.138	
Всего:	30.150	1.436	58.766	
Зап.батальоны и век. действующих дививий	***)		***)	***) Включено в состав дивизий
Всего на Зап.фронте:	80.942	10.521	160.188	

ции тыла наших будущих операций. Имевшиеся желез —
нодорожные части (головные ремонтные поезда и желез —
нодорожные дивизионы) были подтянуты, и хотя и не
соответствовали по числу предстоящих задач, но все же
давали возможность восстанавливать железные дороги
по принципу сосредоточения сил.

Постройка моста через Западную Двину у Полоцка
заканчивалась, и к началу операций мы имели железно—
дорожное сообщение до ст.Зябки. Имея в виду труд—
ность восстановления железнодорожного моста у Бори—
сова (отверстием 75 саж.), мы начали заранее подготов—
ку постройки этого моста. Агентурная разведка указала
нам, что Березина в этом районе имеет около 22 сажень
ширины. Профиль пути нам был известен. Рассчитывая
построить ряжевой мост на подъездных путях, мы за—
ранее построили и сложили на платформы составные части
этого моста. Такая предусмотрительность позволила нам
при наступлении в 5 суток восстановить этот мост 75 са—
жен отверстием. Наши органы военных сообщений со—
вершенно не верили в возможность столь быстрой по—
стройки.

Учитывая недостаток транспортных средств в наших
войсковых частях, пришлось пойти по пути широкой
мобилизации обывательских подвод. 4-я армия мобили—
зовала их до 8000 штук, 15-я и 3-я до 15 000 и 16-я
около 10 000. Конечно, это легло тяжелым бременем на
местное население, но его страх перед панским нашестви—
ем позволил нам без труда осуществить эту меру. Такое
большое количество транспортных средств позволило
нашим войскам развивать свои быстрые и смелые опера—
ции с сохранением постоянно действующего и работаю—
щего тыла. Правда, в этой работе было много хаптиче—
ского, но вместе с тем вплоть до подхода к Бугу и
Нареву наши войска были довольно хорошо обеспечены
всеми необходимыми им припасами.

Средства связи точно так же подтягивались со всех
сторон, а частью были сформированы в запасной армии
Западного фронта. Но как ни велико было напряжение
в этой области, мы вышли в июльскую операцию слабо
подготовленными в этом отношении. Нам не хватало

средств, и самая операция в конечном счете погибла из-за их недостатка. Между прочим, впервые в июль — ской операции были применены планомерно оперативные пункты и линейные органы связи.

Командование белополяков точно так же не сидело сложа руки, а пополняло и усиливало свои войска (таблица III).

В приведенной таблице в составе наших стрелковых дивизий учитываются и запасные батальоны дивизий, а потому учтены запасные батальоны и польских действующих полков.

Расположение польских войск, хотя и имело некоторую тенденцию к уплотнению против нашего правого фланга, все же не могло быть названо решительным и носило на себе следы кордонности и пассивности. Эти слабые стороны польской армии были нами учтены и использованы в решительном июльском наступлении.

VI

С о о т н о ш е н и е с и л

План наступления был очень схож с майским планом. В основу его была положена та же идея упирания нашего правого фланга в Литву и Восточную Пруссию и отбрасывания польских сил к болотистому Полесью. Таким образом, направление главного удара проходило опять-таки через "Смоленские ворота". Зато теперь движение по „воротам" для нас было гораздо удобнее. Нам не приходилось загибать своего фланга и можно было прямолинейно действовать во фланг польской армии, прочно оседлав действующую уже железную дорогу Полюцк — Молодечно.

Недостатки управления первой операции были до некоторой степени изжиты. Мы имели 4 армейских аппарата и управление Мозырской группы. Правда, аппараты эти, кроме 15-й и 16-й армий, были очень слабы и лишены специальных технических средств связи. Но тем не менее прогресс в этом отношении был налицо.

На решающем направлении мы сосредоточили 3 наши армии: 4-ю (командарм Сергеев, наштарм Шуваев) (быв. Северная группа), 15-ю (командование прежнее) и 3-ю. 16-я осталась на игуменском направлении (командование прежнее) и Мозырская группа (командарм Лазаревич, наштарм Лисовский) на мозырском (командгруппы Хвесин). Такая группировка позволяла сосредоточить на глубокинском направлении подавляющие наши силы и вместе с тем сохранить прочное и гибкое управление ими.

4-я армия насчитывала (не считая 48-й стр. дивизии) около 14 000, 15-я армия до 26 000 и 3-я армия — до 20 000 штыков и сабель, 16-я армия имела 25 000 и Мозырская группа около 6000 штыков и сабель.

Таким образом, на нашем правом фланге против 30 000 с небольшим польских мы выдвинули до 60 000 наших штыков и сабель. При этом надо иметь в виду, что поляки держали свои силы глубоко эшелонированными, но без определенной группировки, передовая же их линия была кордонно растянута. Вместе с тем резервы их не могли составить, даже путем перегруппировки, какого-либо угрожающего для нас сосредоточения, в случае нашего перехода в наступление. Они были для этого слишком малочисленны, раздроблены и разбросаны. Нашим планом опять-таки являлось одновременное введение в бой всех наличных сил для того, чтобы сразу же упразднить передовую боевую линию противника. Последующий ввод польских резервов шел бы уже не в их, а в нашу пользу, ибо позволял бы нам поочередно разбивать эти силы.

На участке 16-й армии соотношение сил было примерно одинаковое. Зато на неважном левом фланге (мозырское направление) мы были в два с лишним раза слабее поляков.

Распределяя таким образом силы, командование фронтом имело в виду обходное движение 4-й армии севернее озера Б.Ельна, фронтальный прорывающий удар 15-й армии на Глубокое и фланговый удар 3-й армии — в парафьяновском направлении, 16-я армия сосредоточенными силами должна была наступать в игу-

менско-минском направлении, связывая весь центр противника; Мозырская группа, занявшая к этому времени гор. Мозырь, должна была содействовать 16-й армии в глусском направлении.

Приведенное выше распределение наших сил было отдано в приказе Командзапа от 30 июня. В состав 4-й армии, не считая 48-й стр. див., включались 12, 18-я и 53-я стр. дивизии, 164-я стр. бригада и 3-й конный корпус, сведенный из 10-й и 15-й кав. дивизий под командой тов. Гая. В состав 15-й армии включались 4, 11, 16, 33-я и 51-я стр. дивизии; в состав 3-й армии — 5, 6, 21-я и 56-я стр. дивизии; в 16-ю армию — 2, 8, 10, 17-я и 27-я стр. дивизии; состав Мозырской группы — прежний.

VII

Н а с т у п л е н и е

4 и ю л я

2 июля Командзапом был отдан приказ о переходе в решительное наступление с рассветом 4 июля.

4-й армии было поставлено задачей нанести главный удар к северу от озера Б.Ельна и 5 июля выйти в район Шарковщина—Лужки. Конные массы выбросить по левому берегу Западной Двины в свенцянском направлении.

15-й армии приказано было нанести удар в глубокинском направлении.

3-й армии ставилось задачей занять 5 июля Докшицы, а 6-го отрезать противнику путь отступления по железной дороге в районе ст.Парафьянова.

16-й армии — форсировать Березину с 5-го на 6-е июля для наступления в игуменском направлении.

Мозырской группе — содействовать 16-й армии действиями во фланг пр-ка.

Разграничительными линиями назначались: между 4-й и 15-й армиями устье р.Ушач — м.Лужки — Будичи, между 15-й и 3-й армиями — Дзвони —

верховье р.Березины, между 3-й и 16-й армиями — озеро Пелик — верхнее течение р.Гайна.

Наступление развивалось очень успешно. 4-я армия двинула к северу от Б.Елька 12-ю и 53-ю стр. дивизии и 164-ю стр. бригаду, за ними двинулся конный корпус; вдоль р.Диена наступала 18-я стр. дивизия.

Легко прорвав незначительные пехотные части противника, ударная группа 4-й армии быстро и решительно повела свое обходное движение. Однако на пути она встретила неожиданно для себя части 8-й пехотной польской дивизии. Мы имели еще и ранее сведения о том, что поляки сами готовятся к переходу в наступление и что первой задачей их является очищение от нас Дисненского района. По-видимому, движение 8-й стр. дивизии от Германовичей по северному берегу озера Б.Ельна и являлось подготовкой этого маневра. Части 8-й дивизии были атакованы на походе, разбиты и потеряли всякую способность к сопротивлению. Но и наши части не достигли того, что могли бы извлечь из обстановки. Недостаток средств связи у командующего 4-й армией не позволял ему твердо держать свои части в руках, и поэтому действия 12-й и 53-й дивизий носили несколько разрозненный характер. Как бы то ни было, противник был разбит, и наши части продолжали свое наступление, лишь немного не выполнив поставленной им задачи. 18-я дивизия вела упорные бои с противником, и лишь только обход ударной группы и успех соседней 15-й армии позволили ей сдвинуться с места.

15-я армия, против которой находились главные силы противника, целый день вела упорный, кровопролитный бой. Однако к вечеру на всем участке польские войска были разгромлены, раздавлены и с большими потерями опрокинуты на Глубокое. Были захвачены пленные, пулеметы и орудия.

3-я армия форсировала Березину, разбила стоявшие против нее польские части и к сроку заняла Докшицы и точно так же к сроку прорвала железную дорогу в районе Парафьянова. Противник, сбитый на этом направлении энергичным движением частей 3-й армии, должен был в беспорядке отступить в северном и севе-

ро-западном направлениях, отступая по болотистым местам, что севернее железной дороги.

Уже к 7 числу выяснилось с полной определенностью, что войска противника подверглись полному разгрому в районе нашего главного наступления.

Действия 16-й армии точно так же были вполне успешны. Переправившись через р.Березина и разбивая встречающиеся на ее пути польские части, она быстро продвигалась в игуменском направлении.

Мозырская группа своим наступлением в северо-западном направлении из района Глусска оказывала ей активную поддержку.

Чтобы еще более обеспечить успех 16-й армии, командование фронтом 6 июля приказало поддержать ее движением 3-й армии в минском направлении.

7 июля отдается приказ, по которому 4-й армии ставится задачей: к 9 июля выйти в район Тверец-Годуцишки-Комай; 15-й армии 10 июля занять район ст. Молодечно; 3-й, 16-й и Мозырской группе — задача прежняя. Наступление на всем фронте развивается с полным успехом.

Конный корпус, далеко оторвавшись от главных сил своей армии и действуя севернее озерно-болотистого Дисненского района, вышел в глубокий тыл армии белополяков и 9 числа, после успешного боя, занял Свенцяны, нанеся противнику серьезные потери и захватив большую военную добычу. Деморализация, внесенная этим ударом конного корпуса в войска противника, была настолько велика, что они даже не сумели оказать сопротивления главным силам 4-й армии по линии мощно укрепленных германских позиций. 9 числа 4-я армия выполнила поставленную ей задачу. 15-я армия точно так же в назначенный срок заняла Молодечно, 3-я и 16-я армии, разбивая своим концентрическим наступлением всякое сопротивление противника, продолжали успешное наступление.

Нами были перехвачены польские приказы, из которых видно, что польское командование, видя свое полное поражение на северном участке, предписало планомерный постепенный отход на участке нашей 16-й армии. Однако

предпринятый нами маневр совершенно спутал их карты, не позволяя им занять и удержать своевременно ни одного намеченного ими рубежа. Организация отступления их была нарушена и приняла характер полного беспорядка.

Теперь перед Западным фронтом встала новая стратегическая задача. По Березине, впадающей в Неман с ее многочисленными притоками, раскинулись труднопроходимые болота, покрытые густыми лесами и имеющие лишь несколько удобных для движения дорог. Верхнее течение Немана не представляет собой никакой серьезной преграды для наступающих войск. Зато от Березинского болотистого района он течет в западном направлении вплоть до устья реки Шары и на всем этом протяжении представляет уже довольно серьезную преграду благодаря скорости течения и ширине русла. Таким образом, фронтовому командованию необходимо было решить вопрос, где оно поведет свои главные силы, севернее или южнее этой продольной преграды.

По основным соображениям упирания нашего правого фланга в границы враждебных Польше государств и по соображениям меньшей потери времени на перегруппировки было решено главное наступление повести севернее Немана. 9 июля отдается приказ, по которому 3-й армии надлежит сосредоточиться в районе Холило — Першай — Раков 11 июля, 16-й армии приказано 11 июля занять Койдонов; Мозырской группе дано направление на Слуцк и Лунинец. Разграничительными линиями назначались: между 4-й и 15-й армиями Будичи — озеро Нарочь — Ошмяны; между 15-й и 3-й армиями: м. Илия — р.Березина — ст.Листопады; между 3-й и 16-й армиями: р.Гайна — м.Вольма. Северным армиям — продолжать дальнейшее наступление.

Части 3-го конного корпуса, поддержанные 164-й стр. бригадой, продолжали свое наступление от Свенцяи в виленском направлении. Стрелковые силы 4-й армии двинулись к р. Вилии для ее форсирования в направлении Михалишки. Здесь, благодаря недостатку средств связи и затрудненности управления вследствие этого частями армии, произошла досадная задержка. Коман-

дование 18-й дивизии непроизводительно теряло время в районе оз.Свирь — Михалишки, действуя разрозненно и разбросанно своими частями. Связи между отдельными дивизиями точно так же не было. Командарму лично пришлось выехать в штабы дивизий, получить от них необходимые сведения и на месте дать указания. Организованные, сосредоточенные усилия трех стр. дивизий наконец имеют успех, и р.Вилия форсирована. Противник, понесший здесь серьезный урон, начинает поспешное отступление.

3-й конный корпус точно так же не имел первоначально успеха. Несколько попыток его форсировать р.Вилию были каждый раз отражаемы пехотными польскими частями. Наконец, при помощи 164-й бригады эта задача была выполнена, и части корпуса ворвались в предместье гор.Вильны. Некоторое время и здесь продолжались упорные бои, но 14 утром Вильна уже нами была окончательно занята.

Как только литовцы почувствовали, что Красная Армия имеет совершенно определенные успехи, их нейтральная позиция немедленно сменилась на враждебные отношения к Польше, и литовские части ударили полякам по тылам, заняв Новые Троки и ст. Ландварово.

Стремительное обходное движение конного корпуса и помощь литовских войск отрезали северной польской армии путь отступления на Ораны и Гродно. Часть ее начала поспешный отход в направлении на гор. Лиду. Таким образом, в этом направлении, куда концентрически двигались три наши армии, должны были отступать польские войска и с севера и с востока. Являлось жизненно необходимым удержать наступление 15-й армии на германских позициях для того, чтобы дать время отойти главным силам и тылам этих войск. Действительно, наступление 15-й армии встретило жестокий отпор по всей линии старой германской укрепленной полосы. Завязался упорный бой в районе Сморгони.

Чтобы дать скорейшее развитие событиям на правом фланге 15-й армии, связав его действия с успешным наступлением 4-й армии, в направлении на Сморгонь была двинута 5-я стр. дивизия, выведенная из 3-й армии в резерв командзапа.

15-я армия несколько дней безрезультатно бьется на линии германских окопов. Однако обходное движение 18-й стр. дивизии 4-й армии наконец опрокидывает польское сопротивление в районе Сморгони и части 15-й армии начинают последовательно справа налево овладевать германскими позициями. Наступление снова решительно продолжается, причем в задачу 15-й армии входит также помощь по последовательному очищению позиций от польских войск на участке 3-й армии.

Приказом от 12 июля 4-й армии поставлено задачей выйти в район Ораны к 17 числу; 15-й и 3-й армиям к этому же сроку приказано занять линию Жирмуны — Лида; 16-й армии к этому же сроку занять район Барановичи; Мозырская группа должна наступать в пинском направлении. Чтобы облегчить 16-й армии последовательное очищение германских окопов, начиная с правого фланга, к нему была направлена 2-я стрелковая дивизия, выведенная в резерв фронта. Разграничительными линиями назначались: между 4-й и 15-й армиями Ошмяны — Вороново — Скидель; между 3-й и 15-й армиями Листопады — Субботники — Лида — ст. Мосты; между 3-й и 16-й армиями Волма — устье р. Березины — Деречин. Таким образом, 3-й армии ставилось задачей частичное форсирование Немана и движение части сил по его левому берегу. Эта мера должна была облегчить 16-й армии ее трудную задачу форсирования германских окопов на большом протяжении и дальнейшее ее продвижение к р. Шаре.

Являлось вполне возможным предположить, что польское командование решит упорно обороняться на фронте 16-й армии, для чего использует линию германских окопов и течение р. Немана. В таком случае наша северная группа была бы поставлена в положение, когда ей необходимо было бы остановиться. Предусматривая это, армиям было указано, что в случае задержки 16-й армии на германских позициях и в случае сосредоточения в районе к югу от Немана крупных польских масс, задачей 3-й и 15-й армий будет перемена их основного направления и удар с севера на юг во фланг и тыл польским массам; 4-я армия должна была бы обеспечи-

вать эту операцию наступлением в гродненском направлении. Однако это предположение не осуществилось. 16-я армия своими силами сумела сбить расстроенные части польской армии, но самый факт маневрирования и готовность к маневру нашей основной группировки надо разобрать несколько подробнее.

При современных широких фронтах является совершенно невозможным наступать всюду с одинаковой насыщенностью. Смелое ведение операций непременно должно предусматривать сосредоточение больших войсковых группировок на решающих направлениях и оставление минимальных сил на направлениях второстепенных. В случае успеха и в случае благоприятного развития дальнейших операций перед командованием большими войсковыми соединениями встает неминуемо вопрос: надо ли продолжать операцию, сохраняя прежние группировки и прежнее операционное направление, или надобно избрать новое? Надо ли сохранять в боевой линии все двинутые в бой массы, или их нужно разредить путем вывода части сил в резервы? Не лучше ли продолжать преследование слабыми силами и лишь только тогда, когда обнаружится новая группировка неприятельских сил, обрушиться на нее сильными сохраненными резервами?

Эти вопросы являются решающими в современных операциях, так как, за редкими исключениями, нет возможности неприятельскую силу уничтожить одним быстрым решительным движением. Неминуемо приходится вести операцию за операцией, удар за ударом, нанося противнику непрерывные потери. Ответить на эти вопросы раз навсегда пригодными формулами невозможно. Обстановка слишком разнообразна для того, чтобы к ней применять навсегда определенные правила. Но вместе с тем обычное развитие современных операций неизбежно заставляет сделать кое-какие определенные выводы. Во-первых, протяжение фронта общего наступления и неизбежное разрушение железных дорог отступающей армии не позволяет делать своевременные железнодорожные переброски, и потому раз принятое массирование войск, при условии быстро развивающегося наступления,

может быть изменено лишь с большим трудом, и то частично. Во-вторых, оставление в боевой преследующей линии лишь небольших сил легко может позволить противнику собраться, остановить наше наступление и привести в порядок свои дезорганизованные части. Это вовсе не означает, чтобы неприятель сейчас же согласился с нами вступить в новое сражение. Наоборот, в целом ряде случаев он будет всячески избегать его, пока не организует нового мощного контрудара. В этом случае ввод в дело образованных нами крупных резервов для разгрома остановившегося противника может оказаться ударом по воздуху и не приведет ни к каким положительным результатам, но зато будет связано с неизбежной потерей времени. Невозможность при современных широких фронтах уничтожить армию противника одним ударом заставляет достигать этого рядом последовательных операций, которые стоили бы дороже противнику, чем нам. Чем стремительней будем мы его преследовать, тем меньше мы ему дадим времени на организованный выход из боя, тем более мы разложим его вооруженные силы и сделаем невозможным или очень затруднительным новое генеральное сражение. Словом, ряд последовательно проведенных уничтожающих операций, соединенных непрерывным преследованием, может заменить собой то уничтожающее сражение, которое было лучшим видом столкновения в прежних армиях, имевших не такое протяжение фронта.

Против подобного рода доводов возражают довольно основательно в том смысле, что такие образовавшиеся на решающем направлении таранные массы слишком ярко обнаруживают свою основную оперативную идею. Исчезает всякая возможность внезапности. Сама наступающая таранная группировка облегчает противнику заранее подготовить свой контрудар и в нужный момент из нужного района будет встречена его контрнаступлением.

Всякое дело — очень сложно и разносторонне. И те недостатки таранного наступления, которые сейчас приведены, действительно соответствуют истине. Но если вопрос рассмотреть шире, то мы увидим такие его

стороны, которые эти недостатки в полной мере сглаживают. Во-первых, не надобно забывать, что разбитый противник, в смысле располагаемых вооруженных сил, находится в худшем положении, чем победившая армия. Инерция подавленности и сознание безвыходности положения охватывают отступающего, если ему нигде не дают возможности зацепиться, не дают возможности перегруппироваться, заставляют его каждый день принимать бои и терять все новые и новые силы. Поэтому, если основная таранная группировка стоит на правильном направлении и правильно обеспечена на фланге и на второстепенных направлениях, то всякий переход противника в наступление является для этих масс не неприятностью, а желанной, заветной мечтой. У наступающего победителя всякое активное проявление со стороны противника может вызвать только радость, ибо оно даст ему наконец возможность достигнуть главные поколебленные силы врага и нанести окончательный, сокрушающий удар.

Скопление таранных масс, как и упоминалось уже выше, является неминуемым следствием характера современной войны. Германская армия на французском фронте в 14-м году и целый ряд наших кампаний в период гражданской войны являются этому прямым доказательством. И на примере нашей кампании против белополяков в 20-м году можно с большей пользой проследить вопрос об использовании таранных масс. Когда 16-й армии требуется помощь с севера, таранная масса, в лице 3-й армии, ведет ее немедленным наступлением на Минск. Если бы 16-й армии потребовалась помощь на линии старых германских окопов, то мощный удар, не менее как 2 наши армии, обрушился бы на фланг и тыл действовавших против нее польских войск. В дальнейший период операций, во время наших боев на Буге, могла встать потребность в таком же маневре наших северных армий. И если бы она встретилась, то, конечно, могла быть немедленно выполнена. Неудача нашей последней операции на Висле не должна путать существа вопроса и не должна вести к неправильным легкомысленным выводам. Там имела место не ошибочность нашей основ-

ной ударной группировки, а наш пробел в деле ее флангового обеспечения. Об этом разговор будет дальше.

VIII

Революция извне

Когда с полной и неизбежной ясностью обнаружился тот окончательный разгром, которому подверглись польские армии на Западном фронте, когда наши армии форсировали наконец германскую укрепленную полосу, беспокойство и паника охватили не только польскую буржуазию, но и ее европейских покровителей. Мы получили ноту Керзона, в которой предлагалось нам остановиться на достигнутых нами рубежах с тем, что английское правительство явится посредником между нами и польским правительством об установлении между нами границ по Версальскому договору, то есть по этнографической границе Польши. Конечно, этому выступлению дипломатии английского капитала доверять было невозможно. Уже мы имели одну такую попытку по посредничеству Англии между нами и Врангелем, окончившуюся укреплением и активным выступлением Врангеля из-под прикрытия английского посредничества. Но вместе с тем нота Керзона, хотя и вызванная нашими победами, имела в себе некоторые ультимативные стороны. В случае, если бы мы не согласились с английским предложением, нам угрожало активное выступление против нас английского капитала. В чем конкретно могло это выразиться — точно нам известно не было, но слишком очевидно становилось, что обстановка сдувается, и схватка польского капитала с русской пролетарской революцией разрасталась в масштаб европейский.

Если бы мы отклонили посредничество Керзона, то тем самым бросили бы вызов европейскому капиталу, и схватка должна была продолжаться не на живот, а на смерть. Было совершенно очевидно, что даже в случае полного разгрома панской Польши классовая война пре-

кратиться не могла и неизбежно стихийно перекатилась бы в пределы центральной Европы.

Каково было состояние западноевропейского пролетариата? Был ли он готов к революции? Смог ли бы он поддержать, воспринять революционную социалистическую лавину, которая катилась с востока для его освобождения? Последующие события дают, безусловно, благоприятный ответ на эти вопросы.

Еще до начала нашего наступления вся Белоруссия, находившаяся под гнетом польских помещиков и белопольских армий, бурлила и клокотала крестьянскими восстаниями. Мы знали, что, проходя по Белоруссии, мы найдем не только сочувственное отношение к себе, но и значительное подкрепление в виде мобилизованной красноармейской массы. Это предположение полностью оправдалось. Свыше 30 000 вполне надежных мобилизованных были нами призваны под знамена, обучены и влиты в ряды нашей Красной Армии. Характерный блестящий пример классового укомплектования.

Положение в Польше точно так же рисовалось в благоприятном для революции свете. Сильное пролетарское движение и не менее грозное движение батраков ставило польскую буржуазию в очень тяжелое положение. Многие польские коммунисты считали, что стоит только нам дойти до этнографической польской границы, как пролетарская революция в Польше станет неизбежной и обеспеченной. Действительно, когда мы заняли Белостокский район, мы встретили там самое горячее сочувствие и поддержку рабочего населения. На массовых митингах выносились резолюции о вступлении в Красную Армию. Крестьянство в первое время относилось к нам подозрительно под влиянием агитации ксёндзов и шляхты, но очень скоро освоилось с нами и успокоилось. Батрацкое население определенно нам сочувствовало. Таким образом, то, что мы видели в занятой нами части Польши, безусловно, сочувствовало социалистическому наступлению и готово было воспринять его...

Разговоры о пробудившемся национальном чувстве среди польского рабочего класса в связи с нашим насту-

плением являются, конечно, следствием проигрыша нами кампании. У страха глаза велики. Не надо забывать, что при подходе нашем к Варшаве рабочее население Праги, Лодзи и других рабочих центров глухо волновалось, но было задавлено буржуазными польскими добровольческими частями. Расчет на революцию в Польше, как встречу нашего наступления, как следствие разгрома орудия принуждения в руках польской буржуазии, имел под собой серьезные основания и, если бы не наше поражение, он увенчался бы полным успехом.

Могла ли Европа ответить на это социалистическое движение взрывом революции на Западе? События говорят, что да. Наше стремительное победоносное наступление взбудоражило, всколыхнуло всю Европу и заигнотизировало всех и вся, привлекая общие взоры на Восток. И рабочие и буржуазные газеты были заняты только одним вопросом: наступление большевиков. Это была общая мысль, общее напряженное внимание. Рабочие Германии открыто выступили против Антанты, заглянули в обратную сторону эшелоны со снаряжением и вооружением, которые Франция пересылала в Польшу, не допускали разгрузки французских и английских кораблей с амуницией и вооружением в Данциге, сбрасывали поезда под откос и прочее — словом, вели активную революционную борьбу в пользу Советской России. Из Восточной Пруссии, когда мы соприкоснулись с ней, к нам потекли сотни и тысячи добровольцев, спартаковцев, беспартийных рабочих под знамена Красной Армии, формируясь в Германскую стр. бригаду.

Надо заметить, что польским Революционным Комитетом было положено основание и польской Красной Армии, которая начала усиленным темпом формироваться, но ко времени нашего поражения не поспевшая закончить свою организацию.

Итак, Германия революционно клокотала и для окончательной вспышки только ждала соприкосновения с вооруженным потоком революции.

В Англии рабочий класс точно так же был охвачен живейшим революционным движением. Комитет действия вступил в открытую борьбу с английским прави-

тельством. Позиция последнего положительно колебалась. Положение напоминало состояние царского правительства в дни Совета Рабочих Депутатов в 1905 году.

В Италии разразилась настоящая пролетарская революция. Рабочие захватывали фабрики, заводы и организовывали свое правление. И если бы не подлая деятельность социал-демократов, то революция вполне разрослась бы до громадных размеров.

Во всех странах Европы положение капитала зашаталось. Рабочий класс поднял голову и взялся за оружие. Нет никакого сомнения в том, что если бы на Висле мы одержали победу, то революция охватила бы огненным пламенем весь Европейский материк.

Конечно, когда война проиграна, очень легко находить политические ошибки, политические промахи. Но только что обрисованная обстановка говорит сама за себя. Революция извне была возможна. Капиталистическая Европа была потрясена до основания, и если бы не наши стратегические ошибки, не наш военный проигрыш, то, быть может, польская кампания явилась бы связующим звеном между революцией Октябрьской и революцией западноевропейской.

IX

Ф о р с и р о в а н и е

Н е м а н а и Ш а р ы

Дальнейшее наступление нашей основной северной группировки развивалось безостановочно и с постоянным успехом. В районе Жормуны — Лида противнику было нанесено серьезное поражение и захвачено большое число пленных и артиллерии. 16-я армия и Мозырская группа точно так же успешно развивали свои действия.

18 июля фронтовым командованием была поставлена дальнейшая задача. 4-й армии было приказано 21 июля форсировать р.Неман в районе южнее Гродно; 15-й армии приказано форсировать р.Неман 22 июля. 3-й армии — форсировать главными силами р.Неман в рай-

оне устья Шары; 16-й армии — форсировать р.Шару в районе к северу от Слонима. Разграничительными линиями назначались: между 4-й и 15-й армиями Скид ель— На дура, между 15-й и 3-й армиями ст. Мосты—Рось, между 3-й и 16-й армиями — прежняя.

Между тем польское командование со своей стороны точно так же организовало новую операцию. Имея намерение во что бы то ни стало удержаться на линии р.Немана и Шары, оно намеревалось сосредоточить ударную группу в 6 пехотных дивизий в районе Гродно для удара во фланг нашей главной армейской группировке. Для этой цели из района Лиды двигались на Гродно 5, 8, 10-я пехотные дивизии, а сосредоточенные в Белостоке 9-я и 17-я пехотные дивизии и три уланских полка двигались через м.Кузницы на Гродно с запада. Вторая Литовско-Белорусская дивизия уже находилась в этом районе.

Стремительные действия 3-го конного корпуса разбили все польские планы. Еще 19 числа с налету была занята крепость Гродно. Литовско-Белорусские части были потрепаны и в беспорядке отброшены на западный берег р.Немана. Части 15-й кав. дивизии заняли м.Кузницы, а 10-я кав. дивизия заняла м.Скидель, ожидая подхода пехотных сил 4-й армии. Тем временем польская пехотная масса, придя к расположению наших кав. дивизий, перешла в решительное наступление и успешно начала теснить эти части. В то время как на западном берегу р.Немана 15-я кав. дивизия была потеснена в крепость и закрепились на берегу, 10-я кав. дивизия вела упорный бой с развернувшимися дивизиями белополяков на подступах к Гродно со стороны г.Лида. Тем временем пехотная масса 4-й армии дебушировала из Гродненской пуши и обрушилась на тылы и фланги наступающих польских дивизий. Они были смяты, раздавлены и в полном беспорядке отброшены к югу, на ст.Мосты. По дороге они были перехвачены подходившими частями 15-й армии, окончательно разбиты и деморализованы и отброшены на западный берег р.Немана. Так неудачно кончилась для поляков намеченная ими контрударная группировка. Наши войска продолжали решительное на-

ступление и на всем фронте, после ряда боев форсировали реку Неман. 16-я армия, по форсировании р. Шары, на подступах к Волковыску встретила сильное контрнаступление польских частей. Это наступление было смято, причем поляки потеряли большое количество пленных и орудий. На всем фронте наступление наше продолжало развиваться.

После известия о взятии Гродно Главнокомандующим были даны директивы о занятии Западным фронтом Варшавы к 12 августа.

Вопрос о том — нужно было или не нужно останавливаться на этнографической польской границе — являлся точно так же одной из любимейших полемических тем. Большая часть наших писателей указывают на то, что на этом рубеже было бы выгодней нам остановиться, организовать свои тылы, направить связь и достроить железные дороги, влить в части пополнения, которые в количестве 60 000 человек уже находились в эшелонах и следовали за наступающими войсками, и после этого подремонтированными, окрепшими мы могли бы начать новое наступление для окончательного уничтожения польской армии.

Такое предположение, конечно, очень соблазнительно. Куда приятнее наступать, когда железные дороги исправны, когда связь работает без перебоев, когда войска пополнены до положенного им по штату и когда противник вместе с тем разложен и деморализован. Но так ли на самом деле складывалась обстановка? Непрерывность нашего преследования вконец деморализовала польские войска. По свидетельству французских и польских офицеров, войсковые части потеряли всякую боевую устойчивость. Польские тылы кишели дезертирами. Никакой надежды на спасение не оставалось. Все бежали назад, не выдерживали ни малейшего серьезного боя. И эта неустойчивость царилла не только в войсковых частях, но и в среде высшего командного польского состава.

Осталось бы это положение, при котором мы, даже численно слабейшие, все-таки оказывались сильнее противника в том случае, если бы мы оставались на границе

Польши? Конечно, нет. Если для нас эта остановка дала бы возможность провести пополнение, укрепить свои тылы, привести в порядок весь организм наступающих армий, то, конечно, для поляков в этом смысле было гораздо больше возможностей. Не надо забывать, что на карту ставилось существование капиталистического мира не только Польши, но и всей Европы. Бесконечные транспорты и эшелоны с амуницией и вооружением следовали на помощь польской армии из Франции и Англии. Забастовки и активные противодействия германских рабочих в Данциге и на железных дорогах силою подавлялись французскими и английскими войсками, которые принимали на себя заботы о разгрузке и погрузке необходимого снаряжения. Польский капитал напрягал все свои силы, развивая бешеную агитацию против большевистского наступления. Ксёндзы служили ему в полной мере и призывали польское население к национальной самообороне. Формирование буржуазных добровольческих частей проходило очень успешно. И если бы только мы дали полякам спокойно провести эту работу, то через две-три недели, потребные нам для устройства наших дел, мы встретили бы против себя значительно сильнее, чем наши, армии и должны были бы снова ставить на карту наше стратегическое будущее. При том потрясении, которому подверглась польская армия, мы имели право и должны были продолжать наше наступление. Задача была трудная, смелая, сложная, но задачами робкими не решаются мировые вопросы.

Х

Бои на Нареве и Буге

В конце июля начинаются наши бои на Нареве и Буге.

Впервые после начальных боевых операций поляки оказали нам здесь упорное сопротивление.

На участке 4, 15-й и 3-й армий нам необходимо было

форсировать болотистые реки Бобр, Нарев и Нурец, которые имели очень мало переправ и представляли собой серьезную преграду. Поляки использовали ее и, устроив несколько за нею свои войска, оказали нам очень серьезное сопротивление. Этому успеху их помогло и то обстоятельство, что средства связи наши неизменно оставались недостаточными и управление войсками было до чрезвычайности затруднено, что часто придавало боям несколько разрозненный характер и, конечно, замедляло успех. Особенно сказалось это обстоятельство на участке 16-й армии, которая занимала широкий фронт, около 80 верст, имея всего только 5 стрелковых дивизий. Положение 16-й армии осложняло еще наличие на фланге Брест-Литовской крепости.

После форсирования Немана приказом от 23 июля было намечено дальнейшее наступление. Армиям фронта к 3 августа было приказано выйти на линию: Остроленка — Остров — Коссов — Дрогичин — Бела — Влодава. Разграничительными линиями назначались между 4-й и 15-й армиями: Индура — Соколка — Замбров — Пасеки для 4-й вкл.; между 15-й и 3-й армиями: Рось — Страбля — Брок, все для 15-й армии; между 3-й и 16-й армиями: Деречин — ст. Гайновка — Боцки — Медзна, все для 3-й армии; между 16-й армией и Мозырской группой: Брест-Литовск — Межуречье.

3-й конный корпус, продолжая выигрывать 1 — 2 перехода по отношению к главным силам 4-й армии, двинулся на Осовец и с бою занял эту крепость. Дальнейшее его движение продолжалось на Ломжу. Вслед за конным корпусом шла 12-я стрелковая дивизия. 18-я и 53-я дивизии, подойдя к берегам Нарева на участке Стренкова Гура — Бабино, завязали с противником решительные бои, форсировали реку, но бой развивался с переменным успехом, без существенных результатов.

15-я армия, выйдя на болотистые берега Нарева, точно так же повела безрезультатные фронтальные бои.

3-я армия, дойдя до болотистых берегов Нурца, вела здесь довольно бестолковые бои. Командарм 3 тов.

Соотношение сил на Нареве и 3. Буге

	Бело-поляки			Наши войска				
	Части	Штыки	Сабли	Примечание	Части	Штыки	Сабли	Примечание
Район севернее р. Зап. Буг	2 Лит.-Бел. див., 5 див. (бригада), 9 див. (бригада)	7300	1400	В общем	IV-я армия			
					12. 16, 53, 54 стр. див., 164 стр. бр. и 3 кон. корп.	9568	4861	В общем
	10 пех. див., 3 рез. див., 17 пех. див., 1 рез. див., 8 пех. див.	17200	1555		XV-я армия			
				4. 11, 16, 33 стр. див.	12729	465		
	1 Лит.-Бел. див. 4 див. (бригада), 6 див. (бригада)	5100	900		III-я армия			
				5, 6. 21 и 56 стр. див.	9205	914		
	Всего:	29600	3850		Всего:	31492	6240	
Район южнее р. Зап. Буг	15 пех. див., 4 див. (бригада), 2 пех. див., 16 пех. див., 14 пех. див., 5 зап. батальонов	10900	1000		XVI-я армия			
					2. 8. 10. 17 и 27 стр. дивизии	10584	244	
	1 горн. див., 9 пех. див. (бригада), группа Яворского, отр. Булак-Балаховича	4900	1000		Моаырская группа			
				57 стр. див. и Сводный отряд	4193			
	Всего:	15800	2000		Всего:	14777	244	
Резервн.		?	?	Прочие части обнаружены быть не могли, ввиду нахождения их в глубоком тылу.				
	С польской стороны участвовало в боях	45400	5850		С нашей стороны участвовало в боях	46269	6484	Без 48 стр. див., в которой было 4262 штыков и 198 сабель.

48 стр. див. на Латвийской гран.

Лазаревич в это время заболел, не мог двигаться, и управление армией пришло в некоторое расстройство. По существу, 3-й армии давалась самая легкая задача, она не имела серьезных естественных преград перед собой и обладала достаточной ударной способностью.

Конный корпус, подойдя к Ломже, атаковал ее с севера 15-й кав. дивизией и переправился на южный берег Нарева 10-й кав. дивизией. Однако бои здесь привели к успеху не сразу, и лишь с помощью 12-й стрелковой дивизии удалось овладеть этой крепостью 2 августа.

53 дивизия 1 августа форсирует наконец Нарев в районе Стренкова Гура, сбивая во фланг противника, сопротивляющегося перед 18-й дивизией.

18-я стрелковая дивизия форсирует Нарев в направлении Ежова и с упорным боем продвигается далее. Таким образом, на севере противник сбит по всему фронту 4-й армии и, обойденный, начинает отступление перед 15-й и 3-й армиями, которые по пятам преследуют его, досажая непрерывными арьергардными боями.

В 16-й армии дело сложилось не так благоприятно. Командование фронтом, учитывая растяжку фронта этой армии, предлагала ей группировать свои главные силы к правому флангу, чтобы совместно с нашей основной фронтовой группировкой быстро сломить сопротивление противника. Но Брест-Литовская крепость привлекла к себе внимание 16-й армии и отвлекла на себя ее главные силы, хотя при наличном польском гарнизоне крепость нам не представляла никакой угрозы. Растянутые на громадном протяжении 27-я и 8-я стрелковые дивизии безрезультатно ведут бои по реке Западный Буг, не будучи в состоянии ее форсировать. Лишь только по занятии Брест-Литовска 16-я армия производит наконец указанную ей группировку и форсирует Западный Буг. Наступление снова начинает успешно развиваться. Мозырская группа, оказавшая поддержку 16-й армии в захвате Брест-Литовской крепости, точно так же форсирует Западный Буг и выполняет поставленную ей задачу.

Учитывая то, что 4-й и 15-й армиям придется вновь форсировать реку Нарев, а также принимая во внимание

усилившееся сопротивление противника, разграничительные линии между 4-й и 15-й армиями от Замброва проводятся на г. Остроленка и, таким образом, вся 4-я армия беспрепятственно обходит реку Нарев.

Бои нашей главной фронтовой группировки на Нареве и Бобре затянулись в общей сложности с 28 июля по 1 августа. Это была первая наша серьезная задержка. Зато на участке 16-й армии дело обстояло гораздо хуже. В силу указанной выше разброски сил 16-я армия лишь 6 августа сумела форсировать Западный Буг.

Эта последняя задержка, основанная не на силе неприятельского сопротивления и не на трудности форсирования реки, а главным образом на недостатках в группировке сил, послужила причиной несколько различной оценки обстановки между командованием фронтом и главным командованием. В разговоре по прямому проводу от 8 августа мы видим мнение главного командования, определяющее главные силы польских армий сосредоточенными по левому берегу Западного Буга и готовыми к принятию нового решительного сражения. Вследствие этого главное командование находило более целесообразным прекратить густое наступление нашей северной группировки на запад и обрушиться главной массой сил на левый фланг этой основной группировки противника, с тем чтобы еще до Вислы окончательно разгромить польскую армию.

По данным разведки Западного фронта, обстановка рисовалась совсем в другом виде. Главная группировка польских войск по-прежнему оставалась на направлении нашего главного наступления. Соотношение сил видно из таблицы IV.

Таким образом, естественной и единственно правильной — задачей являлось стремление к разгрому основной северной группировки противника. И это было тем более естественно, что оно требовало менее всего сложных движений, менее всего потери времени и, главное, можно было с полной уверенностью уже чувствовать, что противник начал свое отступление за Вислу. Таким образом, снижение к югу нашего ударного тарана знаменовало бы собой удар по воздуху, потерю времени и вывод всей

этой массы войск на самое труднопреодолимое варшавское направление. В силу этих соображений командование фронтом оставило в силе данные армиям задачи и продолжило наступление.

Теперь, когда нам известно то, что происходило в то время на польской стороне, мы с полной достоверностью можем засвидетельствовать, что Западный фронт был прав в своих действиях. Еще 6 августа состоялся Военный Совет в Варшаве, на котором было решено оторваться от нашихседающих войск и, произведя за Вислой основную перегруппировку, перейти в контрнаступление. Конечно, вступить в решительное сражение до Вислы было бы для нас гораздо приятней, но противник отходил, и надо было готовиться к самому трудному, к самому тяжелому и к самому опасному действию, к сражению со всеми польскими силами, опирающимися на широкую, быструю и труднопереходимую Вислу.

Наши северные армии с боями среднего напряжения непрерывно продвигались вперед, 16-я армия и Мозырская группа легко, местами потеряв соприкосновение с противником, продолжали свое наступление.

Приказом от 3 августа армии ставилось задачей: к 8 августа достигнуть линии Прасныш — Маров — Вышков — Парчев.

Задача была выполнена.

XI

Обстановка на

Висле

Постоянные неудачи, непрерывное отступление окончательно сломили боеспособность польской армии. Это уже не были те войска, с которыми нам приходилось бороться в мае и в июле этого года. Полная деморализация, полное неверие в возможность успеха подорвали силы и командного состава и солдатских масс. Отступали иногда без всякого повода. Весь тыл был загроможден дезертирами. Никакие репрессивные меры не могли

восстановить порядка и провести дисциплину. К этому еще примешивались обостренные классовые взаимоотношения.

Мобилизацией всей польской буржуазии и интеллигенции рабочие центры были задавлены, но глухо волновались.

При поддержке французского Генерального Штаба и французского вооружения и снаряжения Польша, при виде своего полного поражения, принялась лихорадочно за воссоздание своей боевой силы. В это время польская армия еще не достигла своей окончательной структуры, но зато теперь формирование было в полном ходу. Второочередные дивизии с №№ полков от 101 и выше одна за другой появлялись на нашем фронте. Наконец были обнаружены третьеочередные, так называемые добровольческие формирования. Эти формирования, несмотря на свою молодость и необученность, были достаточно боеспособны, ибо комплектовались в значительной мере буржуазными и интеллигентскими элементами, которые, понимая, что судьба их ставится на карту, проявили большую решительность и упорство. Словом, в тылу, за Вислой, шла усиленная подготовка новых сил, мобилизация и формирование. Все спешно сколачивалось и подтягивалось на главнейшие направления. Перед Варшавой возводились усиленные укрепления. Был создан очень сильный плацдарм от Новогеоргиевска на Варшаву и несколько южнее. К этому направлению подтягивались силы со всех сторон. Если во время наших боев на Немане и Шаре соотношение наших сил было еще в нашу пользу, то теперь положение резко изменилось. Западный фронт насчитывал в своих рядах едва только 40 000 штыков. Зато польские силы возросли до 70 000 с лишком, по нашим разведывательным данным того времени, а на самом деле они были еще больше.

Понимая всю безвыходность положения, польское командование, по-видимому, не без участия французского Генерального Штаба, 6 августа принимает правильные, смелые решения об оторвании своих войск от наших наседающих частей и о коренной перегруппировке сил на всем польском фронте. Видя, что судьба Польши должна

решаться на Висле, польское командование подтягивает сюда все свои силы. С львовского направления снимаются почти все польские части. Оставляются только партизанские украинские части армии генерала Павленко и остатки 6-й армии, согласно польским источникам, в составе лишь одной кавалерийской дивизии*. Однако надо полагать, что хоть кое-что от пехотных дивизий здесь да осталось. Задачей всей этой слабой группе ставилось прикрытие нефтяного района. Все прочие польские силы перебрасываются по железным дорогам на северное направление. Польское командование рискует потерять Галицию, но надеется выиграть генеральное сражение и тем спасти буржуазную Польшу. И поэтому вся польская армия сосредоточивается на Висле.

С нашей стороны обстановка складывалась в следующем виде. Войска Западного фронта были истощены и ослаблены, но зато они были сильны духом и не боялись противника. Вдвое-втрое сильнейший противник не мог остановить нашего наступления. Такова была инерция удара, инерция победы. Но если оценить наше общестратегическое положение, то дело рисовалось далеко не в розовом свете. Еще до начала польской кампании поднимался вопрос о том, чтобы объединить Западный и Юго-Западный фронты под общим командованием Западного фронта. Но тогда главное командование считало такое объединение преждевременным и намечало его осуществление при нашем выходе на меридиан Брест-Литовска. Действительно, болотистое Полесье не позволяло непосредственного взаимодействия Западного фронта и Юго-Западного, поэтому такое решение было вполне допустимо. Но когда по выходе на указанную линию мы попробовали осуществить объединение, то оказалось, что оно почти невыполнимо в силу полного отсутствия средств связи. Западный фронт не мог установить последней с Юго-Западным. Мы при наличии тех несчастных средств, которые имелись в нашем распоряжении, могли эту задачу выполнить не скоро, не ранее 13—14 августа, а обстановка уже с конца июля

* Стан. Кюнстлер. «Наше августовское наступление».

настойчиво требовала немедленного объединения всех этих войск под общим командованием. Мы находим в разговорах с главнокомандующим по прямому проводу и в телеграммах непрерывное обсуждение этого вопроса и тех мер, которые предпринимались для его осуществления.

Рассчитывая со дня на день получить в свое подчинение 12-ю и 1-ю конную армии, командование Западным фронтом уже заранее предопределяло им подтягивание к левому флангу основных армий фронта, но дело затягивалось, и эта задача осталась висеть в воздухе.

Силы Юго-Западного фронта не были во взаимодействии с основными силами Западного фронта. Особенно резко подчеркивалось это тем обстоятельством, что перед Юго-Западным фронтом вставала его местная и сама по себе чрезвычайно важная задача овладения центром Галицийской области — городом Львовом. Сюда-то и направлялись основные усилия Юго-Западного фронта, расходясь таким образом с усилиями Западного фронта не менее как на 90 градусов.

Обстановка сложилась крайне неблагоприятно для Западного фронта. Выходя на подступы к Висле, он был предоставлен своим собственным силам, в то время как против него были сосредоточены силы всей польской армии. Это последнее обстоятельство было выяснено нами уже к началу наших боев на Висле. Разведка полевого Штаба оспаривала наши указания на производимую польскую перегруппировку, считая, что все силы, бывшие на Юго-Западном фронте, остаются против него. По этому вопросу мы имеем спор в разговоре по прямому проводу.

Во всем этом деле мешалось еще и то обстоятельство, что Юго-Западный фронт смотрел по двум направлениям — на Львов и на Крым, откуда в это время активно действовал Врангель. Непрерывные успехи Западного фронта вселили большую уверенность в нашем конечном успехе. Намечалось снятие целого ряда дивизий с Западного и Юго-Западного фронта для переброски на крымское направление. Приходилось отстаивать неприкосновенность частей.

В общем, стратегическое положение можно оценить следующими словами: поляки совершали смелую правильную перегруппировку, рискнули галицийским направлением и сосредоточили все свои силы против решающего Западного фронта ко времени решающего столкновения. Наши силы к этому решающему моменту оказались раздробленными и глядящими по разным направлениям. Те усилия, которые были предприняты главным командованием для перегруппировки основной массы Юго-Западного фронта на люблинское направление, к сожалению, в силу целого ряда неожиданных причин успехом не увенчались, и перегруппировка повисла в воздухе.

Французские и польские писатели любят сравнивать сражение на Висле с операцией на Марне. Однако на самом деле сходства в них нет никакого.

Напрашивается другое сравнение — с операцией в Восточной Пруссии в 1914 году. Там Ренненкампф задался целью взять Кенигсберг и двинул на северо-запад всю свою армию, в то время как Гинденбург отходил на юго-восток, во фланг армии Самсонова. Это позволило ему сосредоточить безнаказанно все свои силы против половины русских войск, рассчитывавшей на взаимодействие соседа.

XII

Р е ш а ю щ е е

н а с т у п л е н и е

Тем временем наше наступление развивалось безостановочно. Становилось очевидным, что не приходится думать о колебаниях, передышках, остановках, что настал момент, когда надобно решать одним последним ударом далеко зашедшие вперед события. Неоднократно в этом направлении даются указания, и 12 августа они вновь подтверждаются директивой Главкома о необходимости возможно скорее занять Варшаву. Приказ т. Троцкого носит тот же характер.

Для Западного фронта было совершенно очевидно, что главные силы противника сосредоточены против нашей основной группировки в районе Цеханов — Новогоргиевск — Варшава. По нашим подсчетам, возросший в числе противник имел в этом направлении до 70 000 штыков и сабель. На прочих направлениях были гораздо меньшие силы. Лишь только Мозырская группа встречала на своем пути более упорное сопротивление белополяков.

Левый фланг, то есть группировка Юго-Западного фронта, все время беспокоил Западный фронт. Ожидая с минуты на минуту передачи конной армии Западному фронту и установления с ней связи, проектировалось создать более сильное сосредоточение на люблинском направлении, сконцентрировав на нем главные силы 12-й и 1-й конных армий. Как уже говорилось выше, обстановка создавалась такая, когда необходимо было быстро и решительно действовать. Вместе с тем силы Западного фронта не превышали 40 000 штыков и сабель. Таким образом, пришлось атаковать противника вдвое сильнее — и притом опирающегося на столь мощную преграду, как Висла. Было очевидно, что только на основе частной победы, на основе первоначального разгрома одного из участков польского фронта можно было выиграть решающее сражение.

При направлении главного удара приходилось думать не только о тактических удобствах сражения, но и об основных жизненных магистралях противника. Нанесение удара в центр, в варшавском направлении, было для нас непосильной задачей. Оставался разгром одного из флангов — правого или левого. Выходя на левый фланг противника, мы тем самым угрожали его сообщением с Данцигом. Учитывая, что революционное движение в Германии прекращает нормальный подвоз из Франции снаряжения и вооружения для польской армии, что главной артерией является Данцигская коммуникация, это движение выводило нас не только на фланг основной польской группировки, но и угрожало основной линии польской коммуникации. Дальнейшим преимуществом этого направления являлось то, что наши войска для

совершения этого удара не должны были делать никаких существенных перегруппировок, чем выгадывалось время и, сверх того, не приходилось менять своей основной коммуникации. Эта последняя направлялась у нас от Вислы и Лиды к юго-западу.

Невыгодой этого направления было то, что обходящие части становились несколько тылом к границе с Восточной Пруссией и, таким образом, оперативная свобода их в случае неудачной операции значительно уменьшалась и даже подвергалась угрозе.

Атака правого фланга основной польской группировки, по существу, ставила армии Западного фронта перед задачей прорыва всего польского стратегического фронта, что кроме основных трудностей самих по себе, при превосходстве в силах противника, усложнялось еще необходимостью форсировать в этом же месте реку Вислу. Кроме того, это наступление требовало довольно сложных перегруппировок наших сил и неизбежную перемену коммуникации на Клецели и Брест. Было очевидно, что противник, значительно усилившийся, не позволит нам безнаказанно произвести такую манипуляцию. Наступление двумя группами для нас являлось совершенно невозможным, ввиду нашей численной слабости. Итак, оставалось решаться на атаку польского левого фланга, выставив заслон на ивангородском направлении и рассчитывая на подтяжку, в период выполнения операции, сил Юго-Западного фронта на люблинское направление.

8 августа командованием фронтом отдается приказ об атаке польских сил и форсировании Вислы, каковое назначается на 14 августа. Главный удар намечается в районе севернее Варшавы. 4-я армия выставляет некоторый заслон в торнском направлении, а главными силами форсирует Вислу в районе Плоцка; 15-я армия форсирует ее в ловичском направлении; 3-я армия форсирует Вислу в районе Вышгород — Новогеоргиевск; 16-я армия, выставив заслон в гарволинском направлении, главными силами форсирует Вислу севернее Варшавы. Мозырская группа продолжает наступление для форсирования Вислы в районе Ивангорода. Она усилена по

просьбе Западного фронта 58-й стрелковой дивизией из состава 12-й армии Юго-Западного фронта. Разграничительными линиями назначались: между 4-й и 15-й армиями Маков — Ойржен — Плоцк — Пионтек; между 15-й и 3-й армиями Брок — Насельск — Вышгород — Сохачев; между 3-й и 16-й армиями Медзна — Новогеоргиевск — Блоне; между 16-й армией и Мозырской группой Брест-Литовск — устье реки Вепрж; между Западным и Юго-Западным фронтами главнокомандующим назначена линия Влодава — Новая Александрия.

Таким образом, против правого фланга польской основной группировки мы направили не менее 14 наших стрелковых дивизий и 3-й конный корпус. Учитывая моральное превосходство наших войск, мы имели полное право рассчитывать здесь на победу.

Обращает на себя внимание очень глубокий обход наших армий. Однако таковой имел под собой твердую почву. Если бы противник встретил нас контрнаступлением на правом берегу Вислы, то наша группировка оставалась бы очень плотной и охватывающей. Если же белополяки не были бы в состоянии вступить с нами в открытый бой и отошли бы за Вислу, то для удобства форсирования этой чрезвычайно трудной переправы необходимо было совершать ее на широком фронте. К этому особенно вынуждало отсутствие у нас понтонных средств.

6 августа, на два дня раньше этого решения, поляки принимают в своей главной квартире следующий план действий.

На люблинском направлении оставляются только украинские партизанские части и польская конная группа в 1 1/2 дивизии. Все остальные силы перебрасываются на Вислу и распределяются по 5 армиям.

Против нашего правого фланга сосредоточивается 5-я армия в составе 3 пехотных дивизий, 1-й пехотной бригады и большого числа пограничных частей и разных новых формирований общей численностью в 29 000 штыков и сабель. Район действий — Новогеоргиевск—

Маков. Задачей ей ставится: недопущение дальнейшего наступления большевиков за Буг и Нарев.

1-я армия в составе четырех пехотных дивизий, одной пехотной бригады и большого числа добровольческих и различных случайных формирований сосредоточивается на Варшавском предместном укреплении и насчитывает в своем составе до 40 000 штыков и сабель.

2-я армия в составе двух пехотных дивизий и различного рода мелких частей обороняет участок Вислы к югу от Варшавы до Ивангорода и насчитывает в своем составе 16 000 штыков.

4-я армия в составе трех пехотных дивизий сосредоточивается в районе юго-западнее реки Вепрж с целью нанесения удара во фланг наступающим нашим главным силам. Сосредоточение 4-й армии прикрывает 3-я армия, составленная из трех пехотных дивизий и 1 кав. бригады, действующих на люблинском направлении. Численность этих двух армий простиралась до 22 000 штыков.

Оценивая эту группировку белополяков, надо признать ее полную целесообразность в условиях сложившейся обстановки. Однако, думается, что, несмотря на то что она результатом своим дала полную победу, все-таки на решающем направлении (люблинском) было сосредоточено недостаточно сил и, в случае отсутствия ошибок с нашей стороны в сосредоточении Люблинского заслона, эта группировка не только не могла бы проявить себя активным образом, но даже была бы раздвлена.

Итак, на участке 4, 15-й и 3-й наших армий, имеющих в своем составе 12 пехотных и 2 кав. дивизии, поляки могли выставить всего только 3 У² пехотные дивизии, правда, полного состава, плюс разношерстные мелкие части. Мы имели полную возможность нанести здесь противнику сокрушительный удар и оголить его левый фланг и коммуникацию. 16-я армия атаковывала с фронта самую мощную польскую группировку и должна была связать ее в продолжении развития всей операции. Зато наш левый фланг был в невыгодном соотношении сил. Против двух дивизий Мозырской группы и трех дивизий 12-й армии, действовавших на люблинском на-

правлении, поляки выставили 6 пехотных дивизий, доведенных до полной численности и, таким образом, имели здесь перевес. Если бы только мы сосредоточили своевременно на люблинском направлении части конной армии, то и здесь наша группировка была бы угрожающей для белополяков и они не могли бы помышлять не только о наступлении из района Ивангород — Люблин, но были бы сами поставлены в очень тяжелое положение и неминуемо были бы отброшены на западный берег Вислы. Это обстоятельство с полной убедительностью доказывает, что мы могли и должны были решиться на наше наступление за Вислу и что это наступление имело полное основание на успех, если бы с нашей стороны не имел место недочет в стратегическом сосредоточении.

5-я польская армия не в состоянии выполнить своей задачи. Она сбита решительным наступлением наших северных армий и принуждена отступать на западный берег реки Вкра. 16-я армия завязывает бои на варшавском направлении.

В это время на стыке 4-й и 15-й армий имеет место инцидент, незначительный по существу, но сыгравший решающую роль в ходе всей нашей операции и положивший начало ее катастрофическому исходу.

Полевой штаб 4-й армии, перешедший при наступлении в город Цеханов, был неожиданно атакован прорвавшимися между 4-й и 15-й армиями мелкими частями противника и должен был поспешно сняться и уехать на запад к своим частям. Таким актом нарушалась связь между штабом фронта и 4-й армией, которая больше не восстанавливалась вплоть до начала нашего отступления, что, конечно, произошло благодаря полному отсутствию в нашем распоряжении каких бы то ни было средств стратегической связи.

Самый тактический инцидент был очень скоро ликвидирован. 15-я армия посылает на стык свою резервную дивизию, быстро восстанавливает положение, и наше наступление продолжается. Однако, как показал дальнейший ход событий, это происшествие не было простой случайностью. 5-я польская армия, оттесненная за реку

Вкру, получила приказ о переходе в наступление и начала его по всему фронту 15-й и 3-й армий.

Уже 5 недель продолжалось наше безостановочное наступление, 5 недель стремились мы найти живую силу врага, для того чтобы в решительном ударе окончательно уничтожить его живую силу. 5 недель белополяки неизменно уклонялись от решительного столкновения, в силу расстройств своей армии, и лишь только вышли на Вислу, подкрепленные новыми формированиями, рискнули они на это дело. Заранее мы не знали, где встретим главное сопротивление противника — на Висле или за Вислой. Но мы знали одно, что где-нибудь мы его главные силы найдем и разгромим в решительном столкновении. И вот теперь противник сам давал нам возможность осуществить эту задачу. 5-я армия, слабейшая по числу единиц и слабейшая духом, перешла в наступление против нашей 15-й и 3-й армий, когда над ее оголенным левым флангом нависли самые свежие, самые боеспособные наши части 4-й армии. Радость этого события для фронтового командования была чрезвычайно велика, и оно отдало приказ 15-й и 3-й армиям на всем фронте встретить наступление противника решительным контрударом и отбросить его за реку Вкра; 4-й армии, оставив заслон в торнском направлении, всеми своими силами атаковать перешедшего в наступление противника во фланг и тыл в новогеоргиевском направлении из района Рационж — Дробин.

Казалось, гибель 5-й армии противника являлась неминуемой, и уничтожение ее повлекло бы самые решительные последствия в дальнейшем ходе всех наших операций. Однако полякам повезло. Наша 4-я армия, где новый командарм потерял связь со Штабом фронта, не отдавала себе ясного отчета в складывавшейся обстановке. Не получая приказов фронта, она выставила в районе Рационж — Дробин какой-то бесформенный полузаслон и разбросала свои главные силы на участке Влацлавск—Плоцк. 5-я армия противника оказалась спасенной, и совершенно безнаказанно, имея на фланге и в тылу у себя нашу мощную армию из четырех стрелковых и двух кав. дивизий, продолжала наступле-

ние против 3-й и 15-й армий. Такое положение, чудовищное по своей несообразности, помогло полякам не только остановить наступление 3-й и 15-й армий, но и начать шаг за шагом оттеснять их части в восточном направлении.

16-я армия тем временем решительным ударом потеснила польские части и совсем было подошла к переправам на Висле, но контрудар последних заставил ее осадить назад. Она снова переходит в наступление, и здесь завязываются бои с переменным успехом, без решительных результатов.

На левом фланге 16-я армия без боев выходит на линию реки Вислы; правый фланг Мозырской группы точно так же без затруднения достигает ее. Зато на парчевском направлении она завязывает безрезультатные бои.

13 августа в подчинение Командзапа передается наконец 12-я армия.

Главное командование, учитывая необходимость консолидации левого фланга Западного фронта, 11 августа в 3 часа отдает Юго-Западному фронту директиву о необходимости изменить группировку сил Юго-Западного фронта и в самом срочном порядке двинуть конную армию в направлении Замостье—Грубешов. Расчет времени и пространства показывает, что эта директива Главного Командования могла быть безусловно выполнена до перехода южной польской группировки в наступление. Если бы выполнение несколько и запоздало, то польские части, перешедшие в наступление, были бы поставлены перед неизбежностью полного разгрома, получив по тылам удар нашей победоносной конной армии.

Однако в силу сложившейся в Галиции обстановки, где проводившиеся последовательные группировки были до сего времени направлены на Львов, выполнение этой директивы задержалось. 12 августа Главнокомандующий в разговоре по проводу указывает на полную непонятность для него отсрочки в выполнении его директивы и им дается подтверждение этого указания. Когда было приступлено к его выполнению, то время было уже в значительной мере потеряно. Но хуже всего было то, что

наша победоносная конная армия ввязалась за эти дни в ожесточенные бои за обладание Львовом, где бесплодно потеряла время и силы на укрепленных его позициях в борьбе против пехоты, конницы и мощных воздушных эскадрилий. Эти бои засосали конную армию, и она приступила к выполнению перегруппировки с таким запозданием, что ничего полезного на люблинском направлении сделать уже не могла.

Между тем 12-й армией был перехвачен приказ по 5-й польской армии, из которого было ясно, что поляки готовятся к переходу в наступление против нашего левого фланга из района реки Вепрж. Между прочим, этот приказ вызвал большое сомнение в полевом штабе, что и высказано в разговоре по проводу и указано, что, по данным разведки, все называемые нами части к нам не переброшены, а продолжают действовать на Юго-Западном фронте. К сожалению, приказ был верен.

16-я армия продолжала свои безуспешные атаки севернее Варшавы. Обстановка сложилась так, что необходимо было усилить наш левый фланг и вместе с тем дать возможность 16-й армии проявить себя на менее укрепленных противником направлениях. В связи с этим 14 августа командованием фронта отдается приказ о том, чтобы 16-я армия искала переправы южнее Варшавы и чтобы одну стрелковую дивизию она выделила в резерв фронта в район г. Луков, к выполнению чего и было приступлено.

XIII

Польское

контрнаступление

Когда эти перегруппировки осуществлялись, польская армия перешла в наступление. Части Мозырской группы были легко разбиты и рассеяны и начали беспорядочное отступление. 16-я армия стала попадать под фланговые удары, что усугублялось еще производившейся перегруппировкой и тем, что связь дивизий с командованием

армии была нарушена, в силу слишком далекого расстояния полештарма от боевой линии. Такая обстановка явилась для нас чрезвычайно грозной, особенно в связи с тем, что конная армия упорно продолжала свои действия в львовском направлении вместо люблинского.

К сожалению, о польском наступлении командование фронтом узнало всего только 18 августа из разговора по прямому проводу с командармом 16. Последний об этом узнал только 17. Мозырская группа совсем ничего не донесла о происшедшем.

Командарм 16 в своем разговоре по проводу, докладывая о сложившейся обстановке, высказал свое мнение о необходимости отойти для того, чтобы устроиться, но считал наступление белополяков несерьезным и предвидел возможность ликвидировать его. Однако сопоставление разведывательных данных о противнике с тем наступлением, которое началось из-за реки Вепрж, заставляло взглянуть на это обстоятельство другими глазами, и командование фронтом немедленно дает приказ о резком изменении задачи армиям фронта.

На нашем левом фланге обстановка слагалась угрожающе. На нашем правом фланге благодаря непонятности действий 1-й армии не было никакой возможности быстро покончить с наступающим противником. Наоборот, 4-я армия, прорвавшись к Влоцлавску, попадала заранее в очень тяжелое положение.

Приказ отдается следующего содержания: 4-й армии в своем полном составе, оказывая по пути поддержку 15-й армии, к 20 августа во что бы то ни стало сосредоточиться в районе Цеханов — Прасныш — Маков. Телеграммой начштазапфронта 4-й армии указывалось, что если содействие 15-й армии будет ее задерживать в движении, то его надлежит избегать, имея основной целью сосредоточение в назначенный срок в указанном выше районе, 16-й и 3-й армиям ставилось задачей сдерживание противника и обеспечение сосредоточения в резерве 4-й армии. 16-й армии ставилось задачей отступление на реку Ливец, Мозырской группе ставилось задачей обеспечение левого фланга 16-й армии. 12-й армии приказано перейти в наступление для сковывания

противника, наступающего из-за реки Вепрж. 21-ю дивизию 3-й армии и одну дивизию 16-й армии приказано было форсированным маршем направить в резерв фронта в район Дрогичан— Янов.

Было очевидно, что, упустив время и возможность нанесения противнику поражения, мы сами попали в тяжелое положение и принуждены отступить. Зная характер боев и операций при наших прерывчатых разрезанных фронтах, для командования фронтом не являлось секретом, что мы не удержимся и что отступление будет продолжаться, вероятно, до линии Гродно — Брест. Здесь мы имели возможность влить те 60 000 пополнений, которые уже двигались в эшелонах и шли походным порядком в запасные батальоны наших армий. Здесь мы могли оправиться, устроиться и перейти в дальнейшее наступление. Но основным условием для этого являлся безболезненный вывод наших армий из сложившейся обстановки. Оторванность 4-й армии вселила в этом отношении некоторое беспокойство, и ей были поставлены жесткие сроки отхода.

Однако наши несчастья на этом не кончились. Отсутствие средств связи и бестолковые путешествия 4-й армии по Данцигскому коридору, по-видимому, не позволили получить командарму 4 отданного приказа вовремя. В довершение всех несчастий, командарм 4, оторванный от штаба фронта и от соседних армий и не представлявший в силу этого общей обстановки на фронте, считал такую вполне благоприятной и отступление находил совершенно несвоевременным. 19 числа, случайно поймав командзапа по проводу, он изложил ему эти свои соображения, но получил категорическое подтверждение ранее отданного приказания. Само собой разумеется, что времени 4-й армией было потеряно столько, что своевременно она ни в коем случае не могла выполнить поставленной ей задачи. А это обстоятельство в связи с тем, что расстройство Мозырской группы и 16-й армии достигло крайних пределов и что противник, научившись у них смелости, наступал здесь с бешеной быстротой, заранее обрекало 4-ю армию почти на верную гибель. Надежда могла еще быть только на то, что противник

для устройства своих тылов хоть на время задержится или замедлит темп своего наступления. Но этого он не сделал. К 20 августа, отбрасывая в беспорядке части 16-й армии и расчленение сбивая во фланг части 3-й и 15-й армий, противник занимает линию Прасныш — Маков — Остров — Бельск — Брест. Тем временем 4-я армия еще только двигается к Праснышу и находится в районе Цеханова. 22 августа противник выходит на линию Остроленка — Ломжа — Белосток, 4-я армия еще только приближается к первому пункту. Части 15-й и 3-й армий напрягают все свои силы, чтобы сдержать наступление противника и позволить 4-й армии пройти в узком коридоре между Наревом и восточно-прусской границей. Но эта задача остается невыполнимой. 3-я и 15-я армии в неравных боях, в самом невыгодном для себя положении теряют значительную долю своих сил и 4-й армии спасти уже не в состоянии. Большую часть ее противник прижимает к восточно-прусской границе и заставляет перейти на германскую территорию.

Так кончается эта блестящая наша операция, которая заставляла дрожать весь европейский капитал и которая своим финалом позволила ему наконец свободно вздохнуть.

Поляки, выпалив в свою контроперацию весь остаток своей энергии, выдохлись и не могли развить достигнутых ими успехов. Наши части в самом жалком виде подтягивались на линию Гродно — Волковыск и отсюда распределялись по своим армиям. Снова закипела работа. Пополнения были влиты в оставшиеся кадры, и через какие-нибудь 2—3 недели силы фронта были снова восстановлены. Однако восстановление это было условное. Прибывшее пополнение было немундировано, не обуто, а на дворе стояла осень.

О наступлении можно было говорить только по получении обмундирования. А без наступления нельзя было говорить о боеспособности войск. Если бы противник перешел в наступление ранее нас, то никакого не могло бы оставаться сомнения в том, что мы были бы разбиты. Все же войска были настроены твердо. Проигранная операция толкала их на желание нового наступления. Мы

имели все шансы на то, чтобы снова повернуть счастье в свою сторону. Вопрос был только в том, кто раньше подготовится и кто раньше перейдет в наступление. К сожалению, хозяйственное положение Республики не позволило нам осуществить нашей задачи. Поляки перешли в наступление первые, и наше отступление стало неизбежным.

Конная армия, прибывшая на люблинское направление с большим запозданием, была двинута главным командованием в глубокий рейд на Замостье, но это уже было поздно.

З а к л ю ч е н и е

Основной вывод из нашей кампании 1920 года необходимо сделать тот, что ее проиграла не политика, а стратегия. Политика поставила Красной Армии трудную, рискованную и смелую задачу. Но разве может это означать неправильность?! Не было ни одного великого дела, которое не было бы смелым и не было решительным. И если сравнивать Октябрьскую революцию с нашим внешним социалистическим наступлением, то, конечно, октябрьская задача была гораздо смелей, гораздо головоломней. Красный фронт имел возможность выполнить поставленную ему задачу, но он ее не выполнил. Основными причинами гибели операции можно признать недостаточно серьезное отношение к вопросам подготовки управления войсками. Технические средства имелись в недостаточном количестве в значительной степени благодаря тому, что им не было уделено должного внимания. Далее, неподготовленность некоторых наших высших начальников делала невозможным исправление на местах недостатков технического управления. Расхождение ко времени решительного столкновения почти под прямым углом главных сил Западного и Юго-Западного фронтов предрешило провал операции как раз в тот момент, когда Западный фронт был двинут в наступление за Вислу. Несуразные действия 4-й армии вырвали из наших рук победу и в конечном счете повлекли за собой нашу катастрофу.

Рабочий класс Западной Европы от одного наступления нашей Красной Армии пришел в революционное движение. Никакие национальные лозунги, которые бросала польская буржуазия, не могли замазать сущности разыгравшейся классовой войны. Это сознание охватило и пролетариат и буржуазию Европы, и революционное потрясение ее началось. Нет никакого сомнения в том, что если бы только мы вырвали из рук польской буржуазии ее буржуазную шляхетскую армию, то революция рабочего класса в Польше стала бы совершившимся фактом. А этот пожар не остался бы ограниченным польскими рамками. Он разнесся бы бурным потоком по всей Западной Европе. Этот опыт революции извне Красная Армия не забудет. И если когда-либо европейская буржуазия вызовет нас на новую схватку, то Красная Армия сумет ее разгромить и революцию в Европе поддержит и распространит.

Ю. Пилсудский

Война 1920 года

По поводу книги М. Тухачевского
„Поход за Вислу“

Ю.Пилсудский

Пилсудский Ю. (1867-1935),
маршал, деятель правого крыла
Польской социалистической партии
(ППС). С 1906 года — лидер
ППС, революционной фракции. В
1920 году руководил военными
действиями в советско-польской
войне. В 1926—1928 годах и в
1930 году — премьер-министр
Польши.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Год 1920-й надолго останется в памяти по крайней мере двух государств и народов. На огромном пространстве между Днестром, Березиной и Западной Двиной, с одной стороны, и Вислой — с другой, в вооруженной борьбе решались судьбы Польши и соседней с нами Советской России. В то же время исход этой борьбы на какое-то время определил и судьбы миллионов людей, которые были представлены сражающимися здесь войсками и их полководцами. Я не хочу вдаваться в рассуждения о том, не выходило ли значение боев, которые велись в 1920 году, далеко за рамки территории, расположенной между границами обоих воюющих государств; несомненно одно — нервное напряжение во всем цивилизованном мире было чрезвычайно велико, и к нам, тогдашним воинам, было обращено множество взоров, наполненных то тревогой, то надеждой, то слезами горечи, то улыбкой счастья. Поэтому неудивительно, что присущая человеку любознательность требует разрешения загадок и сомнений, которые волновали тогда людей. Понятен и наш интерес, интерес главных действующих лиц тех исторических событий к поступкам, мыслям и даже мельчайшим подробностям работы тех, с кем нам пришлось скрестить шпаги. Пан Тухачевский (не могу найти другой формы обращения, так как не знаю, не обижу ли чем-нибудь своего бывшего противника, если буду называть его чины и звания) недавно издал книжицу под названием „Поход за Вислу“. В свою очередь, польские издатели этой книжонки попросили меня дать свою оценку этому сочинению, желая сопоставить взгляды командующих обеих противоборствующих сторон и их подходы к описанию конкретных событий. По-моему, это была неплохая мысль, потому что такое рассмотрение одного и того же явления с двух сторон дает самое большое приближение к реальной правде и может стать очень хорошей основой для любого серьезного историка. Несомненно, п.Тухачевский имеет передо мной преимущество, так ска-

зять, первенство в захвате инициативы — он начал первым. Поэтому по воле обстоятельств я с самого начала оказался связанным как композицией и структурой его труда, так и его методами освещения событий; в литературном же труде, равно как и труде ратном, это немаловажное преимущество. А учитывая то, что и в нашем военном столкновении с точки зрения инициативы судьба была благосклонна не ко мне, а к противоположной стороне, я охотно согласился на предложение издателей, тем более что сам подход п.Тухачевского к данной теме отвечает потребностям широких кругов нашей общественности в освещении многих явлений и событий, так глубоко пережитых нами в переломном для нашей родины 1920 году.

Так, п.Тухачевский, издавая под указанным названием свои лекции на дополнительном курсе военной академии в Москве, пошел так далеко в ограничении их содержания, что свел их, как говорится во вступлении, к „общему стратегическому обзору операций“, а „рассмотрения стратегических деталей и тактических действий соединений“ он решил вообще избежать. Поэтому сочинение п.Тухачевского становится доступным широким кругам читающей общественности. Ведь стратегия, представленная в таком широком виде, без ее тесного увязывания как с тонкостями этой науки, так и с тактикой действий войск, освобождает пишущего или говорящего от тяжело воспринимаемого средним читателем анализа боевых ситуаций, не требует трудных для расшифровки специалистами схем и карт и одновременно переносит читателя или слушателя в ту область, где начинает господствовать, иногда безраздельно, зачастую неуловимое для точного анализа очарование военного искусства. Границы каждого вида искусства пролегают там, где среднеобразованный человек обращается относительно свободно или по крайней мере свободно себя чувствует: когда проводится выставка картин, тот, кто никогда не держал кисти в руках, совершенно свободно распространяется о художниках и их манере, когда же дело доходит до выставки военных действий, то нет более широко обсуждаемой темы, чем стратегические просчеты, недостатки и достоинства главных действующих лиц войны, и чаще всего именно их участием в ней ограничивается область стратегического военного искусства. Когда наш Станьчик* говорит, что

*Станьчик Ян (1886 — 1952) — польский партийный, профсоюзный и государственный деятель. В 1919 — 1939 гг. член Высшего совета Польской социалистической партии. В 1922 — 1930 гг. — депутат Сейма. (Прим. перев.)

больше всего на свете таких врачей, которые умеют только давать советы больным, то смею уверить моего многоуважаемого соотечественника, что во время войны появляется несметное множество мудрых стратегов, которые умеют лишь свободно рассуждать о стратегических операциях. Поэтому сейчас, когда еще не смолкло эхо прошедшей войны, когда старые и молодые участники недавних побед и поражений еще рассказывают благодарным слушателям о своих похождениях, я признателен п.Тухачевскому за то, что своей работой он побудил меня вновь скрестить с ним шпаги, на сей раз невинно, на бумаге. Надеюсь, что таким образом мы оба будем содействовать более обоснованному и аргументированному решению спора между стратегическими дилетантами в обеих наших странах.

Когда я говорю о скрещении шпаг и отмечаю преимущество п.Тухачевского, имеющего право их выбора, хочу сразу же оговориться, что у меня тоже есть свои преимущества, которыми я не премину воспользоваться. Первым является то, что история поставила меня выше п.Тухачевского. Он командовал, правда, большей, но все же только частью воевавших советских войск, в то время как я был верховным главнокомандующим всей польской армии. Если он, как подчиненный, в своих планах и намерениях иногда был связан необходимостью выполнять приказы начальников и обходиться выделяемыми ему силами и средствами для ведения войны, то у меня в этом отношении была полная свобода. По этой же причине обстоятельства заставляли меня в области высшей стратегии и военного искусства, а также в мыслях, с ними связанных, оперировать более высокими категориями, вращаться в более высоких сферах, чем это было отведено п.Тухачевскому. Меня утешает то, что на это мое естественное преимущество п.Тухачевский не обращает абсолютно никакого внимания, превращая меня в своих рассуждениях также в подчиненного то генерального штаба Антанты, то мирового капитализма.

Остается обсудить другое преимущество с моей стороны, в связи с которым я долго колебался, стоит ли вообще браться за работу, о которой меня попросили. Если п.Тухачевский намеренно, как я уже имел возможность отметить, ограничился наиболее общим стратегическим обзором проведенных им операций и тем самым стал доступным для относительно широкого круга читающей общественности, то одновременно он действовал в ущерб себе, так как, повествуя о своей исторической деятельности по управлению большими массами войск, свел ее значение только лишь к функции командующе-

го, часто производя впечатление ветряной мельницы, вращающейся вхолостую. Не хочу обижать или в чем-либо ущемлять п.Тухачевского, но, на мой взгляд, чрезмерная абстрактность лекций отделяет п.Тухачевского от армии, которой он командовал, такой зияющей пустотой, что только сделав над собой большое усилие, я смог бы идти по его следам и приспособить свою работу к его методике и к его композиции лекций.

По нескольку раз я перелистывал страницы книжки и никак не мог решить, взяться за предложенную работу или отказаться от нее. Потому что об исторических вещах, о событиях, которые реально происходили на войне, я не мог решиться писать так, как это сделал п.Тухачевский.

Я еще могу понять, если бы речь шла о лекции по общей стратегии или по какой-то другой ее части, и в качестве примера, иллюстрирующего мысль лектора, приводились бы те или иные обобщенные исторические факты — в этом случае метод п.Тухачевского был бы обоснован. Но ни само содержание изданной книжки, ни подход автора к теме не позволяли отнести работу п.Тухачевского к этой категории. Ее действительное содержание — это история ведущей мысли командующего советских войск, противостоящих нам на фронте севернее Припяти в безусловно прекрасной операции в 1920 году. И лишь одну небольшую часть лекций п.Тухачевского, а именно его анализ действий при помощи таранных масс, можно бы отнести к работам теоретического характера, требующим исторической иллюстрации. Если бы я пошел по следам п.Тухачевского, у которого эта теоретическая часть занимает лишь мизерное место, а остальное представляет собой историю в строгом смысле этого слова, я был бы вынужден нарушить все законы логики и законы истории, всегда довлеющей над великими военачальниками. Заставить же себя пойти на это я не мог.

Без сомнения, для истории любой войны необходимым источником является анализ хода мыслей, движений души каждого из военачальников. Ведь влияние, которое их мыслительная деятельность оказывает на исход войны, так велико, что без этого военная история становится непонятной, часто чудаковатой смесью бессистемных фактов и фактиков, где явление победы или поражения никак не удастся поместить в рамки причинно-следственных связей, и оно зависит в какой-то абстрактной пустоте, неизвестно почему увенчивая лавром головы одних и заливая краской стыда лица других.

С этой стороны книга п.Тухачевского, без сомнения,

представляет собой ценный исторический материал, так как в ней он раскрывает свои мысли военачальника и анализирует свою деятельность по управлению войсками.

Но тогда чрезмерная абстрактность книги дает нам образ человека, который — как я уже говорил — анализирует только свой мозг или свое сердце, намеренно отказываясь или просто не умея увязывать свои мысли с повседневной жизнедеятельностью войск, которая не только не всегда отвечает замыслам и намерениям командующего, но зачастую им противоречит или вынуждена противоречить вследствие действий войск противника.

Этим я отнюдь не хочу сказать, что п.Тухачевский именно так и управлял войсками, не хочу использовать во всей полноте свое таким способом полученное преимущество, но я не могу избавиться от мысли, что очень многие события в операциях 1920 года происходили так, а не иначе именно из-за склонности п.Тухачевского к управлению армией как раз таким абстрактным способом. В своем же стиле управления войсками я никогда не замечал такой склонности и, если бы я решился взяться за предложенную работу, я никогда не стал бы размышлять и тем более писать о своей командной деятельности — когда речь идет об истории — так, как это делает п.Тухачевский. Поэтому я не отказываюсь от того естественного преимущества в нашем единоборстве на бумаге, которое мне предоставляет связь всех моих мыслей, всей работы моего ума с действиями командиров, которые были мне тогда подчинены.

Я так долго задержал внимание читателя на вступлении, не переходя к основному содержанию для того, чтобы избежать впоследствии многих отступлений от основной мысли работы, которые я должен был бы делать в процессе повествования, прослеживая ход операций 1920 года вслед за п.Тухачевским. Но уж если я решил в начале убрать помехи в работе, хочу сразу же прояснить еще несколько моментов.

Во-первых, я не хочу подражать п.Тухачевскому с точки зрения стиля, в каком он написал свою работу, конечно, он писал свою книжку не для нас, поляков и польских солдат, но своим, если можно так выразиться, сильно публицистическим уклоном он, прямо скажем, отнюдь не украсил свою работу. В его стиле прослеживается как бы желание агитировать своих слушателей или читателей в сочетании с настойчивой попыткой унижить своих противников. И хотя я лично не имею претензий к п.Тухачевскому за его колоритные описания масс, воевавших против него в 1920 году, за явное стремление

предать нас общественному презрению, постараюсь избегать в своем ответе даже такого обычного у нас слова, как „большевик“, потому что это выражение приобрело у поляков оттенок пренебрежения и желания оскорбить. Это вовсе не исключает того, что я выскажу свое отношение к взглядам п.Тухачевского по социально-политическим вопросам; они эпизодически разбросаны по разным частям лекций, а в концентрированном виде собраны в специальной главе под названием „Революция извне“. Мне это представляется необходимым, так как социально-политические факторы несомненно играли очень большую роль и в самой войне и в замыслах военачальников.

Добавлю также, что, не найдя в лекциях п.Тухачевского, как уже говорилось выше, обобщенного анализа его деятельности в качестве главнокомандующего, я постарался привлечь другие источники, которые помогли бы мне заполнить этот пробел. Я нашел их в недостаточном, правда, количестве в ряде исторических трудов, созданных нашими бывшими противниками. С большим удовлетворением констатирую, что, как с точки зрения методологии, так и подхода к теме, они успешно могут выдержать сравнение с выдающимися произведениями подобного рода. Настоящей жемчужиной во всей этой литературе является книга Е.Сергеева „От Двины до Вислы“, описывающая действия 4-й советской армии и деятельность ее командующего, автора книги. Я достаточно широко ею пользовался во всех моих попытках дать исторический анализ различных эпизодов кампании 1920 года. К сожалению, она вскрывает ту правду о командовании п.Тухачевского, которую я уже высказал выше.

Заканчивая вступление, очень сожалею о том, что некоторые наши исторические публикации стоят, к сожалению, так низко, что не могут ни служить хорошим источником, ни сравниться с работами в этой области наших бывших противников и часто, слишком часто создают впечатление работ трусливого школяра, который, зная, что провинился, юлит, выдумывает, гримасничает, стараясь обмануть строгого учителя — историю.

Глава I

Анализ работы п.Тухачевского я должен начать, несколько нарушив структуру подлинника, с одной из специальных сфер штабной работы, которую автор не выделил в отдельную главу, а дал в виде разрозненных замечаний в тексте или в специальных таблицах. Речь идет о расчетах, которые во время войны должны производить все командующие и все штабы, — о расчетах численного состава своих сил и сил противника. Эта работа не так проста, как кажется на первый взгляд. В каждом штабе есть офицеры, которые не занимаются ничем иным, как только непрерывно составляют расчеты сил, имеющихся в распоряжении для ведения боевых операций. В доказательство того, насколько сложны и запутанны такие расчеты, приведу факт, что военные историки, приступающие к своей работе с таким обилием материалов, которым наверняка не располагал никто во время войны, очень часто расходятся между собой в расчетах при исследовании одной и той же битвы или операции.

Пан Тухачевский, приводя данные о численном составе наших сил и, вероятно, зная, что его легко можно обвинить в неточности, с самого начала оговаривается, что система наших расчетов была слишком запутанной,

так как принимала за основу количество штыков и сабель. В исторической литературе о действиях войск, которыми командовал п.Тухачевский, удивительным стечением обстоятельств я натолкнулся на расчеты, составленные по тому же принципу — по штыкам и саблям. Пан Сергеев, о котором я уже упоминал, рассчитывал свои силы именно таким способом. Одна из советских дивизий (2-я), описывая взятие ею Бреста в ходе кампании 1920 года, использует при расчете своих сил тот же метод. И если в советских армиях наряду со штыками и саблями дополнительно производились расчеты по бойцам, то у нас предпринимались попытки иначе учитывать то, что составляет суть современного боя — силу огня. Во всяком случае, мне показался странным факт, что п.Тухачевский не захотел принять наш метод расчетов по штыкам и саблям, в то время как его армия в этом смысле практически ничем не отличалась от нашей. Когда же я постарался более внимательно проанализировать таблицы, приведенные п.Тухачевским, мне невольно пришла в голову мысль, что трудности, которые он выискивал для подсчета количественного состава наших сил, были, мягко говоря, преувеличены, вероятнее всего намеренно, чтобы в окончательном итоге (это невольно бросается в глаза) прийти к цифрам, уравнивающим свои и наши силы, или даже дающим численное превосходство не себе, а нам. Признаюсь, такой публицистический метод расчетов отбил у меня всякое желание глубоко задумываться над каждой цифрой, приведенной п.Тухачевским.

Однако в качестве примера мне хочется привести несколько наугад выбранных цифр из расчетов п.Тухачевского, чтобы показать, как он, если так можно выразиться, играет составными частями своих расчетов. В таблице № 1 в графе советских войск указана 15-я дивизия кавалерии, в таблице № 2 эта дивизия исчезает, чтобы снова появиться в таблице № 3. В таблице 1, являющейся как бы прологом к описанию операции, проведенной в середине мая 1920 года, на нашей стороне показана 2-я литовско-белорусская дивизия в составе 4800 штыков, хотя в этой операции она вообще не

принимала участия. Но самыми забавными являются явно предвзятые расчеты и итоги, приведенные в таблице 3 и показывающие соотношение сил перед началом 4 июля главной советской операции, завершившейся под Варшавой. В самом низу таблицы добавлена рубрика: запасные батальоны и эскадроны действующих полков. Для нас они показаны цифрой 27 000 штыков и 1200 сабель, "готовых влиться в строй". С русской же стороны мы находим вместо штыков и сабель лишь три звездочки, не означающие никакую цифру, но зато поясняющие, что батальоны и эскадроны уже учтены в составе дивизий. Это превосходно выравнивает соотношение наших и советских сил и даже дает нам преимущество почти в 30 000 штыков.

Трудно удержаться от улыбки и при сопоставлении между собой таблиц, где на каждом шагу замечаешь различные мелкие неточности и ошибки. Так, в таблице 1 неизвестно почему в некоторых наших пехотных дивизиях каким-то чудом появилась конница в постоянно повторяющемся количестве 400 сабель, в то время как другие дивизии таким подарком облагодетельствованы не были. В таблице 2, показывающей состояние наших войск через 15 дней, проведенных преимущественно в боях, численность конницы вдруг возрастает, и вместо 400 уже фигурирует цифра 500 сабель, как будто в ходе боев число штыков и сабель не уменьшалось, а, наоборот, увеличивалось. Я уже упоминал об исчезновении из таблицы 2 целой кавалерийской дивизии; этот же способ совершенно спокойно применяется для выравнивания соотношения сил и в отношении одного из важнейших соединений, а именно 29-й стрелковой дивизии, которая со своими почти 10000 штыков и 600 сабель безвозвратно исчезла во всех расчетах.

Такой странный расчет соотношения наших и советских сил, полный грубых ошибок, мог бы быть весьма грустным свидетельством плохой работы советских штабов, которыми командовал п.Тухачевский, если бы не его явная агитационно-публицистическая направленность, отнюдь не повышающая ценность сочинения п.Тухачевского и выражающаяся в том, чтобы в оконча-

тельном итоге, в сумме, выводимой внизу колонок, тенденциозно увеличить наши силы и, наоборот, приуменьшить свои. Пана Тухачевского, видимо, не смущает факт, что в тексте при анализе своих действий как главнокомандующего он раз за разом противоречит цифрам, приведенным им же в таблицах. Так, на стр. 45* при описании подготовки к главной операции п.Тухачевский пишет, что „благодаря несокрушимой энергии красноармейских работников... пополнения тысячами потекли в наши дивизии". Это позволило выполнить план удвоения боевого состава, но в таблицах мы этого удвоения не видим. И опять на стр. 61 п.Тухачевский утверждает, что свыше 30 000 вполне надежных людей было мобилизовано и влито в ряды Красной Армии во время похода от Березины и Западной Двины на Варшаву, добавляя, что это есть „характерный блестящий пример классового укомплектования". Однако в расчетах численного состава армий нет и следа нового пополнения. Естественно, возникает вопрос, где же на самом деле содержатся эти намеренные преувеличения п.Тухачевского — в цифровых данных, приведенных в таблицах и имеющих явно агитационный характер, или в публицистическом восхвалении энергии красноармейских работников и системы классового комплектования армии?

Все сказанное не позволяет рассматривать цифровые данные, приведенные п.Тухачевским, и составленные им таблицы как исторический материал, и поэтому во всех своих выводах и анализах я решил не принимать их во внимание. Тем не менее не хочу обойти молчанием общие расчеты, которые в ходе кампании 1920 года я производил для себя.

О численном составе своих сил можно судить на основании донесений, периодически представляемых командирами различных частей. Однако каждого, кто захочет опираться только на эти данные, я, как историк,

*Номера страниц при цитировании М.Тухачевского и ссылках на него привожу по: М.Тухачевский. Поход за Вислу. (Лекции, прочитанные на дополнительном курсе Военной Академии РККА 7—10 февр. 1923 года). — 1923. Цитаты из работ других авторов (Е.Сергеева, В.Путны и др.) даю в обратном переводе с польского. (Прим. перев.)

должен предостеречь от этого опрометчивого шага. Прежде всего потому, что любое донесение, независимо от того, какая информация в нем содержится, с исторической точки зрения может считаться надежным источником лишь после критического анализа, ведь донесения пишутся для начальства, они всегда имеют цель не только отчитаться в чем-либо, но и подспудно склонить начальника к тем или иным мыслям, к тем или иным решениям в отношении пишущего это донесение. Если так происходит в армиях, имеющих глубокие традиции и давным-давно до мельчайших деталей отработанную систему подготовки кадров, то что же говорить о нашей армии, совсем недавно сформированной и, если речь идет о командирах, состоящей из людей, по сути дела, случайно собранных из самых разных армий и школ. Именно по этой причине я никогда не относился в достаточной степени серьезно к донесениям наших командиров о численном составе войск. Я всегда вносил в них одну суммарную поправку, а именно: в нашей армии очень широко распространилась система откомандирования множества людей из боевых частей в ближний или дальний тыл для выполнения работ в интересах войск или командиров и по разным хозяйственным надобностям. В донесениях же эти откомандированные никогда или почти никогда не указывались, и для начальства их считали постоянно находящимися в полках. Попустительство в этом отношении зашло у нас слишком далеко, и мне не приходит на память хотя бы один случай, когда кто-нибудь из командиров применил бы здесь строгие дисциплинарные меры. Поэтому всегда, получая донесения о численном составе армий, я вносил в итоговую сводку, которую для меня готовили, суммарную поправку, суть которой состоит в том, что по крайней мере треть людей, считавшихся штыками и саблями, я не засчитывал в боевой состав. Для некоторых дивизий эта поправка была значительно выше и иногда составляла половину цифры, указанной в донесении.

Я вовсе не хочу сказать, что советская армия не знала подобной системы хозяйственного откомандирования штыков и сабель. Более того, я уверен, что так было.

Тем не менее следует отметить, что дисциплина у нашего противника была чрезвычайно жесткой, часто даже жестокой, а меры, предпринимаемые для ее поддержания, настолько суровыми, что, думаю, командующему войсками нашего противника не было необходимости производить такие грустные расчеты, какие делал я. Настоящую зависть вызвало во мне, например, описание действий 27-й дивизии под Варшавой и особенно тот факт, что ее командир сумел 10 августа на р.Ливец увеличить численность своей дивизии путем включения в ее боевой состав тыловых команд и части бойцов из обоза*. Могу заверить читателя, что в нашей армии подобного случая я не припомню.

Не хочу оставлять невыясненной и умышленную, как было уже сказано, ошибку п.Тухачевского в отношении запасных батальонов и эскадронов. По существовавшей у нас организации запасные батальоны и эскадроны служили не только для пополнения действующей армии, но и должны были также заботиться о сохранности всего имущества полков, непосредственно участвующих в боевых действиях. И поэтому, когда мы были вынуждены отступать вплоть до Вислы, все запасные батальоны и эскадроны не выполнили свою первую задачу — пополнение боевых полков, так как были заняты эвакуацией всего военного добра. Таким образом, речь может идти только об организационной работе в глубоком тылу. При стремительном же нашем отступлении, которое я анализирую позже, я вообще формально запретил давать подкрепление, прежде чем войска выйдут к Бугу, потому что, как я скажу ниже, после отхода с линии Барановичи—Вильно я совсем не надеялся, что командующему этим фронтом генералу Шептицкому удастся где-нибудь задержать наступление противника. На Буг же и Нарев было выслано чуть больше десятка батальонов пополнения, которые были первой такой помощью войскам, отступающим от Двины и Березины.

Не имея сейчас перед собой всех необходимых материалов, даже о своих войсках, не хочу идти по пути

* В. Путиа — Под Варшавой.

п.Тухачевского и в опровержение его таблиц составлять свои, тоже не дающие необходимой исторической гарантии. Мне не хотелось бы также приводить наши расчеты, касающиеся сил противника, по своей сути еще более ненадежные. Самой верной у нас считалась следующая система подсчета: на основании показаний пленных мы определяли численный состав рот или эскадронов и, исходя из этого, старались воссоздать численный состав батальонов, полков и дивизий. Такая система представлялась наиболее подходящей, так как, по нашим наблюдениям, советская армия отличалась чрезвычайной пестротой с точки зрения количественного состава не только высших организационных единиц — дивизий и бригад, но и полков в бригадах и батальонов в полках.

Коротко остановлюсь еще на одном обобщенном способе, которым я пользовался, когда хотел сориентироваться в том, чем я, собственно, располагаю для ведения боевых операций. Он заключается в принятии за основу всего, что в стране было поставлено под ружье. Из этой общей цифры, может быть, одной из немногих, которым можно верить, я старался — в общих чертах, опираясь на свои знания в области военного дела, — определить процент тех, кого можно было послать в бой. Этот процент в различные периоды был разным и зависел от того, когда пополнение прибыло на фронт. По моим расчетам, он никогда не превышал у нас 12—15%. Такое неблагоприятное состояние нашей военной организации было следствием чрезвычайно поспешного и неорганизованного формирования нашей армии, которое мы начали только в 1918 году, и притом практически с нуля. Здесь сказывалось также то, что представители нашей военной администрации всеми силами избегали, как какого-то греха, применения строгих дисциплинарных мер как внутри самой администрации, так и вне ее. Такое очевидное послабление в отношении тыловой работы приводило в итоге к тому, что огромная часть человеческого материала протекала у администрации между пальцев. Я всегда смеялся, что мы не можем избавиться от Добровольческого характера армии, так как у нас воюет только тот, кто хочет, или тот, кто дурак.

Судя по словам п.Тухачевского, зная дисциплину нашего противника, доведенную почти до абсолюта, я не думаю, что в этом важном вопросе у него дела были так же плохи, как у нас. Поэтому я позволил себе вышепри-
веденный наш процент увеличить для п.Тухачевского по крайней мере на 10%, доведя таким образом долю его боевых сил в общем количестве личного состава, находящегося на довольствии, до 25%. Думаю, однако, что и эта цифра занижена, потому что в нашем случае я вычислял указанный процент общего количества людей, находящихся под ружьем во всей стране, в то время как в отношении п.Тухачевского я делал расчеты, исходя только из имевшихся в его распоряжении фронтовых сил.

На счастье, в ходе изучения нашего противника я нашел числовые данные, показывающие количество личного состава и лошадей, находившихся на довольствии в советской армии, по состоянию на август 1920 года: бойцов 794 645, лошадей 150 572*. И если мы применим обобщенный метод, о котором шла речь выше, то получим, что в начале августа, как, впрочем, и в июле, П.Тухачевский располагал боевой силой в количестве до 200 000 человек.

У нас — и это я заявляю со всей ответственностью — в течение всей нашей войны эта цифра никогда не достигала 200 000 чел., причем на всем фронте, а не только на той его части, которая противостояла войскам п.Тухачевского. Таким образом, со времени развертывания против нас в июле 1920 года всей советской армии противник всегда имел на действующем фронте численный перевес. Пишу это не для того, чтобы похвастаться, наоборот, считаю эти факты явлением чрезвычайно неприятным, свидетельствующим отнюдь не в нашу пользу. Это замечание окажется еще более справедливым, когда добавлю, что в общем и целом кровопролитные бои, где испытывались мужество и героизм в прямом значении этого слова, не были характерной чертой нашей войны 1918—1920 гг., так как боевые потери, понесенные

*Фролов. Снабжение Красной Армии на запфронте.

нашими войсками в этой войне, были ничтожно малы по сравнению с потерями, понесенными нами в так называемой мировой войне.

В заключение главы приведу свои, к сожалению, слишком общие расчеты, которые я в свое время производил и на которых в принципе не настаиваю. К моменту начала операции 4 июля я оценивал численность войск п.Тухачевского в 200 000 — 220 000 человек — п.Тухачевский приводит в таблице цифру 160 188. Ген. Шептицкий, который был тогда в той же роли, что и п.Тухачевский, имел максимум 110 000 — 120 000 человек.

В заключительном эпизоде на Висле я оценивал силы п.Тухачевского в 130 000 — 150 000 бойцов, а наши, учитывая только те силы, которые могли быть использованы в так называемой битве под Варшавой, — в 120 000 — 180 000. И если последняя цифра дана в таком широком диапазоне, то только потому, что у нас тогда царил невообразимый организационный хаос, и в тот период нельзя было даже думать о том, чтобы бросить в бой все, что было под ружьем или что было готово к выдвигению.

Глава II

Как это обычно бывает перед началом крупных операций, п.Тухачевский и его начальники анализировали характер местности на операционном направлении и оценивали группировку своих сил и сил противника. Этим двум вопросам пТухачевский посвящает в своей книге соответственно главы II и III. Я не буду останавливаться на описании местности, которое полностью соответствует действительности и относится к области чистой географии. Задержу внимание читателя лишь на некоторых моментах географических рассуждений П.Тухачевского, так как, судя по тому, что он написал о своих методах управления, они сыграли большую роль в принятии решений в ходе боевых действий. Это будет мне тем более приятно, что один из терминов, который с видимым удовольствием повторяет пТухачевский, имеет польское происхождение, и поэтому я как бы имею право употреблять этот термин в его первоначальном значении, а не таким, признаюсь, странным образом, как это делает П.Тухачевский. Речь идет о следующем: п.Тухачевский пишет, что для проведения операции со столь далеко идущими целями он имел на выбор два направления для нанесения главного удара. Одно из них называется игуменское направление, ведущее прямо на Минск, второе — как он сам говорит — „поляки называют Смоленскими воротами“. Пан Тухачевский избрал для проведения своих операций второе направление.

Как я уже отметил, наш термин обозначает совсем другой, более приближенный к самому названию участок местности. Действительно, две главные пограничные реки, некогда разделявшие Речь Посполитую и страну царей, Западная Двина и Днепр, образуют в своем верхнем течении относительно узкий коридор, закрытый с востока крупнейшим в тех краях городом — Смоленском. В старину все набеги и походы, будь то с польской или с русской стороны, проходили через Смоленск, превращая его как бы в ворота, в которые необходимо постучаться, прежде чем планировать какие-либо крупномасштабные операции. Проходили столетия, и каждый раз, когда начиналась очередная большая война, Смоленск переходил то в одни, то в другие руки. В новой истории во время похода Наполеона на Москву вновь одно из крупнейших сражений произошло здесь, за обладание этими поистине воротами. До сих пор Смоленск носит явный отпечаток своего важного стратегического значения: мало где сохранились такие, как здесь, старинные стены и валы. Но п.Тухачевский переносит название "Смоленские ворота" в совсем другой район, не имеющий, по моему мнению, ничего общего ни со Смоленском, ни с одной из рек, образующих эти ворота — с Днепром. Более того, как бы желая приуменьшить большую историческую значимость Смоленска, он переносит основной упор своих рассуждений в маленький городишко Ореховна. Признаюсь, это неожиданно возникшее название привело меня в ужас. Как мог я, верховный главнокомандующий польской армии, в течение нескольких лет анализировавший самые разные варианты, взвешивающий до мельчайших подробностей все шаги как со своей стороны, так и со стороны противника, не заметить того, что в течение какого-то времени я имел в своих руках столь важный стратегический пункт, от которого, вдобавок ко всему, с моего согласия мы избавились при окончательном определении границы в соответствии с Рижским договором. Я склонен даже подозревать, что еврейское население этого небольшого городка намеренно стремилось к тому, чтобы оказаться

на территории Страны Советов, так как именно под его нажимом мы сделали эту небезопасную уступку.

Если же п.Тухачевский весь этот район называет „Смоленскими воротами“, то я позволю себе предложить городок Ореховна, расположенный сейчас как раз на нашей границе, называть калиткой, "смоленской калиткой". Но шутки в сторону. Судя по работе п.Тухачевского, Ореховна сыграла в войне важную роль.

Командующий советскими силами сетует, что в районе Ореховны он должен был изменить свою операционную линию, делая — как он пишет — большое захождение правым плечом на 90°, то есть меняя ее под прямым углом. По этому поводу, несмотря на то, что он был разбит в своей первой попытке, называемой им „майское наступление“, п.Тухачевский утешает себя тем, что "Смоленские ворота" остались в наших руках вплоть до того момента, когда мы перешли во второе решительное наступление" (стр. 41).

Во вступлении я говорил о чрезмерной абстрактности трактовки темы п.Тухачевским. Трудно найти лучшее доказательство того, что эта абстрактность его ума существует на самом деле, если он с такой легкостью может связывать свою деятельность командующего со столь до смешного незначительными точками на карте. Когда заходит речь о проведении действительно сложного, требующего много времени маневра захождения тем или иным плечом большей части войск под прямым углом, видимо, нельзя связывать осуществление такого маневра с какими-то незначительными пунктами, даже если они расположены на главных коммуникациях. Подобный трудный маневр можно так же хорошо провести и не ограничивая себя какими-то конкретными пунктами. О, география и геометрия! Сколько же ловушек уготовлено в них для полководцев!

Военная история знает не один такой пример. Когда в конце мая мне пришлось задержать наше контрнаступление, я и не подозревал, что п.Тухачевский прорывал перед этим "Смоленские ворота" и в конце боя дрался за удержание даже не их самих, а их суррогата — "калитки в Ореховне". Это напоминает мне широко

известное сражение между армиями Куропаткина и Оямы в январе 1905 года. Русские, которые тогда наступали, называют его „битвой под Сан-де-пу“; а называют его так потому, что и генерал Куропаткин, и командующий 2-й армией Гриппенберг развитие всей операции ставили в зависимость от успеха боя за Сан-де-пу, за эту своего рода Ореховну на тамошнем театре военных действий. Название этого городка было так созвучно их помыслам, их планам, их тревогам и надеждам, что оно предопределило и название всего сражения. И вот, игра случая, японцы, которые перешли в контр-наступление, окрестили то же самое сражение совсем по-другому — „битва под Геи-кау-таи“, под другой Ореховной, ибо именно здесь они познали весь ужас разгрома, столкнувшись с отборными войсками русских, именно это название связалось в их сознании с самыми большими трудностями и тревогами, с самыми большими потерями. В своих лекциях я всегда любил приводить этот пример, называя его комедией ошибок и образцом комического недоразумения. Я всегда предупреждал своих слушателей, чтобы в военных операциях, как малых, так и крупных, они всеми силами избегали ловушек, скрытых в географии и геометрии. И пусть меня простит мой уважаемый противник по войне 1920 года, если теперь, наряду с Сан-де-пу, я буду приводить пример Ореховны. Когда я перейду к анализу боевых действий, то, думаю, мне удастся доказать, что упорное топтание мыслями вокруг подобных проблем у полководцев почти всегда неизбежно ведет тоже к топтанию, но уже ногами солдат, неупотанной земли полей сражений с огромными затратами времени и сил.

Я задержал внимание читателя на этой части размышлений п.Тухачевского потому, что сам он, собственно говоря, анализ своих намерений и планов строит на одном только эпизоде — маневре поворота основных своих сил под прямым углом сразу после овладения, как он пишет, „Смоленскими воротами“. Очевидно, что мысли п.Тухачевского были очень сильно заняты этим маневром, который он осуществил два раза: первый раз — во время майской операции, второй — в июле во время

главного наступления, закончившегося под Варшавой. Это было связано со стремлением использовать железную дорогу Полоцк—Молодечно в качестве наиболее удобной транспортной магистрали для обеспечения главных сил его армии.

Мысль простая и понятная, но занятие и прикрытие главной операционной линии вовсе не требует ее, так сказать, физического вытаптывания основными силами в строгом соответствии с назначенными на ней географическими пунктами. Такая непосредственная увязка мыслительной работы полководца с географическими названиями и геометрическими фигурами всегда, повторяю, приводит в итоге к ловушке, смысл которой заключается не в чем ином, как в игнорировании при разработке плана дальнейших действий главного препятствия, которое только может существовать на войне, — войск противника и их действий. Последние, в свою очередь, вовсе не обязательно увязывают свои действия с теми же географическими и геометрическими фигурами, а чаще всего имеют свою Ореховну, не совпадающую с Ореховной противника. У меня еще будет возможность вернуться к этим выводам при анализе действий п.Тухачевского.

Анализируя стратегическую группировку своих сил и сил противника, п.Тухачевский делает это очень коротко, говоря о себе, и значительно более обширно в отношении нас. О себе он говорит немного. Здесь он, как подчиненный, связан решениями своего верховного главного командования. А оно, в свою очередь, выбрало место сосредоточения основной группировки своих войск и определило количество сил, которые под командованием п.Тухачевского должны идти в бой. С исторической точки зрения эти подробности очень интересны, но на них автор почти не останавливается. Он только отмечает, что ему был назначен район сосредоточения Витебск—Орша—Толочин и выделено под его командование до 21 дивизии.

Действительно, если подсчитать количество дивизий — в том числе 2 кавалерийские — с которыми п.Тухачевский начал свое главное наступление в июле, то

получится именно это количество войск, выделенных ему для проведения операции. Однако первая, майская попытка предпринималась только 13 дивизиями, то есть менее чем 2/3 сил, предназначенных для наступления.

Группировку своих сил п.Тухачевский рассматривает на основе анализа построения наших войск. В общих чертах его мнение о нашей группировке следующее: польские войска кордонно растягивались по всей занимаемой ими линии более или менее равномерно. Очень жаль, что другую часть своих стратегических рассуждений, рассуждений, представляющих собой украшение всей книги, п.Тухачевский поместил в другом месте, в анализе главной, июльской операции. Может быть, причиной тому было нежелание долго останавливаться на неудачном майском наступлении, но, признаюсь, я с определенным трудом пошел на то, чтобы в своей работе сохранить этот, на мой взгляд, нелогичный способ изложения. Сомневаюсь, чтобы п.Тухачевский, который свое майское наступление продумывал так же тщательно, как и июльскую операцию, не проигрывал в уме те же самые таранные действия, которые он так красноречиво описывает лишь при анализе главного наступления. Более логичная последовательность изложения была бы для меня удобней, так как давала бы мне большую возможность сказать несколько слов в отношении критики — с моей точки зрения несправедливой — стратегического построения нашей армии и моих личных приказов по этому поводу.

Итак, характеризуя кордонную группировку наших сил, п.Тухачевский утверждает, что такое равномерное расположение войск вело к тому, что „никакими усилиями польское командование не могло бы сосредоточить на любом направлении главные массы войск. Наше наступление непременно сталкивалось бы лишь с незначительной частью польской армии и после этого последовательно встречало бы контратаки резервов" (стр. 37). На этой основе п. Тухачевский предлагает создать такую обстановку, когда бы „войсковые массы давили и в полном смысле слова упраздняли в районе удара части передовой

польской линии. После этого последовательные контр-удары резервов уже становились не страшны... " (стр. 37).

Читая и перечитывая эти рассуждения п.Тухачевского, я мысленно возвращался к своим раздумьям над этим же вопросом. И если мои термины и мои мотивы отличались от тех, которые приводит п.Тухачевский, то результат, к которому я приходил, всегда полностью совпадал с мыслями п.Тухачевского и в общих чертах сводился к выводу, сделанному еще в конце 1919 года. Я пришел к заключению, что в нашей войне с Советами тот, кто энергично наступает, всегда добьется успеха и прорвет кордон или линию в выбранном месте. Поэтому, как я говорил в те времена, я всегда искал выход в маневре, даже если это был маневр назад, связанный с отходом войск. И, признаюсь, меня в определенной степени задело замечание п.Тухачевского, что польское „командование" выставило против него весной 1920 года слабенький кордон, с которым он собирался легко справиться.

Прежде всего п.Тухачевский забывает о существенной разнице в ролях, которые выпали ему и его непосредственному противнику. Если ему было предписано захватить инициативу и атаковать неприятеля, то польские войска на северном фронте, противостоящем п.Тухачевскому, наоборот, имели оборонительные намерения. А в обороне первый ее рубеж, ближайший к противнику, не может быть ничем иным, как только кордоном, тонкой, неглубокой линией. Даже сугубо окопная война, предусматривающая как принцип линию в ее чистом виде, пришла в своем развитии к необходимости иметь кордон — слабый, легко прорываемый и создаваемый единственно в целях наблюдения и в целях прикрытия. Кордон или линия в обороне необходимы, иначе невозможно выявить ни силы наступающего противника, ни его истинные намерения, ни направления его ударов. Это первая мысль, которая должна была прийти в голову п.Тухачевскому, если бы он глубже вник в положение своего противника. Таким образом, кордон был, и в

этом кордоне, замечу, стояло на всем фронте против войск п.Тухачевского 6 пехотных дивизий и 2 кавалерийские бригады (дивизии — 8-я, 1-я литовско-белорусская, большая часть 3-й див. легион., 2-я див.легион., 14-я. 9-я) .

Можно, конечно, спорить о том, хорошо это или плохо — выделять целых 6 дивизий на такую неблагодарную службу; можно, наоборот, как это делали мои подчиненные, утверждать, что при такой растянутой линии фронта эти силы недостаточны даже для ведения надлежащего наблюдения за противником. Но факт остается фактом: в кордон была выделена именно эта часть польских войск. И наконец, позволю себе заметить, что в сентябре 1920 года, когда я перешел в наступление, я нашел того же п.Тухачевского, кордонно растянутым под прикрытием рек Неман и Шара. Он был в обороне, которая, несмотря на его резко негативное отношение ко всякого рода кордонам и линиям, вынуждала его стоять в такой же неразумной группировке, которую он приписывает нам в мае.

Переходя к проблеме резервов, сразу же скажу, что их группировка совсем не соответствовала какому-нибудь принципу кордона. В апреле, начиная наступление на южном фронте на Украине, я тщательно обдумывал, как смогу помочь северному фронту в случае, если он будет атакован. Над этим вопросом — возможностью контратак со стороны противника — я задумывался часто, причем придерживался мнения, расходящегося с точкой зрения моего ближайшего окружения. Так, генерал Галлер, бывший в то время у меня начальником штаба, считал, что контрудара следует ожидать на том же фронте, где мы перешли в наступление, потому что, по его мнению, именно на юге противник сосредоточил свои главные силы, разбившие Деникина, и там нарастала новая опасность в виде крымской операции Врангеля. Ему казалось логичным ожидать оттуда и контрнаступления, а в том, что оно будет, мы не сомневались. Что же касается меня, то я склонялся к мысли, что контрнаступление следует ждать на том фронте, где мы менее

всего сконцентрированы. То есть если бы для весеннего наступления я выбрал Северный фронт, то контрудара ожидал бы на юге, выбрав юг, я бы больше рассчитывал на контрнаступление противника на севере. Тем более тщательно я должен был продумать, чем я буду отражать удар противника.

Таким образом, в резерве на северном фронте были оставлены: в Осиповичах и их окрестностях 6-я пехотная дивизия как резерв 4-й армии; в Полесье к той же 4-й армии выдвигалась 16-я дивизия. Обе эти дивизии поступали в полное распоряжение командующего 4-й армией генерала Шептицкого. Глубоко в тылу, в Лиде, располагалась 17-я дивизия, которую я оставил в своем распоряжении. Наряду с этим на фронте против Литвы, где не было боев, а велось лишь наблюдение, в нашей 7-й армии было две дивизии, из которых немногим более половины дивизии находилось в резерве, всегда готовом к использованию в другом месте. Таким образом, на одном только Северном фронте в резерве было три с половиной дивизии. Если же отнять 16-ю дивизию, которая почти немедленно была втянута в бои на Полесье, то останется две с половиной дивизии.

Это составляло почти половину сил, растянутых в оборонительном кордоне против п.Тухачевского; эти дивизии располагались так далеко, что в первые дни контрнаступления п.Тухачевского не могли подвергнуться его ударам и, вопреки его мнению, их можно было легко бросить на любое выбранное направление.

В еще большей степени это касается других, более глубоких резервов.

Еще дальше, в глубоком тылу, я имел 11-ю дивизию, которая находилась в состоянии реорганизации, а также формирующуюся так называемую 7-ю резервную бригаду в составе трех полков. Таким образом, в глубоком резерве, недоступном для п.Тухачевского, мы имеем уже около 5 дивизий, то есть силы, почти равные тем, что стояли в кордоне.

Более того, при планировании украинского наступления я приказал уже к третьему дню операции подтянуть

в мой резерв 4-ю дивизию, расположенную в Коростене, а к четвертому дню — 15-ю дивизию (район расположения Козятынъ и Бердичев). Что касается еще одной дивизии, 5-й, которую я хотел иметь готовой для переброски на участок ожидаемого контрудара, то здесь все зависело от степени реорганизации 18-й дивизии, выведенной в резерв в первые дни операции, так как эта реорганизация была ей необходима: как 11-я, так и 18-я дивизии были укомплектованы в основном контингентом старшего возраста, бывшими пленными, из которых они и были сформированы то ли во Франции, то ли в Италии. Это так ужасно сказывалось на моральном состоянии обеих дивизий, что без реорганизации они были непригодны для боя. Хочу отметить, что, действительно, для отражения майского наступления п.Тухачевского 4, 15-я и половина 5-й дивизии прибыли вовремя.

Итак, к началу наступления на Украине резервы, которые я создал, ожидая контрудара противника, в общей сложности составляли 8 дивизий. Из них две могли быть использованы для усиления фронта, оказавшегося под угрозой, и для попытки задержать контрнаступление противника из пяти или шести можно было создать ударную группу в нужном месте или на нужном направлении.

Поэтому мне не кажется правильной оценка п.Тухачевским нашей стратегической группировки. Я склонен думать, что такая ложная оценка вытекала из относительно узкого кругозора п.Тухачевского, который предоставлял право делать выводы из обстановки на всем польско-советском фронте своему главному командованию. Однако это оправдание мне кажется недостаточным, так как сам П.Тухачевский пишет, что, по плану главного командования, основная роль в войне с Польшей была отведена именно ему и войскам, которыми он командовал. А в этом случае п.Тухачевский был обязан более широко и масштабно отнестись и к своей задаче, и к расчетам, которые он должен был производить. Майское наступление п.Тухачевского не удалось; оно было отбито не чем иным, как согласованными действиями всех перечисленных сил из состава глубоких резер-

вов, что полностью опровергает рассуждения п.Тухачевского*.

Вопрос кордона и линейного расположения войск заслуживает, по-моему, дальнейшего рассмотрения — мы будем возвращаться к нему и при последующем анализе операций 1920 года. В течение всей прошедшей войны я был таким же принципиальным его противником, как и п.Тухачевский. Я всегда искал выход из любой ситуации в маневре — смело задуманном, требующем большого напряжения моральных и физических сил как со стороны командующего, так и со стороны войск. По-моему, именно это помогло мне довести нашу двухлетнюю войну до счастливого для нас завершения. Я не хочу, однако, сказать, что в наблюдениях п.Тухачевского за нами нет определенного рационального зерна; он был не так уж неправ, когда строил свои планы и замыслы, опираясь на нашу склонность к кордонам и линиям. Дело в том, что все польские полководцы, и я в том числе, приступая к войне с Советами, находились под впечатлением и влиянием длительной окопной войны, утвердившей победу линейной стратегии над, казалось, устаревшей стратегией живого движения и маневра. Если просмотреть множество оперативных приказов, отданных нашими командирами в течение 1919-го, а может, и 1920 года, увидим, что в этих приказах аж в глазах рябит от линий рек, речек, озер и даже ручьев: это считалось основой стратегического мышления. Иногда, просматривая представленные мне рапорта, читая копии различных приказов, наконец, при обсуждении обстановки со своими подчиненными, мне не раз вспоминались веселые анекдоты тех времен, когда я еще командовал бригадой легионеров. Часто, сидя в окопах, мы смеялись над страхами и тревогами наших соседей, австрияков, вызванными сто- и двестиметровыми промежутками,

* По странному стечению обстоятельств критика п.Тухачевским высшего стратегического построения почти полностью совпадает со многими поверхностными, но зато очень публицистичными критическими выводами по поводу моих методов управления войсками, распространяемыми польскими стратегическими силами, которые никогда и никем не командовали, а если и командовали, то отвратительно. Эта мысль часто приходила мне в голову, когда я читал сочинение п.Тухачевского.

которые ленивый легионер не захотел прикрыть фортификациями.

Мне хорошо известно, что такой же страх и тревога охватывали многих наших командиров, когда они не были уверены, что на каком-нибудь направлении, пусть даже наименее вероятном, противник не встретит хотя бы минимальное сопротивление.

Поэтому подробные карты расположения войск всегда пестрели разными „заствами“, „караулами“, неизбежно растягивающими армию в слабые кордоны. Если же взять огромную протяженность фронта в тысячи километров и сопоставить ее с количеством войск, которые нужно было распределить по этому фронту, то легко понять, сколько промежутков — уже не сто- и двести-метровых, а значительно больших — должно было вызывать озабоченность и чувство бессилия у тех командиров, кто не мог отойти от линейных догм. Поэтому в рапортах, направляемых мне, как верховному главнокомандующему, постоянно звучало требование прислать помощь для закрытия этих брешей, для устранения этих тревог и страха. Этим объясняются и нескончаемые попытки убедить меня: „faites une ligne forte!“*, подсказанные самым умным и самым опытным советчиком — войной.

Этот привычный способ мышления не мог не отразиться, я уверен, и на группировке войск, которую наблюдал п.Тухачевский. Но, повторяю, когда в конце апреля в основу плана своих действий он заложил именно такую кордонную болезнь, он сделал ошибку, которая не преминула отомстить ему провалом широко задуманного наступления. К анализу этого наступления я и позволю себе перейти.

*"Faites une ligne forte!" (фр.) — укрепляйте линию! (Прим. перев.)

Глава III

На майской наступательной операции, как я уже сказал, п.Тухачевский останавливается очень коротко. Он дает только самый общий ее обзор, не вдаваясь в детали, так, словно они не имели большого значения. Но он сам себе противоречит, когда говорит, что ее план предусматривал прорыв через „Смоленские ворота“, разгром левого фланга польской армии и прижатие остальных ее сил к Пинским болотам. Далеко идущий план, означающий полный разгром и вывод из дальнейшей игры целого нашего фронта почти до Припяти. Операция отнюдь не малого значения.

И действительно, в истории нашей войны эта операция сыграла свою выдающуюся роль. Прежде всего она перенесла большую часть наших польских сил (до четырех дивизий) на Северный фронт, что, естественно, отразилось на всем дальнейшем ходе войны. Затем, будучи как бы прелюдией к крупному июльскому наступлению Советов, она многому научила войска обеих сторон. Мне очень неприятно признаваться, но этот опыт наш противник использовал значительно более умело, чем мы. И наконец, она стоила нашему противнику значительной части его физических и моральных сил, в чем мы легко убедимся при анализе начального периода июльского наступления. Поэтому мне хотелось бы остановиться на естественном вопросе, который я часто задавал себе как в ходе войны, так и по ее окончании —

зачем было нужно это первое, как бы пробное наступление? Этот вопрос звучит тем более естественно, когда известно, что оно было проведено до окончания намеченного сосредоточения войск, в которых, по моим расчетам, не хватало более чем 1/3 сил, предназначенных для проведения главной операции всей войны.

Хорошо помню тот момент, когда я получил известие о контрнаступлении на севере, именно там, где я и ожидал. Телеграмма застала меня в Житомире, когда я собирался ехать в Варшаву. Как я уже говорил, это не было для меня неожиданностью. Более того, примерно за неделю до этого я вызвал в Каленковичи генерала Шептицкого и обсуждал с ним мой план развернуть наше наступление, успешно развивающееся на юге, также и на север. Я имел в виду удар из Полесья, с одной стороны, в направлении Речицы (что в то время как раз и делалось), с другой — в направлении Жлобина и Могилева. Я считал, что, уже имея на юге в резерве 4-ю дивизию и значительное превосходство в силах в Полесье (9, 16-ю и 14-ю дивизии), я могу попытаться помешать начавшемуся сосредоточению войск противника на направлении, которое п.Тухачевский называет "иуменским" и на которое обращал мое внимание генерал Шептицкий. На Южном фронте тогда было затишье, так как обе действовавшие там советские армии были нами разбиты, а приближающуюся к нам конницу Буденного я, признаюсь, в расчет не принимал.

Поэтому, когда на житомирском вокзале начальник моего штаба генерал Галлер принес мне в вагон свежие телеграммы, я сразу привел в движение то, что в мыслях давно уже приготовил. Я приказал телеграфировать генералу Шептицкому, чтобы он принял командование и 1-й армией, отдал в его распоряжение стоящую в Лиде 17-ю дивизию и приказал немедленно двинуть вперед 4-ю дивизию из Коростеня, а потом 15-ю из Хвостова. У меня родился замысел немедленно контратаковать сразу на обоих флангах: из Полесья и на самом северном крыле. Сам факт наступления п.Тухачевского ни на минуту не вызвал во мне беспокойства. Отход 1-й армии из-под Глубокого, о чем сообщалось в телеграммах, не

был для меня каким-то крупным событием, так как — должен с сожалением признаться — Ореховне я не придавал никакого значения, а ворот ни смоленских, ни каких бы там ни было других я там не усматривал.

По приезде в Варшаву я нашел новые телеграммы, более тревожные. Генерал Шептицкий считал, что обстановка очень серьезная, и просил возможно большей помощи. Я уже достаточно привык к такого рода депешам, тем не менее — в чем сейчас раскаиваюсь — решил значительно сузить размеры моего контрудара. Я отказался от глубокой контратаки из Полесья, и, учитывая положение ген. Шептицкого, решил обеими прибывающими с юга дивизиями прежде всего укрепить оказавшийся в опасности Минск, где главным угрожаемым направлением, по мнению генерала Шептицкого, было игуменское направление. В этом случае контратака могла быть проведена только по западному берегу Березины, а не по восточному, как планировал раньше.

Надо сказать прямо, тогда, при чтении телеграмм, я не видел повода для беспокойства, и наступление главных сил п.Тухачевского в направлении Молодечно особенно меня не тревожило. Я даже выждал несколько дней, чтобы назначить место сосредоточения войск для контрудара в восточном направлении. Я никак не мог понять намерения противника и поэтому не был уверен в безопасности и возможности сосредоточения в районе Свенцяи. Правда, и генерал Шептицкий не облегчил мне задачу, так как в его телеграммах очень много места занимали мелкие поиски близ Игумена, которые, казалось, волновали его больше, чем что-либо другое. Что же касается меня, то данные, которые поступали от войск, ведущих бои с главными силами п.Тухачевского, действовали на меня успокаивающе. Мне казалось, что после первого, сравнительно мощного удара сила наступления значительно уменьшилась и как будто расплылась в мелких выпадах по разным направлениям. Замысел п.Тухачевского я представлял себе тогда следующим образом: либо все эти атаки имеют только локальный характер, без более глубокого значения, либо противник

после первого успеха хочет осмотреться, наметить пути дальнейшего продвижения. Но действия п.Тухачевского были так неопределенны, что понять их действительную цель я был не в состоянии. Рапорты моих подчиненных тоже не вносили достаточную ясность, и, признаюсь, по приезде в Варшаву я несколько дней колебался, прежде чем принять окончательное решение.

Ведь если противник, как я допускал в первой гипотезе, имел намерение локальными атаками на Игумен и Глубокое вынудить меня заняться более севером, чем югом, то я сыграл бы ему очень на руку, проводя крупными силами контрнаступление, имеющее лишь локальное значение. Тогда я ударил бы словно в пустоту. Я очень жалел, что поддался игуменским страхам генерала Шептицкого и слишком сузил намеченные ранее цели контрудара. С другой стороны, если противник поступал, как мне казалось, по второй гипотезе, выжидая, изучая обстановку и выискивая с помощью мелких боев пути и средства для дальнейшего развития своих действий, то я боялся прежде времени выдвинуть резервы для действий из двух исходных пунктов, что в обстановке тревоги и обеспокоенности, ощущавшихся в поступающих донесениях, неизбежно привело бы к раздробленности удара. Генерал Шептицкий уже начал так действовать. 6-я дивизия, которую он имел в резерве, уже частично истребалась в боях под Игуменом, а частично путешествовала на самый левый фланг всей стратегической группировки.

Наконец, я решил сформировать отдельную армию в районе Свенцяи так, чтобы она могла быть использована независимо от обстановки на различных участках фронта. Сосредоточение должно было происходить под прикрытием 8-й дивизии, отступившей из-под Полоцка. В эту так называемую резервную армию я стянул все войска из глубоких резервов. От Минска я приказал ударить силами, прибывающими с юга, с единственной целью отразить наступление на молодецненском направлении так, чтобы по окончании этой локальной операции иметь возможность вывести в резерв остатки 1-й армии

(минимум три дивизии) и таким образом получить полную свободу для дальнейших действий в любом направлении.

Из этого моего объяснения становится видно, что в действиях противника было нечто такое, что серьезно затрудняло нам понимание его намерений. Такие недоразумения в военной истории достаточно часты, ибо война есть действие в опасности и неуверенности, как говорит старик Клаузевиц.

Но в данной операции все время присутствовали — как мне казалось — моменты, превращающие ее в ту самую комедию ошибок, о которой я говорил выше. Даже после завершения операции, когда я проанализировал все ее подробности, в ней осталось для меня нечто необъяснимое, какое-то ощущение того, что противник сам как следует не знал, что он делает. И когда, уже после войны, анализируя этот ее эпизод, я пытался понять логику действий п.Тухачевского, я всегда приходил к одному выводу: единственной причиной этого, как я его называл, пробного наступления, было стремление выравнять наши шансы в войне, любой ценой нивелировать моральный эффект, который произвело наше стремительное и успешно проведенное наступление на Украине. Поэтому с огромным интересом я искал и у п.Тухачевского, и у п.Сергеева объяснение этой загадки.

К сожалению, оба они здесь существенно расходятся во мнениях. Пан Сергеев близок к моей гипотезе и дает дословно следующее объяснение: „Инициатива была в руках поляков. Широко развернутое продвижение польской армии на Юго-Западном фронте, взятие Киева и овладение переправой через Днепр застали наши войска Западного фронта неготовыми к переходу в наступление — они были еще недостаточно укомплектованы, плохо экипированы, почти без обозов и недостаточно многочисленны. Но было необходимо ответить ударом на удар и отвлечь внимание поляков от Юго-Западного фронта. И вопрос наступления с нашей стороны на Западном фронте был однозначно решен в штабе главнокомандующего. Направление удара было определено не сразу. В

центре пока намеревались ударить вдоль северной части Полесья от Мозыря на Брест-Литовский"*.

В свою очередь п.Тухачевский на стр. 38 утверждает, что главной причиной перехода от обороны к нападению было впечатление, что поляки сами накануне перехода в наступление. Для того чтобы не дать противнику втянуть основную группировку в навязанные ей действия, и было решено предпринять наступление 14 мая.

Ознакомившись с двумя до такой степени противоре-чивыми точками зрения, я не берусь определить с исто-рической достоверностью, как это было на самом деле. Но я склонен предполагать, что п.Сергеев более прав, нежели п.Тухачевский.

Но, повинуюсь своему темпераменту полководца, п.Тухачевский явно слишком расширил рамки поручен-ной ему операции, преследуя при переходе в наступление такую же далеко идущую цель, как и в последующей главной операции, когда он был значительно сильнее с точки зрения технической оснащенности. Он и сам в этом открыто признается. Несмотря на недостаток сил, он не хотел ограничиваться мелкими временными задачами, стремился к самым большим целям. Он жаждал решаю-щих ударов, поэтому на подходящие в ходе операции войска смотрел, как на резервы. Читатель, вероятно, помнит смелые планы п.Тухачевского разгромить наш левый фланг, а остальные силы прижать к Пинским болотам.

При таких масштабах операции должно показаться странным, что мы никак не могли разгадать истинные намерения и характер действий войск противника. Ни в одном донесении командующих обеими армиями, проти-востоящими п.Тухачевскому, нет и намека на толкование действий войск противника по образцу, предлагаемому п.Тухачевским. О своих сомнениях, колебаниях и пипо-тезах, основывающихся на наблюдениях за действиями моего противника, я уже говорил выше. Так откуда же это странное недоразумение, откуда эта комедия оши-бок?

Пан Тухачевский в своем освещении событий настолько скуп на факты и детали своей майской операции, что с трудом удастся восстановить историю действий подчиненных ему войск. Значительно более подробное и точное описание приводит п.Сергеев, который в своей книге посвящает несколько больших разделов анализу этой операции и приводит в приложении свой доклад от 12 июня, где кратко излагает опыт, накопленный им во время неудачного майского наступления.

Читатель, по-видимому, помнит основное содержание маневра, который хотел осуществить п.Тухачевский: прорыв „Смоленских ворот" в районе Ореховны и захождение главной массой войск правым плечом на 90° для изменения операционного направления с западного на юго-западное. Сам по себе этот маневр требует много времени, потому что заходящий для смены направления правый фланг должен двигаться по относительно большой дуге, в то время как левый должен стоять на месте или очень незначительно перемещаться, выдерживая ровную линию войск, которые должны одновременно наступать в новом направлении. Естественно, чем больше войск участвует в таком маневре, тем больше времени он займет. Такой маневр имеет и другие недостатки. Предоставляя противнику время, он подвергает свое заходящее плечо — в данном случае правое — опасности удара с фланга, когда маневрирующие еще войска могут быть застигнуты противником врасплох. Поэтому такой маневр требует его прикрытия специально для этого выделенными силами. Вот что пишет по этому поводу п.Сергеев: „На обеспечение фланга нам пришлось выделить около одной трети всех сил, предназначенных для операции. Но силы оказались далеко не достаточными для отражения контратаки поляков"*.

Чтобы показать читателю, какое время было необходимо войскам для выполнения маневра, задуманного п.Тухачевским, приведу даты из книги п.Сергеева. Наступление началось утром 14 мая, но только к утру 18 мая, то есть спустя долгих четыре дня, была создана

группировка, более или менее отвечающая замыслу п.Тухачевского. Только тогда 6-я советская дивизия, находившаяся на крайнем правом фланге, была снята с прежнего направления и поставлена как резерв для дальнейших операций за правым флангом той части армии, которая должна была действовать в измененном на 90° направлении. И только утром 19 мая 53-я дивизия получает приказ прикрыть угрожаемый с запада фланг. Таким образом, четыре, а может, пять дней были мною выиграны не вследствие действий наших войск, а лишь в результате проведения сложного маневра войсками П.Тухачевского, который не мог использовать это время для преследования нашей отходящей 1-й армии. Это было как раз в то время, когда, вернувшись из Житомира в Варшаву, я колебался в тщетных попытках понять действия моего противника. А тем временем мои резервы из глубоких тылов и с Украины десятками поездов очень быстро и четко перемещались в районы сосредоточения для решающего контрнаступления, решение на которое я все никак не мог принять.

При анализе начального этапа июльской операции я буду иметь возможность еще раз вернуться к этому упрямому замыслу п.Тухачевского и надеюсь доказать правильность моих слов о том, что в географии и геометрии кроется много ловушек для полководцев. Здесь же я ограничусь лишь замечанием, что наша контратака выиграла во времени и силе удара вследствие маневра, которым, по-видимому, п.Тухачевский очень гордится. Я не мог без усмешки читать слова, приведенные на стр. 40: „Наше наступление быстро и стремительно стало развиваться; 15-я армия без затруднений проделала заворот в „Смоленских воротах"... Удивительное противоречие заключено в этой фразе: „быстрота", когда затрачивается несколько дней времени, которое тем самым отдается противнику; „стремительность", когда большая часть армии топчется на месте в ожидании выравнивания западного фланга, который только и находится в движении, но без контакта с противником, от которого, в дополнение ко всему, должен прикрываться, отрывая для этой цели все большие силы от главной

операции. Эта мысль о „Смоленских воротах” в Ореховне, этот геометрически выдержанный маневр — как же наглядно они свидетельствуют об абстрактности стратегического мышления моего уважаемого противника из 1920 года! Я этим отнюдь не хочу сказать, что только благодаря географии и геометрии майское наступление п.Тухачевского относительно легко было отбито и сорвано, нет, но это неизбежно создавало условия для срыва далеко идущих планов п.Тухачевского. Главной же ошибкой, которая заранее обрекала на неудачу грандиозные замыслы п.Тухачевского, была ошибка в оценке соотношения своих сил и сил противника, ошибка в расчетах, произведенных без учета второго хозяина войны, каковым является военачальник противной стороны. Расчет делался на наличие у нас кордона и линейного расположения войск в чистом виде, а все замыслы и планы разбились и были повергнуты в прах моими глубокими, заранее приготовленными резервами, оставшимися нетронутыми во время предварительных майских действий п.Тухачевского. Поэтому я твердо убежден, что у п.Тухачевского нет абсолютно никакого повода для гордости, и я решительно не согласен с его словами, приведенными на стр. 40: „Успех был настолько решителен и настолько неожидан для поляков, что их главное командование проявило определенную неустойчивость и начало переброску сил с Юго-Западного на Западный фронт”. Из приведенного мной строго исторического анализа событий явственно следует, что на такое утешение — впрочем, довольно слабое — после неудачной операции п.Тухачевский не имеет никакого права.

Примерно такое же недоразумение обнаруживается при анализе нашей контратаки против советских войск, завершившейся в начале июня. Пан Тухачевский, перепуганный возможностью потерять дорогие сердцу „Смоленские ворота”, вынужденный отступать по всему фронту, в конце концов организовал оборону этой обетованной земли. И вновь он превозносит великие заслуги своей 18-й дивизии, которая 7 июня недалеко от Германовичей обороняла подступы к Ореховне.

По свидетельству п.Сергеева, в этом бою дивизия

потеряла до 70% своего личного состава и была вынуждена отступить. Зато, как пишет п.Тухачевский, противник утратил способность к дальнейшим решительным действиям, и взлелеянная в мыслях Ореховна осталась в руках п.Тухачевского. Это было, добавляет п.Тухачевский, переломным моментом в операции.

Тем временем исторический анализ показывает, что ничего подобного с нашей стороны не было. Прежде всего, думаю, нет необходимости напоминать, что за все время операции у меня и в мыслях не было завидовать п.Тухачевскому в обладании (в виде Ореховны) великими историческими воротами, называемыми „Смоленскими“. Я не за них воевал. Главной целью было закрыть совсем другие ворота. Самым важным для меня было сомкнуть два фланга моего контрнаступления с юга и с запада у больших болот в истоках Березины и Вилии. Таким образом отсекались все пути отступления для авантюрно продвинувшихся под самое Молодечно главных сил п.Тухачевского, а в дополнение к этому вся наша потрепанная 1-я армия автоматически выводилась в резерв. Этот план мне удалось реализовать только частично, так как быстрота ударов обеих контратакующих группировок была в течение всей операции слишком неравномерной. Генерал Соснковский со своей резервной армией, наступая от Свенцяи и Постава, ударил быстро и решительно. В свою очередь южная группа, выдвигающаяся от Минска вдоль течения Березины, перемещалась значительно медленнее.

Предвидя это, я назначил южной группе начало наступления на день раньше, но когда противник дрогнул, 1-я армия перешла в лобовую контратаку и во фронтальном преследовании достигла Березинских болот значительно раньше, чем южная группа вышла на пути отхода противника. Поэтому части 1-й армии заняли место в общей линии фронта, уменьшая таким образом мой резерв.

С момента выхода к Березинским болотам я приказал остановить дальнейшее наступление, хотя действия противника меня к этому вовсе не вынуждали. При выборе общей линии фронта я руководствовался главным обра-

зом двумя соображениями, полностью противоположны — ми какому-либо желанию бороться за „Смоленские ворота“.

Во-первых, я намеревался расположить линию фронта на местности с возможно большим количеством заболоченных участков, что позволило бы мне сэкономить силы при обороне передовой линии и создать более крупные резервы. Во-вторых, мне хотелось иметь как можно меньше хлопот с обороной левого фланга, обороной, которая должна была растянуться вдоль Западной Двины. Это последнее соображение я посчитал более важным, чем даже возможность держать под наблюдением железнодорожный узел в Полоцке. И вот, заслушав мнение обоих командующих — генерала Соснковского и генерала Шептицкого, — мнения, как всегда, в таких случаях противоречивые, ибо исходят из своих локальных интересов, я принял решение и остановил всякое дальнейшее преследование.

Я здесь привожу исторический факт не для того, чтобы опровергнуть утверждение п.Тухачевского о том, будто заслуга в прекращении нашего наступления принадлежит ему и его войскам. Такие утверждения — естественное и обычное явление в военной истории, и на них обязательно наткнешься, читая донесения тех командующих, которые, проиграв, могут остановиться, больше не чувствуя на себе воздействия противника. Это хоть и маленькая, но характерная иллюстрация тех трудностей, которые стоят перед каждым полководцем при попытке определить положение и замыслы противника.

Выводы п.Тухачевского по поводу майской операции сводятся к трем пунктам: первый касается морального состояния армии, которое якобы значительно улучшилось; второй говорит о снятии части наших сил с Юго-Западного фронта, что облегчило там положение противника; третий пункт, который п.Тухачевский считает наиболее важным, — это занятие милых сердцу „Смоленских ворот“. Не касаясь последнего пункта, по поводу которого я буду иметь возможность высказаться при анализе июльской операции, остановлюсь на первых двух

пунктах, противопоставляя оценке п.Тухачевского мою оценку.

Удовлетворение п.Тухачевского повышением боевого духа подчиненных ему войск связано с его оценкой морального состояния тех дивизий, которые воевали против нас до прибытия п.Тухачевского, в 1919 году. Он пишет, что эти войска не вызывали к себе особого доверия, так как военные неудачи вселили в них некоторую неуверенность и робость перед польской армией. Признаться, я не очень понимаю, каким образом явное поражение в майской операции могло повысить моральное состояние этих войск. Сомневаюсь, чтобы в рядах Красной Армии любовь к „Смоленским воротам“ получила такое всеобщее распространение, что несчастная Ореховна смогла заслонить и понесенные потери, и моральный урон от поражения. Вот и п.Сергеев, который более строг и точен в своих наблюдениях, пишет об этом иначе. По его подсчетам, в 53-й дивизии после майской операции осталось 1500 штыков, в 12-й — 1200, а в 18-й — 2000, в то время как в начале операции они имели: 53-я — 3157, для 12-й не имею данных, 18-я — 5000 штыков. Соответственно этому п.Сергеев утверждает, что „53-я и 12-я дивизии были так измотаны тяжелыми боями, что почти в панике отскакивали назад даже при самом слабом нажиме противника... Снижение боевого духа можно было заметить и в 18-й дивизии“*. Затем он добавляет, что при перегруппировке войск для новой операции п.Тухачевский приказал лучшие дивизии из тех, что принимали участие в майской операции, оставить в 15-й армии и „отдать численно слабые и морально измотанные дивизии (53, 12, 6, 56-ю) соседним вновь формируемым армиям“**.

Эти слова представляют совсем в ином свете тот моральный выигрыш, о котором пишет п.Тухачевский. Такое положение вещей сказалось и на начале решающей операции в июле того же года. Я склонен считать, что с этой точки зрения польская армия находилась в лучшем положении, так как майское наступление п.Тухачевского,

* Сергеев Е. Н. Цит. работа. Стр. 25.

** Сергеев Е. Н. Цит. работа. Стр. 32.

предпринятое до окончания сосредоточения и преследующее цели, непосильные для собранных войск, привело в окончательном итоге к истощанию физических и моральных сил его армии.

Что касается второго пункта, то, по-моему, п.Тухачевский, делая выводы о влиянии майской операции на общий стратегический расклад наших войск, представил дело слишком узко. Эта операция имела более глубокое значение. Что же касается уменьшения количества наших войск на фронте южнее Припяти, то оно было незначительным. Если с этого фронта было снято две с половиной дивизии (4, 15-я и половина 5-й — последняя прибыла к самому концу нашего контрнаступления), то практически немедленно туда были отправлены 3-я дивизия легионеров и три резервных, только что сформированных полка. Таким образом, количественное уменьшение наших войск на Юго-Западном фронте выразилось в едва ли одной дивизии. Значительно большее значение имело выдвижение к линии фронта всех глубоких резервов, а в дальнейшем удержание генералом Шептицким всех сил, выведенных в резерв, на удалении всего 10—30 км от фронта. Тем самым группировка войск приобретала форму того самого кордона, на слабые стороны которого так рассчитывал п.Тухачевский.

Этим я отнюдь не хочу снять ответственность с себя и переложить ее на плечи моих подчиненных, не хочу искать себе исторического оправдания путем критического вскрытия их ошибок. Я лишь стараюсь быть исторически как можно более точным. Будучи решительным противником линейного построения войск с заостренными, непригодной для маневра формой их боевого применения, я бы неизбежно был вынужден прибегнуть к иным методам управления войсками, если бы не имел на своей совести одну принципиальную ошибку при оценке обстановки во время первой половины нашей кампании 1920 года. К этому вопросу мне и хотелось бы сейчас перейти.

Если при отъезде из Житомира, когда п.Тухачевский начинал свое майское наступление, я был, как уже отмечалось, совершенно спокоен за состояние дел на Южном

фронте, то за время, пока я находился на севере, обстановка на юге начала осложняться. В середине мая на этом фронте нам противостояли две советские армии: 12-я и 14-я. Первая из них во время наступления была мной разбита до такой степени, что до самого конца войны не смогла восстановить своего морального состояния и стать для нас более или менее опасной. Во всяком случае — и я это учитывал, — должно было пройти немало времени, прежде чем без поступления свежих сил она стала бы пригодной для ведения против нас боевых действий, имея хоть какие-то шансы на успех. Вторая, 14-я армия, была меньше измотана в боях, но так слаба в численном отношении, что ее сдерживала всего лишь одна наша дивизия (12-я). О ее приближении я имел достаточно полные и точные сведения. Она шла длительным маршем, кажется, из-под Ростова-на-Дону, в составе четырех дивизий, все данные о численном составе которых мне казались сильно преувеличенными. Как я уже говорил, значение этого нового противника я недооценивал.

Известно, что военное значение кавалерии все более и более снижалось начиная, пожалуй, с 1914 года, а может быть, и раньше. Ей отводились вспомогательные роли, такие как разведка или прикрытие флангов, и никогда не доверялись самостоятельные задачи, определяющие исход боя. С развитием огневой мощи при накоплении огромных военных запасов в Европе роль кавалерии упала практически до нуля. Лошадей отдавали артиллерии, а кавалеристов поспешно превращали в пехотинцев. Поэтому я себе не мог даже представить, чтобы более или менее вооруженная пехота при поддержке пулеметов и артиллерии не могла бы с помощью огня справиться с кавалерией. Я вспоминаю, как в 1916 году моя бригада легионеров, почти в одиночестве оборонявшая под Костюхновкой и Волчецком участок фронта, уже прорванного противником со всех сторон, была атакована многочисленной русской конницей. Почти без артиллерии, так как стреляла только одна батарея, за считанные минуты огонь пехоты и пулеметов буквально смел атаку кавалерии, которая пыталась помешать нам

спокойно отойти. До этого я не мог себе даже представить, чтобы события, свидетелем которых я потом являлся, вообще могут иметь место. С недоверием присматривался я и к способам применения кавалерии едва ли не по образцу номадов, сильно напоминающему стародавние времена, так хорошо знакомые нашим праотцам, времена татарских набегов. Кавалерия, идущая, так сказать, без организованных тылов на далекие расстояния, добывающая пропитание для людей и лошадей единственно за счет поедания, как саранча, всего, что попадется под руку, волочащая за собой долговременные запасы боеприпасов, чего никогда не возил с собой татарин, вооруженный пикой и луком, — такая кавалерия, сформированная в отдельную армию, представлялась мне и представляется до сих пор своего рода стратегическим нонсенсом. Не придавая ей, повторяю, большого значения, я все ее успехи на других советских фронтах, о чем имел лишь общие сведения, относил, скорее, за счет внутренних недостатков воюющих против нее войск, чем за счет действительной ценности такого способа ведения войны.

У меня не было повода изменить свое мнение и после первых успехов конницы Буденного, которые совпали с окончанием нашего контрнаступления против п.Тухачевского. Потому что я нигде не видел разбитых ею наших войск. Первые попытки прорвать нашу линию восточнее Козятына были отбиты частями нашей 13-й дивизии. Я также совсем не удивился, когда кавалерия Буденного — употреблю не совсем подходящее выражение — прорвала наш фронт, что, впрочем, нетрудно было сделать, и вклинилась, но неглубоко, в наш тыл. Я рассчитывал, что совместными усилиями пехоты и кавалерии нам сравнительно легко удастся разбить конницу Буденного хотя бы по частям и вынудить ее отступить. Учитывая то, что я вовсе не собирался упорно держаться за тот или иной клочок занятой территории, я был полон решимости маневрировать свободно, ничуть не связывая себя удержанием какого-либо населенного пункта или кусочка земли. Меня несколько обеспокоила внезапная паника в тылу, но я еще не замечал сколь-нибудь существенного

ее проявления — в моральном плане — во фронтовых войсках.

Поэтому, когда в конце нашего контрнаступления на севере я оценивал обстановку и делал из нее выводы для принятия дальнейших решений, недооценивая при этом действия Буденного, я решил, оставив пока в покое Северный фронт, постараться возможно быстрее покончить с конницей Буденного и лишь потом перебросить большую часть сил на север, чтобы перейти в решающее наступление там, где сосредоточивались самые крупные силы противника. Учитывая то, что на севере, где он только что потерпел поражение, противник вряд ли сможет быстро в течение месяца перегруппироваться, я считал, что, не реорганизуя свой Северный фронт, успею перебросить туда новые силы для проведения решающей операции. И я бросил на юг одну из лучших наших дивизий — третью, выведенную в резерв, предоставив генералу Шептицкому пока что самому разбираться с фронтом, который в то время мне казался только временным.

Глава IV

После того как я остановил наше контрнаступление на севере, п.Тухачевский приступил к подготовке нового, более сильного удара. Глава, рассказывающая об этой подготовке, написана автором с большой любовью и — как следует из ее содержания — с глубоким знанием дела. Действительно, следует признать, что работа по подготовке нового наступления была проведена с большим размахом и стоила много энергии и сил. В своей книге п.Сергеев пишет, что п.Тухачевский умел увлечь подчиненных своей энергией и целенаправленной работой. Этот прекрасный пример свидетельствует о большом таланте п.Тухачевского как военачальника, способного выдвигать смелые идеи и замыслы и энергично их выполнять.

Остановлюсь коротко на решениях п.Тухачевского по организационным вопросам, которые в значительной степени определили его методы управления войсками. Здесь я главным образом опираюсь на данные, приведенные п.Сергеевым. Прежде всего меня интересует распределение сил и средств между отдельными армиями, которое провел п. Тухачевский в период подготовки к решающей операции, завершившейся под Варшавой. Во всех отношениях п.Тухачевский выделил одну из армий, а именно 15-ю.

Как я уже имел возможность заметить, п.Тухачевский не был хорошего мнения о тех дивизиях, которые

весь предыдущий год воевали на нашем фронте и за это время приобрели определенное, если можно так выразиться, уважение к противнику. Они проявляли в отношении нас некоторую робость. Ни одна из этих дивизий не была выделена в состав 15-й армии, большинство из них вошло в 16-ю армию, противостоящую нашей 4-й армии на Березине. Уже одно это указывало на то, что направлению Игумен — Минск п.Тухачевский отвел второстепенную роль. То же самое он сделал и с Полесским фронтом, где оставил минимальные силы, уже измотанные длительными, безуспешными боями. Теперь, после неудачи майской операции, он перебросил морально наиболее надломленные дивизии в 4-ю армию, которая должна была действовать севернее 15-й армии, и в 3-ю армию, южного соседа все той же привилегированной 15-й армии.

Как отмечает п.Сергеев, привилегии распространялись и на обеспечение 15-й армии вспомогательными средствами: будь то средства связи, транспортные средства в виде реквизированных повозок или снабжение отдельных дивизий техническими средствами — 15-я армия получала их больше, чем другие. Даже несмотря на то что п.Тухачевский готовил на крайнем северном фланге крупный кавалерийский кулак, называемый третьим конным корпусом, он не усилил его отдельной кавалерийской бригадой, а оставил ее при 15-й армии.

Такая постановка дел заранее предопределяла, что в планах п.Тухачевского главная роль отводилась этой столь явно усиливаемой армии. Говоря об этом, я вовсе не ищу слов для критики — вполне естественно, полководец, обдумывающий свои планы и намерения, должен иметь полную свободу в подборе войск соответственно поставленным перед ним задачам, а также в оснащении их всем необходимым для выполнения этих задач. Я обратил внимание на этот факт потому, что, судя по ходу операции, так, как я ее видел с противоположной стороны, у меня создавалось впечатление, что главная роль отводилась самой северной, 4-й армии. Поэтому я с большим интересом следил за действиями противной стороны, пытаясь разглядеть в них место привилегиро-

ванной 15-й армии, а также стараясь докопаться до причин, по которым у меня сложилось впечатление, не совпадающее, как оказалось, с намерениями и целями главнокомандующего противостоящей стороны.

Кроме того, мне хотелось бы отметить тщательную и энергично проведенную подготовку к быстрейшему налаживанию железнодорожных перевозок вслед за наступающими войсками. Энергия, которую проявил в этом деле п.Тухачевский, поражала меня в течение всей операции в июле — августе 1920 года. Достаточно сказать, что после моей победы под Варшавой я обнаружил в Малкине — станции, удаленной от Варшавы на 80 км, — вагоны для широкой колес, оставленные при поспешном отступлении противника. Такой прогресс в деле ремонта и пуска железной дороги при всех разрушениях, которые мы на ней оставили, является одним из самых больших достоинств нашего противника. И все это в значительной мере благодаря энергии и предвидению п.Тухачевского.

Оценивая противника и его положение перед своим решающим наступлением, п.Тухачевский очень скуп на слова и выводы, и мне просто не верится, что в конце июня у него было так мало забот и трудностей в этой необходимой работе, как это вытекает из его описания. Мне кажется, что такая лаконичность является следствием двух моментов. Во-первых, п.Тухачевский не пишет историю и даже не пытается соблюдать историческую точность. Во-вторых, что мне представляется исторически точным, перед началом нового июльского наступления он смотрел на все тем же взглядом, какой выработал в себе в начале мая. Он ставил перед собой ту же цель, хотел работать теми же методами и даже хотел идти теми же путями. Вся разницу он видел только в том, что на этот раз был сильнее и имел больше средств для осуществления своего замысла. На меня он производит впечатление полководца, склонного мыслить абстрактными категориями, но наделенного волей, энергией и редко встречаемым у людей упорством в работе по определенным им же самим методам. Такие военачальники редко бывают способными к широкому анализу, так как всем своим естеством, если можно так выразиться, привязы-

ваются только и исключительно к своей задаче, но зато гарантируют, что взятую на себя работу выполнят без каких-либо колебаний. И если это исключительное право заниматься только собой п.Тухачевский может оправдать тем, что в войне с Польшей ему была поручена главная роль, тем не менее — не могу не повторить еще раз — это нежелание или неумение анализировать обстановку в целом, на всем фронте, неизбежно значительно сузило горизонты его мышления при проведении операции под его руководством.

При анализе майской операции я уже указывал на то, что п.Тухачевский, ориентируя свои действия на якобы кордонное построение нашей стратегической группировки, допустил ошибку и был разбит подготовленными мною резервами. Я даже допускаю, что такая заинтересованность только своими делами в конце концов оказала влияние и на крах всей операции под Варшавой.

Своими силами п.Тухачевский распорядился очень умело, и в смелом и последовательном распределении сил каждый легко увидит черты великого полководца. Уж если он решил в соответствии со своей концепцией „Смоленских ворот“ наносить здесь главный удар, он не пренебрег ни одной возможностью усилить это решающее направление даже ценой ослабления других частей своего фронта. С обоснованной гордостью он пишет, что на выбранном участке — на своем северном фланге — он создал большое превосходство над противником, сосредоточив там три армии, из которых одну, в районе „Смоленских ворот“, оснастил сильнее всех остальных, собрал в нее лучшие свои войска. Далее, на юг, он ослабил свои силы — или количественно, или направив туда слабые духом дивизии. И, наконец, на самом южном фланге, на Припяти, оставил лишь незначительные силы, которым, несмотря на их слабость, приказал еще дополнительно содействовать северному соседу, 16-й армии, на, как он пишет, глусском направлении. Это направление означает действия вдоль шоссе Бобруйск—Слуцк, то есть севернее настоящего Полесья.

В отношении нас п.Тухачевский высказывается коротко, отмечая, что, хоть мы и уплотнили по сравнению

с предыдущей операцией силы, стоящие на направлении его главного удара, все же расположение наших войск не могло быть названо решительным и носило на себе следы кордонности и пассивности. Мы имели преимущество, как совершенно справедливо замечает п.Тухачевский, „на неважном левом со стороны противника фланге (мозырское направление)“, где он оставил силы, в два раза меньшие, чем силы польских войск. Такое расположение войск п.Тухачевского, практически противоположное расположению войск у нас, отвечает главному принципу войны, по которому быть сильным — значит быть сильным там, где решается исход боя. Этот принцип, на словах часто повторяемый всеми, на практике редко реализуется в деятельности военачальников, так как кроме своей простоты содержит и серьезные трудности, главным образом психологического порядка. На войне, как правильно говорил ее великий знаток Наполеон, „le simple est le plus difficile“*. Эту простоту обычно осложняет слабость полководцев, приводящая в конце концов к стремлению быть сильным везде, а это, будучи несбыточным идеалом, в итоге приводит к обратному — повсеместной слабости. Не отрицаю, в этом недостатке, присущем многим полководцам, п.Тухачевского упрекнуть нельзя.

У меня нет возражений и против правильной в данном случае оценки п.Тухачевским стратегического построения наших войск.

Это был действительно кордон в чистом виде. Резервы были, но все они, за исключением одного или двух полков, как по заказу п.Тухачевского, располагались в 10 — 20 км за передовыми элементами боевых порядков польских войск. Более глубоких резервов, пригодных для контрманевров. Северный фронт не имел вовсе. Как уже было сказано, в каком бы то ни было устройстве Северного фронта после наступления в начале июня я участия не принимал. Конечно, это не освобождает меня как верховного главнокомандующего от своей доли ответственности, но в целях соблюдения исторической точ-

*Le simple est le plus difficile (фр.). Простое — это самое сложное.

ности подчеркну, что Северным фронтом я стал в большей степени заниматься лишь незадолго до начала наступления п.Тухачевского, когда не удалась все мои попытки добиться победы над конницей Буденного на юге. Примерно к концу июня мне стало ясно, что нормализовать обстановку на южном фронте быстро не удастся и что необходимо внести изменения в мои прежние планы, основывавшиеся на игнорировании значения конницы. Я уже не мог рассчитывать на немедленное снятие войск с юга для создания маневренной группировки и нанесения решающего удара на севере.

Учитывая такие изменения в обстановке и соответственно этому в моих оценках, позволю себе коротко остановиться на мотивах, заставивших меня изменить первоначальный замысел, и на выводе, к которому я пришел накануне 4 июля, то есть перед началом решающей операции п.Тухачевского. Как уже отмечалось, я не придавал большого значения тому факту, что конница Буденного оказалась в ближнем тылу части наших войск на Украине. Она не проявляла в этой обстановке слишком большой активности, и, несмотря на то что вышла во фланг и даже в тыл левого фланга нашей самой южной 6-й армии, Козятын, где как раз и располагался этот левый фланг, долго не ощущал на себе воздействия стоящей очень недалеко конной армии. Наиболее изолированной и наполовину отрезанной от своих войск оказалась 3-я армия, стоящая в Киеве и его окрестностях; ее командующий генерал Рыдз-Смиглы, как почти все в то время смотревший сквозь пальцы на действия неприятельской конницы в своем тылу, непрерывно требовал, чтобы легкая, как ему казалось, задача по ликвидации этой конницы была выполнена без отвода его армии с Днепра. Наиболее пострадал центр фронта, численно, впрочем, очень слабый, куда было немедленно выслано подкрепление в виде 3-й дивизии и трех резервных только что сформированных полков.

Итак, моя первая попытка разгромить конницу противника состояла в объединении частей фронта для удара, когда Буденный еще находился между ними в Житомире и его окрестностях. Этот план рухнул. Я отдал совершенно ясный приказ генералу Рыдз-Смиглы-

му выйти из Киева, где в этой обстановке ему нечего было делать, и ударить своими главными силами вдоль шоссе Киев — Житомир по главным силам Буденного в районе Житомира. Его бы поддержал левый фланг 6-й армии и сосредоточенная в районе Козятына наша кавалерия. Достаточно было, по-моему, даже незначительной поддержки частей, подходящих с запада. Для меня до сих пор остается загадкой, как моя телеграмма могла не дойти до генерала Смиглыго и он отвел свои войска в северо-западном направлении вдоль железной дороги Киев — Коростень — Сарны, то есть вдоль Южного Полесья, как будто специально избегая встречи с конницей Буденного. Подчеркну, что при этом маневре одна из дивизий, а именно 21-я, вышла на Южное Полесье под Мозырь, увеличивая тем самым наши силы на — повторю слова п.Тухачевского — „маловажном" фланге армии под командованием генерала Шептицкого.

После этого случая провалились несколько моих попыток сгруппировать силы для удара по коннице Буденного с разных сторон так, чтобы смочь ввести в действие нашу значительно более слабую по сравнению с противником кавалерию. И все из-за какой-то фатальной невозможности согласовать усилия нескольких частей для совместного маневра. Перед 4 июля последней такой попыткой были почти комичные события под Ровно, когда 18-я дивизия 6-й армии шла в атаку с юга, а 2-я армия в то же самое время выполняла поворот на север; и наоборот, когда 2-я армия перешла в наступление и ее 1-я дивизия ночной атакой заняла Ровно, 18-я дивизия уже двигалась в противоположном направлении на Дубно.

Я бы не сказал, что эта кажущаяся теперь очень смешной чехарда сильно деморализовала войска, действующие на Южном фронте, так как большая их часть, за исключением нескольких полков, полностью сохранила свой моральный дух и, несмотря на неудачи, раз за разом бросалась в бой. Но, конечно, постоянные неудачи не могли не отразиться на общем настрое, выразившемся в мысли о необходимости применения какого-то нового метода, новой тактики, позволяющей остановить и победить неуловимого до сих пор противника. Таким мето-

дом, по общему мнению, которое разделяю и я, является задействие большого количества кавалерии и с нашей стороны. К организации этого инструмента борьбы приступили немедленно и с энергией. Однако сразу же можно было предположить, что такое сложное дело не удастся сымпровизировать легко и быстро и что пройдет немало времени, прежде чем будут видны результаты этой работы.

Но наиболее отчетливо отрицательное влияние этих событий проявилось не на самом фронте, а в тылу. Все чаще возникала паника в населенных пунктах, расположенных за сотни километров от фронта, нередко и в штабах высших соединений, приобретая все более широкие масштабы. Начинала давать перебои даже государственная машина, в ее работе стали заметны признаки неуверенности и колебаний. Необоснованные обвинения сменялись минутами безудержного страха и нервозности. Я постоянно наблюдал это вокруг себя. Новый инструмент борьбы, каким оказалась для наших неподготовленных к этому войск конница Буденного, становился какой-то легендарной, непреодолимой силой. И можно сказать, что чем дальше от фронта, тем сильнее и неотразимее ощущалось влияние не поддающейся понятию магии. Тем самым начинал формироваться самый опасный для меня фронт, фронт внутренний.

В такой обстановке я отказался от предыдущего замысла и, зная из донесений и докладов разведки о концентрации войск противника на севере, наметил себе наиболее общий план действий на фронте против п.Ту-хачевского. Учитывая то, что отступление Южного фронта все время обнажало правый фланг группировки войск, стоящих севернее Припяти, я мысленно решил добровольно, без нажима противника отвести весь северный фронт назад, примерно до линии немецких окопов в центре с созданием сильных маневренных групп на обоих флангах.

Здесь я не хочу касаться вопроса, почему я не сделал этого раньше. Об этом речь пойдет ниже. Высказав же эту мою основную мысль, перехожу к подробному анализу главной кампании 1920 года, начало которой положило наступление советских войск 4 июля.

Глава V

Анализ первых дней решающей операции п.Тухачевского дался мне очень непросто. Я постоянно натыкался на все новые противоречия, выяснение которых заняло много времени. Одни из этих противоречий вытекали из недостаточно упорядоченных у нас дат и данных о действиях войск в этот период, что влекло за собой неправильное и ошибочное толкование событий. Другие противоречия возникали сразу же, как только я пытался сопоставить все, что пишет п.Тухачевский, с датами и данными, кропотливо собранными мной в отношении наших войск, а также с датами и данными, которые я находил у п.Сергеева и которые касались войск под водительством п.Тухачевского. Все эти противоречия настолько бросаются в глаза, а реальная историческая обстановка была такой причудливой, что я долго не мог примириться с фактами и искал новых подтверждений своим взглядам в тех подробностях, которые удавалось получить у оставшихся в живых участников тех боев. Добавлю, что и сейчас, вынося на суд читателя свой анализ, я не могу избавиться от некоторых сомнений, потому что собранные свидетельства очевидцев слишком явно противоречат всему тому, что пишет п.Тухачевский, у которого чрезмерная абстрактность мышления усугубляется публицистически напыщенными выражениями типа: „разгромлены“, „раздавлены“ и т.д.

Вновь и вновь перелистывая книжку п.Тухачевского,

я пытался вникнуть, понять его основную мысль и каждый раз приходил к выводу, что п.Тухачевский задумал далеко идущий план, наметил достижение решающих целей далеко от того места, где он начинал свои операции, стараясь при этом удержать и самого себя и подчиненные ему войска от искушения — впрочем, вполне естественного — немедленно добиться частичного, локального успеха. Все, о чем говорит п.Тухачевский, описывая как майскую, о чем речь шла выше, так и июльскую операции, позволяет причислять его к умам хоть и абстрактным, но умеющим широко и обобщенно смотреть как на театр войны, так и на действия крупных войсковых масс. Это мы могли видеть и раньше, однако наиболее полно эта его черта проявилась в глубоких и масштабных размышлениях, помещенных в той части его работы, где описывается июльская операция. Именно эта глава, как я имел возможность сказать выше, представляет собой, пожалуй, самую прекрасную часть его книги, где он ищет решение проблемы управления большим количеством войск на широких просторах наступательной операции.

Свою точку зрения по этому вопросу я выскажу позже. Сейчас же хочу отметить, что п.Тухачевский видит выход в скоплении, как он выражается, танковых масс, которые должны менять направление своего движения в зависимости от действий противника, оказывающего сопротивление в том или ином месте на направлении атаки, пусть даже это будет сопряжено с потерей времени или с преждевременным раскрытием своей основной оперативной идеи; это, как он считает, единственный способ противодействовать контрударам противника, который может отвести свои войска для организации контратаки. Здесь явно прослеживается влияние начального этапа кампании 1914 года во Франции, и п.Тухачевский хочет „на примере нашей (советской) кампании против белополяков в 1920 году с большой пользой проследить вопрос об использовании танковых масс“. В данном случае он опирается на аксиому, что в нынешних операциях невозможно уничтожить неприятельскую силу одним быстрым и решительным ударом.

И как же я был удивлен, когда прочитал у п.Сергеева (стр. 31 цит. соч.), что в последние дни июня п.Тухачевский лично посетил всех командующих армиями и приказал разработать подробный план, по которому в случае успеха должна быть окружена часть наших сил, расположенных в районе Германовичи — Лужки — Глубокое. Таким образом, план действий на 4 июля сводился к достижению чисто локального успеха с целью устроить маленький Седан* для нескольких наших дивизий. Описывая этот план, п.Сергеев даже приводит графические схемы, ясно показывающие, на чем он основывался. Суть его состояла в следующем: 15-я армия, состоящая, как известно, из лучших сил и отлично оснащенная, должна была атаковать этот малый Седан в Германовичах и Глубоком с фронта, а две соседние армии, 4-я и 3-я, составляли как бы правое и левое плечо, охватывая Глубокое и Германовичи с севера и юга для отсечения нам всех путей отхода. Пан Сергеев отмечает, что для выполнения такого плана центр (15-я армия) был слишком сильный, а фланги — слишком слабые, и именно таким распределением сил, которое, впрочем, он оправдывает отсутствием времени, он совершенно справедливо обосновывает неудачу этого плана (стр. 32, 33). Но где же здесь таран, где, наконец, широкомасштабная операция с далеко идущими целями? Как мы увидим из анализа, фланги не выполнили свою задачу, но п.Сергеев утверждает, что еще в ночь с 5 на 6 июля он получил от п.Тухачевского директиву, требующую напрячь все силы, чтобы к ночи с 6 на 7 июля отрезать путь отступающему противнику в районе Осиногрудек — Куриловичи (20—30 км западнее Глубокого) (стр. 50). То есть еще на третий день операции северная армия (4-я) имела ту же седанскую задачу.

Мое удивление возросло еще больше, когда, прослеживая день за днем действия главной ударной силы

*Седан — город на северо-востоке Франции на р.Мёз (Маас). Под Седаном в сентябре 1870 г. во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. французская Шалонская армия М.Э.Мак-Магона (120 тыс. человек, 393 орудия), совершавшая марш с целью деблокады крепости Мец, была окружена и пленена германскими 3-й и 4-й армиями Х.Мольтке-Старшего (224 тыс. человек, 813 орудий). (Прим. пер.)

п.Тухачевского — 15-й армии, — я заметил, что на третий, а может, даже на второй день операции она начала сосредоточиваться не для продолжения боевых действий в стиле Седана, а для создания тарана для дальнейших операций. Это странное противоречие в первые дни операции не было вызвано действиями наших войск, так как единственной активной группой, еще действующей в течение 5 и 6 июля, была самая северная группировка генерала Желиговского, состоящая из двух дивизий (10-й и 8-й). Не получив приказа на отступление, она вела малые бои арьергардами, находясь в соприкосновении только с северной 4-й советской армией, и, таким образом, никак не влияла на акции 15-й армии. Остальные же силы — группа генерала Енджеевского — отходили спокойно, почти без стычек с противником, в юго-западном направлении на Молодечно. Оригинальный Седан!

Вообще первые дни июльской операции п.Тухачевского заслуживают особого анализа. Они оказали очень сильное влияние на основную группировку наших польских сил, на ход всей операции с нашей стороны вплоть до Варшавы. Наряду с этим, учитывая отмеченное выше противоречие в оперативных замыслах п.Тухачевского, владевшего в это время инициативой, они дают характерную картину того, что я обычно называю комедией ошибок и взаимонепонимания противников. Как обычно бывает в таких случаях, даже принципы придумывания названий таких сражений противоречат друг другу. Командующий нашими силами на этом фронте генерал Шептицкий, оправдываясь, назвал его, в соответствии со своей склонностью к линейному расположению войск, битвой на Ауте, маленькой речушке, которую с трудом можно найти на карте и название которой я ни разу не встретил ни у п.Тухачевского, ни у п.Сергеева. Видимо, они и не предполагали, что эта Ореховна, на сей раз речная, так важна для их противника. Пан Сергеев считает это сражение неудачным Седаном под Глубоки-м. Чего с нашей стороны никто не мог понять, а самое активное действующее лицо в этом сражении, генерал Желиговский, как недавно сам мне говорил, сомневался,

не допустил ли он ошибку, не ударив по этому Седану — Глубокому, когда оно уже было занято противником, потому что, не испытывая на себе никакого давления, он чувствовал себя совершенно свободным в выборе решения. Сам же п.Тухачевский, довольный теперь уже совершенно надежным обладанием „Смоленскими воротами“, пытается и со своей стороны как-то окрестить это военное чудачество: уже 7 июля он заявляет с полной определенностью, что „войска противника подверглись полному разгрому в районе нашего главного наступления“ (стр. 53). Такое сражение стоит проанализировать подробнее.

Начну с северной, 4-й армии под командованием п.Сергеева. В соответствии с седанскими замыслами п.Тухачевского он оставляет на своем левом фланге 18-ю дивизию с задачей задержать при помощи наступления резервы противника в этом районе. Остальные свои силы, то есть 12-ю и 53-ю дивизии, а также 164-ю бригаду он сосредоточивает на узком перешейке между Двиной и болотистым озером Ельна, перешейке, не превышающем 10 км (по п.Сергееву — 4 версты), с задачей прорвать на этом участке фронт противника, немедленно повернуть всю пехоту на юг на Германовичи и Шарковщизну, а кавалерию выбросить пока на запад в глубокий тыл противника. Учитывая то, что п.Сергеев пишет о начале сражения ураганным огнем артиллерии, отмечу, что он сосредоточил на этом участке 70 легких и 8 тяжелых орудий. Пан Сергеев так оценивает свою задачу: „Вследствие того что успех маневра 4-й армии зависел от быстроты его выполнения, а данные о противнике указывали, что между Двиной и озером Ельна находится только один пехотный полк и несколько сот уланов, частям активной группы поставлены задачи, требующие после прорыва противника пройти:

коннице — 40 верст в первый день и 24 версты во второй;

53-й дивизии — 29 верст в первый день и 30 верст во второй;

12-й дивизии — 22 версты в первый день и 18 верст во второй.

Такие расстояния после прорыва противника можно было преодолеть при движении в колоннах, потому что слабый противник должен был быть распылен от нашего удара, а резервов, по-видимому, у него здесь не было" (стр. 43 цит. соч.).

В действительности здесь стоял неполный 33-й полк, имевший один батальон в относительно далеком резерве. В связи с туманом наступление началось только в 8 часов утра, после ураганной огневой подготовки, продолжавшейся полчаса. Первые, видимо, самые слабые, линии были заняты уже в 9 часов. Отсюда продвижение п.Сергеева пошло так медленно, встретило такое сопротивление, что только после четырех часов пополудни наши два батальона после целого ряда контратак, измотанные боем, начали быстрый отход. Только к 6 часам вечера дивизии и кавалерия п.Сергеева смогли стянуться в колонны и начать запланированный марш. „Ничего удивительного, что ни одна из частей не могла выполнить свою задачу", — с сожалением констатирует п.Сергеев (стр. 46).

Эту героическую оборону двух батальонов нашего 33-го полка, противостоявших двум с половиной дивизиям противника, поддерживало всего 10 орудий 8-й дивизии, в состав которой входил этот полк. Действия наших батальонов почти сорвали или, по крайней мере, поставили под сомнение успех задуманной операции в седанском стиле, сковав и задержав главные силы 4-й армии в их стремлении быстро выйти на фланги и в тыл наших войск, продолжавших биться на юге. Мне тем более приятно отметить тот факт, что о том же пишут и наши противники. При поверхностном анализе тех боев 33-му полку и всей 8-й дивизии у нас часто ставится в вину то, что они допустили прорыв неприятельской кавалерии, которая попортила нам много крови в ходе всей операции до Варшавы. В свою очередь, п.Сергеев констатирует, что упорное сопротивление сильно задержало развитие их наступления, и только к 16 часам это сопротивление поляков было сломлено. К этому добавлю, что ни одно наше орудие не попало в руки противника.

На соседнем участке 18-я дивизия — а п.Сергеев

считал ее одной из лучших — провела целый день в совершенно безрезультатных атаках на одну из бригад нашей 10-й дивизии. Пан Сергеев совершенно спокойно отмечает, что, несмотря на тяжелые потери дивизии и сравнительно большой расход боеприпасов (300 снарядов на одно легкое и 50—80 — на тяжелое орудие), наступление 18-й дивизии было отражено (стр. 47). Таким образом, первый день операции был для 4-й армии относительно неудачным, потому что замедлил выполнение седанских замыслов и не вынудил нас задействовать хотя бы часть наших резервов, в состав которых здесь входили три полка 8-й дивизии. Эти полки, по нашим данным, большей частью своих сил без приказа двинулись на север в направлении Погоста, а затем и еще севернее для прикрытия угрожаемого фланга.

Южнее действовала 15-я армия, имевшая в своем составе четыре дивизии, растянутые в линию. Наступление велось на фронте около 50 км. 15-й армии противостояли наши войска, также построенные в линию: 11-я дивизия на южном фланге, бригада 5-й дивизии и 7-я резервная бригада на северном участке полосы наступления. В резерве за ними стояла 17-я дивизия, которую нельзя было задействовать без разрешения командующего фронтом, находившегося в Минске. Подробности этого боя удалось установить с трудом. Фактом является то, что на южном участке советские войска продвигались вперед быстрее, чем на северном. Так, южнее железной дороги Полоцк — Молодечно войска п.Тухачевского дошли с боями до р.Мнюта, пройдя с момента встречи с первыми нашими линиями примерно 8 км. Севернее же железной дороги, где действовала большая часть войск 15-й армии, несмотря на первые успехи, советские войска были остановлены контратаками нашей 17-й дивизии с юга и 10-й дивизии с севера. Продвижение атакующих сил было здесь задержано до такой степени, что к концу дня наступающие смогли пройти всего лишь 3—4 км. Впрочем, этот относительный успех главных сил п.Тухачевского не имел большого значения для седанского плана, потому что в этом случае центр мог продвигаться медленнее; его положительной стороной было то, что

противник стянул на себя наши резервы. К концу этого дня значительная часть наших войск была так потрепана в боях, что еще долго была неспособной к дальнейшим действиям. Это относится к бригаде 5-й дивизии и к 7-й резервной бригаде. Кроме того, противнику удалось захватить, правда, небольшое количество артиллерии и боеприпасов.

Третья советская армия атаковала южнее, вплоть до Березины, нанося удар частью своих сил по нашей 11-й дивизии, а тремя дивизиями вела сильное наступление на бригаду первой литовско-белорусской дивизии с задачей к 5 июля занять Докшицы, удаленные от фронта на 25 километров по прямой линии, с тем чтобы уже 6 июля перерезать как железную дорогу Полоцк — Молодечно, так и наши пути отхода в юго-западном направлении. Результатом этого дня было то, что после чрезвычайно тяжелых, продолжительных боев советские войска нигде не продвинулись больше чем на 7—8 километров; но самым главным итогом боев в этот день, по-видимому, не замеченным противником, была потеря контакта и связи между 11-й дивизией на севере и первой литовско-белорусской на юге. Зато река Березина, протекающая в 4—6 километрах от линии фронта и представляющая собой серьезную преграду на пути к Докшицам, почти нигде не была форсирована противником. И вновь, как на севере, фланг, который должен был быстрым маневром отсечь пути отхода противника на юго-запад, оказался остановленным, несмотря на значительное превосходство в силах над литовско-белорусской дивизией. Седанский замысел здесь, как и на левом фланге, повис в воздухе. Обстановка здесь сложилась даже хуже, потому что п.Сергеев, справившись на севере с первым препятствием, все-таки смог к вечеру обозначить свое продвижение во фланг и тыл противника, в то время как вся третья армия вечером 4 июля, по сути дела, стояла на месте, растянутая в длинную линию с центром фронта — 15-й армией.

Если, как мы видим, целью войск п.Тухачевского было быстрое окружение нашей первой армии в районе Германовичи — Глубокое, то нашей целью было просто

отражение атак противника и восстановление положения, существовавшего до 4 июля. Все приказы, будь то приказы командующего фронтом в Минске или командующего 1-й армией в Вилейке, или, наконец, командиров групп на своих участках, не оставляют на этот счет никаких сомнений. Поэтому весь день 4 июля прошел в попытках провести малые и более крупные контратаки с целью отбросить противника за линию, которую войска занимали утром того же дня. С нашей стороны сражение велось примерно так, как в годы окопной войны. Все же попытки контратаковать, предпринимавшиеся в разное время и в разных местах, преследовали единственно „восстановление предыдущей ситуации“. Это выражение повторяется десятки раз как характеристика цели, ради которой наша первая армия 4 июля вела бои на широком стокилометровом фронте. Эту цель достигла, собственно говоря, только наша 10-я дивизия, которая не позволила столкнуться себя с занимаемых позиций и закончила день полным выполнением поставленных перед ней задач. Зато во всех других местах наши войска должны были чувствовать себя проигравшими, так как за весь день тяжелых боев, в которых уже принимали участие все наши силы, поставленная цель — восстановление предыдущей ситуации — не была достигнута.

Итак, первый день операции, 4 июля, не принес ни одной из сторон успеха в достижении намеченных целей. Пан Тухачевский не продвинулся вперед в реализации своего седанского плана, а наша первая армия, ведя бои с превосходящими силами противника и уже не имея резервов, не смогла выполнить поставленную задачу. К рассвету 5 июля цели и задачи противников не претерпели изменений.

На севере 4-я армия п.Сергеева продвигается в намеченном направлении совершенно свободно, не встречая сопротивления, так как два батальона 33-го полка, понеся в боях предыдущего дня большие потери, быстро отошли, не вступая в соприкосновение с противником, но не в направлении своей дивизии на юг, а прямо на запад и, таким образом, в дальнейших боевых действиях своей дивизии не принимали никакого участия. Первая стычка

войск 4-й армии с противником произошла только во второй половине дня 5 июля; как следует из донесений нашей 8-й дивизии, именно в это время она вела бои с передовыми отрядами противника в районе Погоста и севернее него. Эти стычки, при всей их незначительности, задержали дальнейшее продвижение советских войск. Пан Сергеев особенно недоволен своей 53-й дивизией, которая в этот день не только не дошла до Шарковщины, как это было ей приказано, но под воздействием этих незначительных боев даже повернула свой фронт с южного на западный. То же самое произошло и с соседней 12-й дивизией, у которой сильный правый фланг и резервная бригада были остановлены и в районе Старого Погоста также изменили свой фронт с южного на западный. Седан явно не улыбался войскам п.Сергеева.

О действиях 4-й армии в этот день п.Тухачевский пишет с определенной долей самоуверенности. Он отмечает, что части 8-й дивизии „были атакованы на походе, разбиты и потеряли всякую способность к сопротивлению. Но и наши части не достигли того, что могли бы извлечь из обстановки" (стр. 52). Пан Сергеев более сдержан в своих выводах, он только говорит, что, несмотря на явную слабость противника, которого следовало добить и разогнать, войска несколько раз развертывались в направлении своего правого фланга и в конце концов вовсе не выполнили свою задачу на 5 июля (стр. 49). Добавлю, что в понимании как п.Сергеева, так, видимо, и п.Тухачевского большая часть 8-й дивизии, которая, кстати, вовсе не принимала участия в боях 4 июля, была уже разбита. Сопротивление двух батальонов 33-го полка было настолько сильным, что противник в своих оценках преувеличил наши силы, приняв бой двух батальонов за бой основных сил 8-й дивизии. Пан Сергеев добавляет, что „положение обходящей группы беспокоило и штаб фронта, и директива, отданная в ночь с 5-го на 6-е, указывала на необходимость приложить все силы, чтобы к ночи с 6 на 7 июля отрезать путь отступающему противнику в районе Осиногрудек — Курловичи". Последние седанские усилия!

Тем временем генерал Желиговский приказал с рас- света 5 июля отвести 10-ю дивизию к реке Мнюта для выравнивания своего фронта с соседями справа. По донесениям этой дивизии, на рассвете 5-го числа она беспрепятственно отошла к Мнюте и заняла в районе Лужки оба берега реки, 8-я же дивизия сосредоточилась под Погостом. В отходе 10-й дивизии с позиций, успеш- но удержанных накануне, просматривается уже элемент неверия, что 5 июля принесет то, чего не удалось добить- ся в предыдущий день. Это предвестие начинающегося отступления нашей 1-й армии.

Перейдем к центру, к действиям 15-й советской армии.

В течение 5 июля эта армия продвигается вперед очень медленно, значительно медленнее, чем накануне. А ведь 4 июля отнюдь не было, как мы видели, рекордным с точки зрения пройденного армией расстояния. На схеме п.Сергеева она показана так, что ее южные дивизии (11-я и 33-я) перешли реку Мнюта, на которую вышли в предыдущий день, и продвинулись от нес всего на несколько километров. В свою очередь, северная группа (54-я и 16-я дивизии) подошла 5-го числа к этой реке, но не форсировала ее. В донесениях наших войск, дей- ствовавших против 15-й армии, я не нашел правдоподоб- ного объяснения этому явлению. Несмотря на то что приказ по нашей 1-й армии от 4 июля предписывал продолжать нанесение контратак для достижения ранее поставленной цели, наши войска с рассвета ведут бои только тыльными заставами, одновременно группируясь для отступления. Упоминается только бой артиллерии, прикрывающей отход, и лишь самая северная группа, часть 10-й дивизии в районе Лужки, на которую должна была выйти северная 54-я дивизия 15-й армии, доносит о тяжелых боях, которые она вела пополудни 5 июля на восточном берегу р.Мнюта.

То же самое происходит в соседней 3-й советской армии, которая после стремительных атак предыдущего дня снижает темп, начинает продвигаться вперед медлен- но, вовсе не стремясь к достижению седанской цели, поставленной накануне. В этот день над просторами поля

боя навис как бы кризис, отсутствие решительности и энергии с обеих сторон.

Наконец инициативу в принятии решения проявила наша сторона. Около полудня командующий 1-й армией по согласованию с командующим фронтом приказал отступать. Первый пункт его приказа гласит: „Обстановка на фронте 1-й армии требует отхода, отрыва от противника и проведения перегруппировки на новой линии для последующего перехода к контракции“.

Приказ не дошел одновременно до всех войск, а самая северная группа под командованием генерала Желиговского не получила его вовсе. Первым его получил генерал Жондковский в Докшицах в 13.45 и сразу приказал подчиненным ему дивизиям, 1-й литовско-белорусской и 11-й, отступить с отрывом от противника на юго-запад в общем направлении на Молодечно. Вы — полнение этого приказа группой генерала Жондковского полностью открывало с середины дня 5 июля все пути для продвижения в заданном направлении всех советских войск 3-й армии и большей части 15-й армии на ее южном фланге, наиболее выдвинутом на запад. Находящаяся еще севернее группа генерала Енджеевского при указе об отступлении и отрыве от противника получила, так сказать, по частям в разное время дня. Сам генерал Енджеевский утверждает, что приказ он получил только поздно вечером 5 июля. Эта группа в составе 17-й дивизии, 7-й резервной бригады и бригады 5-й дивизии, собственно говоря, уже с утра отступала под прикрытием небольших арьергардов и артиллерии в наиболее естественном для себя направлении — на запад вдоль главной дороги Глубокое — Дуниловичи и далее в направлении Вильно либо через Поставы и Свенцяны, либо через Свирь и Михалишки. Генерал Енджеевский был занят организацией отхода войск и выдвигания большого количества обозов на Дуниловичи. Именно там вечером и застал его приказ. Отступление в этом естественном и почти уже организованном направлении не представляло бы для всей группы особого труда и не оставило бы в полной изоляции самую северную часть нашей армии под командованием генерала Желиговского,

которая еще вела бои под Лужками и Германовичами. Но воля приказа генерала Шептицкого была иная. Он нарушал естественный ход событий и предписывал всей группе генерала Енджеевского продвигаться к югу для прикрытия фланга нашей 4-й армии, уже готовой к добровольному отступлению. Таким образом, группа генерала Енджеевского, наиболее потрепанная в боях, среди бела дня должна была осуществить чрезвычайно трудную военную операцию — продефилировать с фланга на фланг вдоль фронта противника, который к тому же был воодушевлен своими победами. Итак, вместо того чтобы в соответствии с письменным приказом оторваться от противника, что осуществимо только при быстром отходе назад, этой группе предстояло провести сложный маневр по изменению естественного направления и идти на новый контакт с противником, приближаясь к нему с каждым часом своего марша. Ведь для совершения маневра, которого требовал приказ, большая часть сил генерала Енджеевского должна была двигаться в юго-восточном направлении, то есть навстречу противнику. В течение двух дней боев еще не было момента, чтобы эта часть нашей армии подвергалась такой большой опасности быть, как того страстно желал п.Тухачевский, „раздавленной“, „рассеянной“ и „полностью разбитой“, как это было во второй половине дня и вечером 5 июля, когда она выполняла этот глупый маневр, ослабляющий к тому же и остальную часть нашей армии, успешно действовавшую под командованием генерала Желиговского. В качестве примера приведу краткое описание такого, с позволения сказать, маневрирования первым батальоном 69-го пехотного полка 17-й дивизии, который последним покидал Глубокое. Отход начался 5-го числа пополудни. Батальон совершал марш по дороге Глубокое—Порплищи и почти 20 километров шел под огнем дальнобойной артиллерии, бившей с востока. Поэтому батальон мчался почти галопом. Выйдя из Глубокое пополудни, он уже к вечеру был в Порплищах, измотанный более чем двадцатикилометровым маршем, чтобы ночью добавить к этому еще более 10 км до Парафьянова.

Вследствие такого неестественного отступления генерал Енджеевский оказался в очень сложной ситуации, так как, направив обозы на запад, был вынужден повернуть войска почти на юго-восток. В своем донесении он отмечает, что в результате большая часть его войск попала в трудную боевую обстановку без обозов, зачастую даже без полевых кухонь.

Уж если этот явно неудачный приказ и не укрепил наши позиции на севере, то вся группа генерала Енджеевского спаслась единственно благодаря бездействию противника, о чем говорилось выше. Ни южная часть 15-й армии, ни вся 3-я армия даже не пытаются воспользоваться создавшейся обстановкой и позволяют осторожной группе генерала Енджеевского среди бела дня 5 июля маршировать вдоль своего фронта, лишь изредка выражая ему свое неудовольствие по поводу этого безрассудного маневра дальним огнем артиллерии. Банкротство задуманного Седана празднует здесь свой триумф!

Еще более оригинальный способ выхода из Седана продемонстрировала самая северная группа войск — группа генерала Желиговского, в наибольшей степени подверженная седанской опасности. До конца дня 5 июля она дерется лучше всех остальных групп 1-й армии и, как обычно бывает при поражениях, разделяет судьбу самых сильных, ибо находится в самом худшем положении. К тому же приказ об отступлении к ней не доходит вообще. Она только чувствует начиная с полудня 5 июля, что вокруг нее происходит что-то странное. На участке за ее правым, южным флангом, атакованном на восточном берегу Мнюты под Лужками, исчезает всякое наше сопротивление. Части 10-й дивизии, которые успешно отражают здесь атаки противника, уже под вечер наблюдают в своем тылу отдельные дозоры и мелкие отряды неприятеля. А на всем фронте 10-й дивизии на Мнюте и 8-й дивизии в районе Погоста уже чувствуется приближение крупных сил 4-й армии п.Сергеева. В сложившейся ситуации генерал Желиговский решил отступить в ночь на 6-е и идти на сближение с группой генерала Енджеевского, которую надеялся найти

отходящей в районе Дуниловичей. Ночной марш был быстрым, хоть и очень трудным. Не преследуемый противником, генерал Желиговский к утру 6 июля сосредоточил всю 10-ю дивизию в районе Мосарь, в то время как 8-я дивизия после длительного марша еще тащилась от Шарковщины в южном направлении. Генерал Желиговский нашел здесь абсолютную пустоту — ни своих, ни противника. Обеспокоенный этим, он после короткого отдыха двинулся к Дуниловичам, куда и прибыл под вечер, не встретив нигде противника и не испытав на себе никакого его воздействия. 8-я дивизия продвигалась тем же способом несколько западнее, направляясь непосредственно к Поставам. Две дивизии целый день шли в пустоте — ни своих, ни противника. Кое-где, наверное, встречался отставший обозный, погоняющий уставших коней в западном направлении. То тут то там в придорожных канавах можно было увидеть сломанную телегу или издыхающую лошадь — обычное свидетельство прошедшей военной бури при поспешном отступлении. Местное население, видимо, твердило, что наши уже давно прошли, а противника еще нет. Генерал Желиговский в этот день, наверное, сотни раз задавал себе вопрос, где свои, а где противник? Давления с севера, со стороны армии п.Сергеева, он вообще не испытывал в течение двух дней боев. Он два дня бился, имея фронт, повернутый на восток. В этом же направлении имела фронт и вся 1-я армия. Он знал, что творится что-то неладное, что еще вечером предыдущего дня, когда он вел бои под Лужками и в районе Германовичей, на юге бой начал стихать и что в связи с этим у него обнажился правый фланг. Теперь, направляясь к югу, он должен был идти перед фронтом противника — если бы тот двигался, как прежде, на запад. Но именно с этой стороны его в течение всего дня абсолютно никто не беспокоил. Поэтому ничего удивительного, что когда вечером и ночью в Дуниловичах он обдумывал свое положение, то пришел к выводу, что он, собственно говоря, находится в тылу противника, который всей своей массой двинулся на юго-восток в направлении Молодечно. Ведь он имел в своем распоряжении целый

день 6-го, а может, даже и часть предыдущего дня, пятого июля.

К такой оригинальной обстановке привела неудачная седанская операция. Сильная группировка, составляющая третью часть нашей армии, для которой готовился Седан, группировка, к тому же наиболее подверженная седанским замыслам противника, группировка, начавшая отступление в последнюю очередь, — эта группировка в течение целого дня остается свободной как птица, вольной принимать любые решения и выбирать любое направление своего перемещения. Если марш генерала Енджеевского продемонстрировал полное банкротство седанской идеи, то генерал Желиговский со своими двумя дивизиями настолько явно ее опроверг 6 июля, что иногда я начинаю сомневаться, а существовал ли вообще когда-нибудь у п.Тухачевского этот замысел.

Позже генерал Желиговский спрашивал меня несколько раз, как я оцениваю его решение отступить дальше на запад, так как, по его словам, он долго колебался, прежде чем решиться на это. Он думал, что, может, следовало бы воспользоваться такой необычной ситуацией в тылах противника и, имея в своем распоряжении хороших солдат, ударить по этим тылам, наделать там паники. Центром этих тылов он полагал самый крупный населенный пункт тех мест — Глубокое. Такая мысль упорно преследовала генерала Желиговского весь день 6 июля. Законы анализа военной обстановки подчиняются своей логике, и все попытки ответить на вопрос „что было бы, если бы" хоть и являются бесплодными с исторической точки зрения, тем не менее позволяют вникнуть в нее более глубоко, понять цель тех или иных перемещений войск и смысл приказов полководцев. Поэтому позволю себе несколько подробнее остановиться на весьма оригинальной ситуации, в которой оказался генерал Желиговский, и на возможных в этих условиях вариантах использования полной свободы выбора, которая ему предоставилась 6 июля. Пользуясь правом аналитика, перенесу принятие решения не в Дуниловичи, а в Мосарь, когда генерал Желиговский стоял на отдыхе и после выхода из лесов над Десной впервые почувство-

вал окружавшую его пустоту. Такое мое допущение вполне реально — генерал Желиговский с таким же успехом мог размышлять о своих дальнейших действиях в Мосаре или его окрестностях, как и в Дуниловичах. И здесь и там он был в абсолютно одинаковом положении, а марш на Дуниловичи мог его только укрепить в мысли, что он оказался в тылу противника.

Для анализа обстановки мне кажется целесообразным освободить генерала Желиговского от какого бы то ни было давления 4-й армии п.Сергеева. Потому что только 6 июля вечером дивизии п.Сергеева вышли на линию Мосарь — Шарковщина, да и то лишь своими авангардами. Таким образом, весь день 6 июля генерал Желиговский был абсолютно свободен с этой стороны. И если бы после длительного отдыха под Мосарем, который был просто необходим его дивизии, примерно около полудня генерал Желиговский решился ударить по якобы тылам в направлении Глубокого — то что бы из этого вышло? От Мосаря до Глубокого примерно 20 километров. Это где-то 5 часов марша с необходимыми предосторожностями. Значит, около 5 часов он был бы в районе Глубокого и нашел бы там небольшую группу конницы — кубанскую бригаду, которая, судя по описанию п.Сергеева, не отличалась тогда боеспособностью и очень неохотно вступала в бой. Кроме того, с севера, со стороны Лужков, сюда подходила своими авангардами, а может, и крупной колонной, так как шла походным маршем, 54-я советская дивизия, как раз та самая дивизия, которая еще вчера безуспешно атаковала генерала Желиговского на его правом фланге под Лужками. Я несколько не сомневаюсь, что в этом случае генерал Желиговский имел все шансы успешно ударить по этой дивизии, застав ее врасплох на марше, и тем самым помешать выполнению крупного маневра 15-й армии. Эта дивизия была правофланговой в 15-й армии и в соответствии с приказами и основной идеей замысла п.Тухачевского заходила как правое плечо армии длительным 30-километровым маршем, изменяя в этот день направление от Лужков с западного почти на южное. На схеме п.Сергеева она показана занимающей 6-го вечером

Глубокое на правом фланге 15-й армии. Учитывая записи п.Сергеева, содержащиеся на странице 59 его труда, я имею право предполагать, что именно в этот день 15-я армия перестраивалась в новый боевой порядок, который гарантировал, что под вечер 6 июля в районе Глубокого генерал Желиговский не встретит никого, кроме 54-й дивизии. Пан Сергеев пишет, что после сражения 15-я армия сосредоточилась для дальнейшего маневра, и добавляет: „Еще от Глубокого армия имела в первой линии 54, 33-ю и 11-ю дивизии, а во второй — 4-ю и 16-ю“. Если 54-я дивизия была правофланговой в Глубоком, то 33-я и 11-я должны были находиться где-то восточнее в районе железной дороги Полоцк — Молодечно и не имели возможности в течение всего дня 6 июля чем-либо помочь 54-й дивизии. В свою очередь, 26-я должна была быть глубоко в тылу и также до ночи не могла оказать влияния на обстановку.

Я не хочу утверждать, что своим ударом генерал Желиговский коренным образом изменил бы ход событий в нашу пользу, но это несомненно заставило бы противника потерять по крайней мере половину следующего дня, а может, и больше, в его маневрах.

После такого короткого удара генерал Желиговский, убедившись, что он вовсе не находится в тылу противника, мог бы совершенно спокойно отступить в направлении озера Мядзёл, к которому он и так вышел на следующий день, 7 июля, без всякого давления со стороны противника. У п.Сергеева его 18-я дивизия достигает озера Мядзёл только 10 июля вечером. Значит, для своего отхода генерал Желиговский имел достаточно времени.

Я задержал внимание читателя на этом характерном эпизоде потому, что он очень наглядно показывает обстановку, в которой находились обе стороны 6 июля, когда бои на всех участках шли на убыль. Это день, когда после неудачного Седана противник вне контакта с нами осуществлял маневры с целью перегруппировки своих сил. Этот день был нам, так сказать, подарен, и мы также имели время для маневра.

Итак, первое сражение 4, 5 и 6 июля завершалось.

Но оно было и началом новых неудач на Северном фронте, которые кончились лишь спустя полтора месяца нашей победой под Варшавой. Исход этого сражения еще долго тяготел над нашими войсками, и освободиться от такой тяжести мы смогли с величайшим трудом. Это может показаться странным, потому что, как мне кажется, оно не было решающим и, собственно говоря, отнюдь не свидетельствовало о победе противника. Наоборот, его намерение окружить нашу Ю армию и полностью ее уничтожить потерпело абсолютное фиаско, потому что оба фланга (4-я и 3-я армии) были сравнительно легко остановлены. Но факт остается фактом. После такой полупобеды наши войска почти без сопротивления все быстрее и быстрее откатываются назад, так что через месяц оказываются у стен столицы, расположенной почти в 600 км в тылу. Одно описание и мой предыдущий анализ этого сражения не могут объяснить это явление. Слишком незначительной кажется причина, вызвавшая такие грандиозные последствия, и разум стремится искать глубже, дальше. Поищем же у противника.

Пан Тухачевский над этим сражением размышляет мало. Он считает его одним из эпизодов и, как я уже указывал, даже не упоминает о своем главном плане, описание которого мне удалось найти только у п.Сергева. Он кажется полностью довольным собой и своими войсками и вопреки фактам спокойно утверждает, что его войска выполнили все поставленные задачи в указанные сроки. Пан Сергеев придерживается противоположного мнения. О действиях своей 4-й армии он не пишет так хвалебно, а в конце своей книги в качестве приложения приводит свой приказ от 7 июля, в котором дает хороший нагоняй своим подчиненным. Характерны некоторые абзацы: „Командование 164-й бригады не проявило инициативу и решительность. Весь день 5-го она топчется на одном месте под предлогом неполучения приказов и тем самым задерживает движение 53-й дивизии. Эта последняя вышла из района Шарковщизны с опозданием на целые сутки и также топталась 5 июля на одном месте, имея в резерве целых 5 полков. После занятия Шарковщизны 53-я дивизия неизвестно зачем

двинулась в направлении Стуканы, то есть в тыл 12-й дивизии". И несколько далее категорически добавляет: „Требую прекратить постоянный страх за свои фланги и перестать учитывать моральное состояние противника. Не допускаю наперед, чтобы отдельные роты разбитого противника, не успевшие еще удрать, принимались за свежие полки, которые угрозой удара задерживают движение целых наших дивизий". Так правдивый п.Сергеев говорит о 5 июля, когда наша 8-я дивизия, будто бы „рассеянная", „разгромленная" и „раздавленная", сорвала с севера все седанские замыслы.

Что касается другого, южного фланга, то 3-я армия, по словам п.Тухачевского, как ей и было приказано, 5 июля заняла Докшицы, а 6-го — Парафьяново. На самом же деле сопротивление первой литовско-белорусской дивизии задержало 3-ю армию настолько, что, как пишет п.Сергеев на странице 52, район Парафьяново был занят ею только 8 июля, то есть тогда, когда с нашей стороны там могли быть только последние дозоры арьергардов.

Для п. Тухачевского эти факты не существуют, он уверен, что разгромил и смял противника, и это ему, видимо, заменяет неудавшийся Седан. О том, насколько п.Тухачевский не ориентируется в результатах действий своих войск, можно судить по его приказу, отданному в Смоленске 7 июля в 9.40 утра. Данные о противнике он коротко излагает в начале приказа: „Главные силы разгромленного противника беспорядочно отхлынули в направлении Постав" (приложение № 10, стр. 122, Сергеев, цит. работа). Но мы знаем, что, к сожалению, в этом естественном направлении главные силы 1-й армии не пошли вовсе, потому что 5-го пополудни приказом генерала Шептицкого они были направлены в совершенно ином направлении — на Парафьяново и Молодечно. А на поставское направление (позволю себе выразиться в стиле моего противника) вышли, и то случайно, только две дивизии — 10-я и 8-я генерала Желиговского, который, будучи полностью свободным от какого-либо давления со стороны противника, намеревался через некоторое время атаковать его войска.

На основании ошибочных данных о нас п.Тухачев — ский приказывает своей самой слабой армии, усиленной, правда, кавалерией, преследовать разгромленного и разбитого противника в направлении на Поставы и Вильно*. Главные же свои силы, 15-ю и 3-ю армии, он собирает в сильно сжатый кулак, с которым выдвигается к югу, удаляясь при этом от своей 4-й армии, для завершения победы, чтобы „смять” и „разгромить” остатки наших сил на этом фронте, то есть нашу 4-ю армию, стоящую на Березине. С фронта ее должны атаковать 16-я армия и большая часть Мозырской группы, наступающей на Бобруйск в общем направлении на Слуцк; на ее левый фланг уже 6 июля нацелена 3-я армия. А самая сильная, самая оснащенная 15-я армия движется на Молодечно в качестве главного резерва, как старая гвардия Наполеона, чтобы сломить последнее сопротивление, если такое будет еще оказано.

Когда я думаю о действиях нашего противника на протяжении первых дней операций, ведущих к Варшаве, не могу найти в них ничего такого, что могло бы оправдать большое значение этого сражения и полное отсутствие всякого сопротивления вплоть до Варшавы. Анализируя эти бои, я не могу не видеть какую-то странную робость, какую-то нерешительность в действиях советских войск. Несмотря на огромный перевес в силах, особенно на флангах, дивизии противника действительно слишком часто „топчутся на месте”, не используют ни своего преимущества, ни бесспорного тактического превосходства. Думаю, не ошибусь, если скажу, что эта робость, которую п.Тухачевский приписывал только своей 16-й армии, а п.Сергеев, как мы видели, после майской операции распространял и на другие дивизии, особенно 3-й и 4-й армий, что эта робость перед высокими боевыми качествами противника еще была сильна в русских во время боев в начале июля. Мы увидим, что вскоре советские бойцы научатся относиться к нам, как к непригодной для боя толпе; но в первые дни июля такая робость у них еще была. Даже отборная

* Вильно — нынешний Вильнюс. В книге М.Тухачевского — Вильна.
(Прим. пер).

13-я армия, состоящая из лучших дивизий, которые до сих пор еще не скрещивали с нами шпаг, после несомненных успехов 4-го и в начале дня 5 июля, стоит в бездействии во время отхода наших войск. Может, она опасалась какой-нибудь ловушки, боялась неожиданного для себя и вполне обычного для нас, поляков, маневра? Буквально во всем еще чувствуется наше моральное превосходство над противником. На пути топчущихся на месте дивизий еще стоят фантомы предыдущих неудач и поражений, и войска, кажется, совсем не склонны верить преувеличенным, агитационным заверениям и уговорам своих командиров. Таким образом, у противника мы не найдем объяснения глубокого стратегического смысла тактического поражения, которое мы потерпели 4 и 5 июля. Попробуем поискать у себя.

Я уже говорил выше, что командование с нашей стороны поставило подчиненным войскам задачу на 4 и 5 июля удержать занимаемые позиции, а там, где они были прорваны противником, — „восстановить прежнее положение“. Последние слова я взял в кавычки, потому что они так часто повторяются в донесениях, рапортах и приказах, что стали уже как бы мысленным припевом в боевой песне тех дней. Характерные слова! Кажется, что этот небольшой кусочек земли представляет собой какое-то утерянное богатство, ради которого надо напрячь все силы. Думали ли так полководцы и командиры? Перечитывая еще и еще раз оценку военной значимости этого кусочка местности, я нахожу прямо противоположные суждения. Одни утверждают, что из-за болот на линии фронта были трудности с передвижением вдоль него, в то время как для противника из-за засухи болота не представляли серьезного препятствия. Другие жалуются, что большое количество кустарника перед фронтом сильно сужало поле обстрела, и противник мог незаметно подойти. Даже бедная Аута, именем которой некоторые полководцы окрестили все сражение, дождалась саркастической оценки одного из них. Генерал Енджеевский, командующий группой войск в центре, пишет: „Если на первый взгляд (по карте) речка Аута вызывала доверие как препятствие, то в действительности этот извилистый

ручеек не представлял никакой оборонительной ценности". И только, может, единственный генерал Ледуховский, командир 11-й дивизии, не отзывается плохо об этом утраченном сокровище. Он четко и коротко доложил, что позиция была хорошая, ее можно было удерживать. Но все в один голос, не исключая высшего командования, в том числе командующего 1-й армией генерала Зыгadloвича и командующего фронтом генерала Шептицкого, утверждают, что позиция, на которой было принято сражение, была слишком растянута для наших сил и на такую ширину фронта имела слишком мало артиллерии. Возникает естественный вопрос, зачем в качестве главной цели почти двухдневных боев выдвигалось „восстановление прежнего положения"? Если эта позиция не была такой хорошей, то относительно легко можно было найти другую, хоть и не наилучшую, но имеющую те же или несколько другие недостатки, на которой можно было сражаться так же хорошо, а может, даже и лучше. Зачем так упираться на невыгодной позиции, притом настойчиво атакуемой превосходящими силами противника?

Когда говорят о позиции, за которую ведутся сражения, это неизбежно приводит каждого знакомого с историей войн к мысли о так называемой позиционной войне. Позицией называется тот или иной кусок земли, вследствие своего строения дающий обороняющимся большее или меньшее преимущество над атакующими. На протяжении определенного времени в истории войн военное искусство билось над поиском таких позиций на местности, на которых войска могли по возможности безопасно принять бой. Но опыт боевых действий опроверг подобные теоретические рассуждения, так как противник такие позиции обычно обходит, не имея никакого желания брать их с бою. А когда почти любой кусок земли стал оборудоваться окопом, позиции вообще утратили свое значение. И для наших командиров слово „позиция" было не пустым звуком, когда они ставили задачу войскам восстановить утраченные, хоть и плохие, по их мнению, позиции. Здесь дело было в другом, и если бы з приказе вместо абстрактного выражения „восстановить

прежнее положение" было указано более конкретно „занять утраченную линию окопов", было бы все в порядке, так как, собственно, только за это и велся бой. Здесь играла роль не позиция, признанная, кстати, неудачной и которую легко можно было найти в другом месте, а длинная линия так или иначе построенных укреплений, открытых окопов. Только тогда, когда мы таким образом представим себе цель сражения, оно приобретет стратегический смысл, вместо того чтобы быть суммой нескоординированных боев без перспективной цели.

Я умышленно подчеркиваю разницу, которая должна существовать, по-моему, между позицией и окопом, между войной позиционной и окопной. Если позиционная война, как я ее определил выше, уже давно ушла в прошлое, то окопная война, продолжаясь долгие годы на больших пространствах во время европейской войны, приобрела не только широкую известность (ведь в ней принимали участие десятки миллионов людей), но успела своими специфическими особенностями обработать человеческие головы и души и даже создать специальный военный язык. В начале европейской войны, в 1914 году, понятие „окоп" относилось исключительно к области тактики, к методам, при помощи которых велся бой. Кроме винтовки каждый солдат нес с собой в бой лопатку как неотъемлемую часть своей экипировки. И приходилось ли ему обороняться от противника, или идти на него в наступление — везде он использовал лопатку как средство боя. В стремительных передвижениях и маневрах, которыми началась огромная четырехлетняя война, окоп применялся везде, в наступлении и обороне, но нигде он не указывался в качестве цели сражений или операций и никогда не вторгался в область стратегии, которая как раз и ставила такие цели. Иногда благодаря своей силе, оборонной силе, окоп приобретал значение позиции. Когда-то этим термином определялись особые участки местности, по своей природе имеющие оборонительные свойства; но и тогда он был только эпизодом в ожесточенном единоборстве миллионных армий, которые вплоть до конца 1914 года не хотели отказываться от главного фактора победы — движения.

Только в следующем, 1915 году на полях Франции и Бельгии оба противника застыли без движения, оставленные друг против друга. И здесь окоп, как непреодолимая преграда, вопреки главному фактору победы — маневру и движению — победоносно прорвался из тактики в область стратегии.

Как гордый победитель, он начал жиреть, поживать в роскоши и, как Молох, требовать от воюющих сторон все новых и новых жертв. Линии окопов стали наращаться одна за другой, создавались целые лабиринты, и новичок, попадавший в них, оказывался как в незнакомом городе, где без плана, указателей названий улиц и непрерывных расспросов можно было заблудиться. Окоп потребовал жертву у повседневной жизни людей. Солдаты устроили здесь свои квартиры, а бесконечный людской труд пытался превратить это необычное место в квартиру удобную, пригодную и для работы, и для отдыха. По требованию нового фетиша войны в его победоносную боевую колесницу впряглось все, чем располагала воюющая страна. Не какой-нибудь пехотинец-инженер применял здесь свои технические знания, а многочисленные заводы и фабрики поставляли огромное количество строительных материалов, которые окоп с удовольствием поглощал. Как в большом городе, во все стороны разбегались провода, соединяющие между собой командиров и штабы, склады и хранилища, госпитали и конюшни. Окоп жирел, с каждым месяцем наращивал свою мощь, планомерно и настойчиво разрушая силу прежнего военного победителя — маневр и движение. В ходе этой войны за окопы у солдат и командиров выработалась особая психология. Психология, связанная, во-первых, с военным строительством особого характера, строительством, поглощающим массу строительного материала, и, во-вторых, с монотонностью большей части боевой работы находящихся здесь войск, как это всегда бывает при сосредоточении большого количества людей в тесном пространстве для сотрудничества ради одной, общей цели. Тогда с ожесточением сражались за кусочек окопного лабиринта, победой считался захват полкилометра этой новой, незнакомой пре-

грады. Эти победы окупались многочисленными челове — ческими жертвами и еще большими потерями драгоцен — ного военного материала. И именно тогда, в период окопной войны, которая свела почти на нет движение и маневр, стратегия начала ставить войскам в бою более близкие, нежели раньше, цели. В таких условиях „вос — становление прежнего положения" означало отбить у противника занятые им окопы и тем самым вернуть себе утерянное богатство.

Понятие войны в старом значении этого слова стало исчезать, и долго оставались безрезультатными все по — пытки и усилия светлейших умов вновь с триумфом ввести в стратегию давнего победителя — маневр и движение. Крупнейший в истории полководец, преодо — левший когда-то своим могучим гением стратегию линий и незавоеванных позиций, великий Наполеон, наверное, не один раз перевернулся бы в гробу, если бы узнал, как были преданы забвению и как канули в беспамятство его величественные подвиги. Если он с гордостью говорил, что многие войны выиграл ногами солдат, их движением и молниеносным маневром, то сейчас война явно вырож — далась, деградируя в бесплодный труд ремесленников и промышленных рабочих, напрягающих свои натруженные руки для производства огромного количества продукции, необходимой для ведения такого противоборства. Волю противника к сопротивлению пытались сломить путем неустанного истребления людей и выкачивания до капли его промышленных ресурсов.

Главный принцип окопной войны состоит в постанов — ке такой мощной преграды передвижениям войск против — ника, что любой маневр становится возможным лишь в результате огромных затрат сил, человеческих жизней и военного материала. Именно такова цена любой попытки сдвинуться с места, и цель каждого боя в таких условиях заключается в том, чтобы убедить противника, осмелив — шегося атаковать, что все его попытки напрасны. Таким образом, окоп, со всеми его техническими сложностями и премудростями, а также с теми изменениями, которые он внес в души солдат и их командиров, выбирается из

тактических низов и становится частью военной стратегии.

Когда я пытаюсь проанализировать нашу польско-советскую войну с позиций окопной стратегии, я всегда и в своих воспоминаниях, и в документах обнаруживаю в нашей армии какое-то внутреннее трение, связанное именно с этим вопросом. Когда я, как верховный главнокомандующий, сразу же отказался от всех попыток ведения окопной войны, не видя возможности использовать у нас хоть какие-то ее методы, я сразу же натолкнулся и у своих подчиненных, и в обществе на яркую приверженность принципу — „faites une ligne forte”. Находясь под сильным впечатлением только что прошедшей войны в Европе, люди в моих попытках применить в нашей войне метод движения и маневра слишком, к сожалению, часто хотели видеть отсутствие стратегического мышления, игнорирующего красоту и мощь недавнего хозяина стратегии — жирного и толстого окопа. Но как раз в нашем случае окоп мог быть очень худым и щуплым. Он не мог питаться, чтобы набрать необходимую стратегическую тушу, ни промышленностью, которой не было, ни человеческим материалом, требуемым для заполнения окопа и поддержания его в надлежащем весе и значении. До 1920 года моего влияния было достаточно, чтобы загнать окоп в отведенную ему область — область тактики и методики боя, а многочисленные победы, которые мы одерживали, кажется, подтверждали правильность моей точки зрения. Но окоп неохотно покидал свой трон. Он мстил, искал реванша, оставляя вместо себя свою неотлучную сестричку — линию, которая постоянно вступала в конфликт с вводимыми мною движением и маневром. Он мстил, оставляя вокруг меня и особенно за моей спиной пожимание плечами, недовольный шепот и тихие, как у больного, жалобы на устаревшие, детско-романтические стратегические помыслы верховного главнокомандующего. Faites une ligne forte! Это современная война, это спасение Польши! Сколько неблагоприятных закоулков истории, связанных с этим спором, я мог бы осветить!

Возвращаясь к анализу июльских боев, хочу отме-

тить, что цель боя на 4 и 5 июля, которую ставили войскам наши командиры, имеет своим источником как раз окопную психологию и стратегию. Эта цель состояла в том, чтобы доказать атакующему нас противнику, что построенный нами окоп прорвать невозможно и что если он вступит сюда, то его ждет немедленная кара за такое святотатство. И когда я просматриваю документы, приказы, рапорты и донесения, то нахожу в них ясные и понятные для меня доказательства, что период, предшествующий сражению, был периодом реванша хозяина стратегии — окопа — над верховным главнокомандующим.

Вот один из таких документов, полный определений и выражений, понятных только лишь в условиях ведения окопной войны в самом прямом значении этого слова. Речь идет о плане обороны участка 1-й армии. Генерал Зыгадлович получил от командующего фронтом приказ, в котором говорилось, что линия, занятая 1-й армией, представляет собой главную линию обороны, укрепление которой необходимо ускорить любыми средствами". План обороны, составленный генералом Зыгадловичем, заключался в следующем:

„Каждая оперативная группа должна была провести на своем участке укрепление оборонительной линии и удерживать этот участок во взаимодействии с артиллерией и при помощи своих резервов, подготовленных на случай любых атак противника. Автоматическое взаимодействие артиллерии и резервов с войсками, занимающими первую оборонительную линию, — в соответствии с известными принципами и положениями приказа 2226/III от I.VIII, доведенными до общего сведения". Читаем дальше: „В случае прорыва фронта надлежало ввести в бой соответствующий, заранее подготовленный для данного участка, резерв", но исключительно по приказу командования армии. И в конце плана добавляет: „Оперативные резервы стояли так близко, что могли в течение 5 — 6 часов вступить в бой в любой точке назначенного им фронта".

Когда я сейчас читаю неизвестный мне ранее документ о „главной линии обороны и автоматическом взаи-

модействии пехоты с артиллерией", я с удивлением думаю, неужели это было на самом деле? Неужели не было колебаний, сомнений, самокритики в отношении таких приказов? Оказывается, были. Вот другой документ того же генерала Зыгadloвича, оценивающий его положение 3 июля, накануне боя. Он пишет, как профессор: „Как следует из опыта мировой войны, боевая линия в то время занималась пехотой в общем с достаточно высокой плотностью, а сама боевая линия была оборудована как по фронту, так и в глубину и имела необходимые проволочные заграждения". Тем не менее генерал указывает, что „во время мировой войны ширина дивизионного участка на угрожаемом фронте не превышала трех—четырёх тысяч метров", в то время как у нас „ширина дивизионных участков 1-й армии, протяжённостью более десятка километров, не позволяла выделить достаточно многочисленные резервы и правильно распределить их в глубину".

Хуже обстоит дело с артиллерией, потому что „для поддержки угрожаемого фронта, по опыту мировой войны, на 150 метров фронта надо иметь как минимум 2 легких и 1 среднее орудие". По расчетам генерала, его армии требовалось по крайней мере 880 легких полевых орудий и 440 орудий калибра 15 см. „Тем временем, — жалуется генерал, — на боевом фронте имелось примерно 100 легких и 45 средних орудий". А далее, после упомянутого выше приказа об автоматическом взаимодействии артиллерии с пехотой и по представлении цифровых данных, генерал Зыгadloвич добавляет: „Несмотря на то, что наши материальные возможности не позволяли создать плотности, удовлетворяющие этим требованиям, тем не менее эти данные наглядно показывают, как слабо фронт был обеспечен артиллерией; поэтому в критические моменты на эффективную поддержку пехоты огнем артиллерии — как в форме автоматического заградительного, так и сосредоточенного отражающего огня — можно было рассчитывать только в случае локальных атак лишь на отдельных участках фронта".

Но самое неприятное — это любимое дитя окопа, его

неотделимый опекун — колючая проволока. Генерал Зыгадлович жалуется на "плачевное состояние перевозок". С большим трудом удалось доставить 5 вагонов колючей проволоки для первой литовско-белорусской дивизии из Молодечно в Парафьяново, и только 13 вагонов пропихнули на станцию Подсвилье. „А ведь, — плачет генерал, — этого количества проволоки не хватило даже для одного ряда заграждения вдоль фронта!" И в бедной, измученной голове генерала, наверное, рождались золотые видения, когда к угрожаемым участкам фронта, на которых он когда-то стоял, тянулись специально для этого построенные железнодорожные ветки, по которым господину окопу доставлялись сотни вагонов колючей проволоки, сотни вагонов, наполненных бревнами, деревянным и железным строительным материалом, и когда на огромных пространствах, опутанных телефонными проводами, раздавались яростные споры и требования доставить как можно скорее рулоны толя для покрытия крыш над квартирами солдат. Исходя из всего этого, генерал считает, что в июле 1920 года "перед армией встала задача, выполнение которой требовало сверхчеловеческого напряжения сил", а на пути "спихийного атакующего вала" невозможно было поставить надежную преграду.

Это, однако, не мешает отдаче и выполнению приказов, полностью противоречащих такой правильной оценке обстановки. Более того, читаю приказ командующего группой войск генерала Жондковского. Приказ от 30 июня. Пункт первый: "В приложении высылаю: а) схему системы оборонительной линии в полосе 1-й и 4-й армий, определенной командующим фронтом генералом Шептицким; б) схему системы оборонительной линии в полосе 1-й армии, дооборудованной командованием этой армии. Обращаю внимание, что проектируемая командованием 11-й дивизии "1-я линия 2-й позиции" совпадает с 1-й линией командования фронта и 1-й армии, и таковой должна считаться". Там должны быть оборонительные узлы, то есть большие или меньшие комплексы опорных пунктов в тактически важных точках, а также отдельные опорные пункты между этими узлами на

тактически менее важных направлениях. Удаление оборонительных узлов друг от друга должно выбираться с учетом тактической необходимости таким образом, чтобы промежутки между двумя соседними узлами перекрывались огнем, а расположенные сзади резервы могли своевременно успеть (видимо, автоматически. — Прим. мое. — Ю.П.) в эти промежутки для отражения вклинения противника. Расстояние между двумя опорными пунктами должно обеспечивать взаимную поддержку фланговым винтовочным огнем. Учитывая вышесказанное и в зависимости от местных условий следует увеличить количество опорных пунктов". Схема, присланная для исполнения, и которую я только сейчас увидел впервые, предписывает устройство фортификационных сооружений на глубину примерно 50 километров!!! Множество больших и малых звезд и звездочек, обозначающих, видимо, узлы обороны, украшают план генерала Шептицкого, и все они соединены между собой непрерывной линией окопов. И это должно быть исполнено! И над этим должны ломать голову командиры и солдаты, когда — как мы видели — плотность пехоты для занятия линии мала, артиллерии недостаточно, заграждений — колючей проволоки — не хватает даже для одного ряда на первой линии. Но исторически этот проект существовал и, по мнению командующего фронтом, только его невыполнение привело к разгрому и к невозможности сдержать в дальнейшем „стихийный атакующий вал" другими методами.

Не буду цитировать другие документы, свидетельствующие о преклонении перед догмами окопной войны, распространившимися в то время на нашем Северном фронте. Остановлюсь только на одном из них, касающемся действий артиллерии, „автоматизированной", в соответствии с приказом, для взаимодействия с пехотой. Передо мной лежит схема такого взаимодействия, разработанная для III дивизиона 1-го полка полевой артиллерии литовско-белорусской дивизии. Множество воспоминаний навеивает эта схема! Шел 1916 год во всей своей красе! Сколько таких схем должен был просмотреть в то время каждый командир! Сколько офицеров

в штабах было занято их составлением, оформлением, проверкой и исправлением! На лежащей передо мной схеме есть почти все, чего требует рай окопной войны. Цифры, буквы, разноцветные длинные стрелки, обозначения — чающие направление огня, и, наконец, такой характерный план заградительного огня с пометкой о заранее определенном расходе боеприпасов. Указано все: и сколько минут должен продолжаться огонь и темп стрельбы. При этом видна забота об экономии боеприпасов, потому что, например, 7-й батарее предписывается вести огонь в темпе 3 выстрела в минуту на каждое орудие. Таким образом, в сумме при ведении огня, который должен задержать дивизию противника, 7-я батарея должна произвести целых 24 выстрела!!! Курам на смех такой заградительный огонь!!! А если добавлю, что несчастные 12 орудий дивизиона должны прикрыть заградительным огнем 9 километров подступов к переднему краю, в то время как „по опыту мировой войны" здесь должно быть минимум 120 легких орудий и соответствующее число средних, которых на этом участке фронта не было ни одного, не говоря уж о тяжелых орудиях, — тогда читатель, наверное, простит мне мою невеселую иронию. А когда вспомню солдата, который под ураганом металла, изрыгаемого на него сотнями и сотнями орудийных пастей, шел в предсмертном страхе на неприятельский окоп в настоящей окопной войне, когда вспомню серые, землистые лица своих солдат, которые не две минуты — днями сидели в окопах в пекле настоящего огня, у меня в душе поднимается горечь от такого издевательства над солдатами и офицерами, которым больше нечего делать, как только тупо подражать той глупой лягушке, протягивающей лапку, чтобы ее подковали огромной подковой. Ах, окоп, окоп! Великий фетиш, побеждавший крупнейшие умы и железные характеры, берегись своих малых друзей, ибо они, по пословице, погубят тебя и насмеются над тобой!!!

Поэтому из всех документов, которые я изучил, мне больше всех понравилось донесение генерала Енджеевского, который, жалуясь на „извилистый ручеек" — Ауту, на фортификационную слабость позиции и на

недостаток колючей проволоки, отмечает, что „следовало заранее разработать подробный план отступления и не подвергать войска ненужным потерям, дать возможность померяться силой с противником на выгодных для нас позициях, а не вынуждать наши части драться на первой линии, напрасно растрчивая живую силу без надежды на успех“. А рай окопов все же существовал! Где-то в тылу брезжила „немецкая оборонительная линия времен мировой войны, линия, представляющая собой отличную позицию с густой сетью проволочных заграждений“, из которых даже днем трудно выбраться. Ну чем не рай! Даже при ясном солнышке можно заблудиться в колючей проволоке!

Эта странная, непонятная мне тоска наших команду—ющих по окопной войне должна была иметь и другие опасные последствия. Окоп, победоносно врываясь в стратегию, должен был стать собственностью, если так можно выразиться, тех командующих, чьей служебной привилегией была стратегическая работа, работа высшего управления. А тактика театра войны, как некоторые называют стратегию, ревниво охраняет свои привилегии, не допуская к объектам своего внимания тактику низшую, тактику поля боя. Из этого следует, что использование окопа, определение его силы, направления, количества затраченного на него труда в большей степени будет зависеть от высших командиров, чем от низших и от солдат. Чем больше лопата становится стратегическим оружием, тем меньше употребит ее без приказа солдат или младший офицер. В наших же условиях, когда и речи не могло быть о развитии окопной войны как тактики театра войны, любая попытка высших командиров распорядиться лопаткой нашего солдата неизбежно сделала бы его слабым и плохо вооруженным.

Окопную психологию наглядно иллюстрирует случай с нашей 17-й дивизией, которая, как известно, находилась в резерве в распоряжении командующего фронтом и не вступала в автоматическое взаимодействие ни с артиллерией, ни с пехотой. С первых минут боя, когда в Вилейку, а затем и в Минск, где находился командующий фронтом, пришли известия об отходе нашей 11-й

дивизии, между двумя высшими командованиями начались переговоры по поводу боевого применения этой дивизии.

Переговоры продолжались некоторое время, потому что всегда существуют различия во мнениях, которые надо устранить. Но речь шла не о самом принципе, не о времени, а о методах и способах ввода в бой 17-й дивизии. Тем временем боевая обстановка менялась, и полководцы постепенно начали ее осознавать. Генерал Енджеевский оказался в значительно более тяжелом положении, чем даже 11-я дивизия, которая после первого отхода удержалась, не побежала. И вновь совещания, и вновь споры, и вновь о способах использования резерва. Наконец, командующий фронтом отдает дивизии, но с тем условием, что она будет применена в полном составе, сосредоточится в районе Мазнево и Коляно и будет атаковать в северном направлении. Известно, что подобный способ управления войсками в виде переговоров по прямому проводу между Минском и Вилейкой уже давно отвергнут даже обычным военным искусством. Нельзя управлять мельчайшими эпизодами боя, находясь за сотни километров от того места, где скрестились боевые шпаги. Но это вполне допустимо и естественно при ведении окопной войны. Там широко развитая сеть телефонов и коммуникаций, сеть, в которую вложена масса материалов и человеческого труда, создает условия, в которых имеется непрерывное соприкосновение командира с мельчайшими подробностями боя. Зачастую такое дирижирование там даже необходимо, потому что всегда существует опасение, что монотонность и вызванный необходимостью автоматизм боевой деятельности войск могут быть нарушены, что может привести к нежелательным последствиям, которые уже нельзя будет исправить. Но здесь, где полководцы с трудом проталкивают несколько вагонов колючей проволоки, здесь, где известия с поля битвы доходят лишь в наиболее общей, часто загадочной и труднопроверяемой форме, управление батальонами с расстояния в сотни километров — это явное злоупотребление тактикой театра войны за счет тактики поля боя. 17-я дивизия, как

подчеркивает генерал Енджеевский, вступила в бой толь — ко пополудни, с опозданием на 5 — 8 часов. Но зато район сосредоточения этой дивизии, Мазнево — Коляно, был по фронту как раз 4 километра, что „по опыту мировой войны” соответствует надлежащему участку дивизии на „угрожаемом” фронте!

Если я слишком долго остановился на размышлениях, связанных с окопной войной и ее системой, то только потому, что это, пожалуй, наша единственная за всю прошлую войну попытка, вопреки моим — верховного главнокомандующего — взглядам, вкусить якобы настоящей, европейской войны. Попытка не удалась. В первые дни июля она была скомпрометирована. Но из-за нее тактическая, легко переносимая неудача превратилась в стратегическое поражение с далеко идущими последствиями. И это не пустые слова. Та же 1-я армия еще совсем недавно, в мае, легко отступила перед превосходящими силами противника, а когда подошли крупные, не за 5—6 километров расположенные резервы, как с гордостью говорил генерал Зыгадлович, она так же легко перешла с ними в контрнаступление, и не видно было на ней ни следа поражения, ни следа бессилия; сейчас же ради фантомов окопной войны, не имея никаких средств для ее ведения, все силы были брошены в бой с поистине окопной целью — „восстановить прежнее положение”, как единственной цели, достойной солдатского труда. Под таким командованием солдат должен был заслужить шпоры рыцаря европейского масштаба, а не польского оборванца, не ведающего, что он делает. Ведь он копал окопы по схемам высших полководцев, и наверняка до его ушей доходили споры о том, где, собственно, первая линия второй позиции, а где вторая — первой. Где отсечные позиции, а где основные линии. Бедному солдату было тем более трудно понять это великое окопное искусство, что все узлы обороны, отсечные позиции и пронумерованные линии были чаще всего, как близнецы, похожи друг на друга, то есть существовали только на бумаге или были обозначены на местности какой-нибудь невзрачной, полузасыпанной траншеей. Когда же настала пора прекратить все эти чудачества, когда пропали впу-

стю все труды солдата ради восстановления прежнего положения, наверное, чрезвычайно важные для высшего командования — солдат, как обычно бывает в таких случаях, встал перед альтернативой: либо он со всеми своими усилиями просто неспособный и бессильный, и тогда европейские шпоры не для него, либо его командиры сами не ведают, что творят. Это было для солдата моральным потрясением, от которого трудно было опривиться, и отсюда вытекает то, бесспорно, большое влияние боя на „извилистом ручейке" — Ауте, который, будучи, по мнению противника, лишь его полупобедой, оказался для нас не тактической неудачей, а крупным стратегическим поражением.

Глава VI

Сражение нашей 14-й армии с тремя армиями п.Тухачевского закончилось 5 июля. Победившие дивизии не бросились немедленно в преследование. Кавалерия, которая в таких случаях обычно очень активна и эффективна, шла на крайнем северном фланге практически в пустоте, не имея перед собой противника. Половина конницы, одна дивизия, была остановлена для наблюдения за нашими соседями и недавними союзниками — латышами. Кажется, для преследования в центре была брошена отдельная бригада кавказской конницы, которая, пройдя Глубокое 6 июля, медленно продвигалась на запад. О действиях этой конницы в наших донесениях ничего не говорится. Но о ней много рассказывает п.Сергеев. Ее действия ни в коем случае нельзя назвать преследованием; судя по рассказам п.Сергеева, эта бригада старательно избегала какого-либо контакта со своими войсками. Приказом п.Тухачевского от 7 июля бригада была выделена для ведения преследования в западном направлении, которое было определено тем же приказом для всей 4-й армии под командованием п.Сергеева. У командующего было много хлопот с отысканием действительного места нахождения этой бригады; он пишет, что 15-я армия, которой бригада подчинялась, не могла указать ему ни места, где она находится, ни способа установления с ней контакта. Поэтому ничего удивительного, что п.Тухачевский так ошибся, когда

указывал в своем приказе от 7 июля, что главные силы поляков отступили на запад в направлении Постав. Отсутствие преследования и неясная картина обстановки после несомненной победы, значение которой в дополнение ко всему преувеличивает сам п.Тухачевский публицистической претенциозностью своих суждений, — это очень характерное военное явление. Не хочу быть злословным, но все это напоминает мне ситуацию германской армии в 1870 году, когда после беспорядочного, случайного, никем не управляемого и проведенного вопреки воле главного командования, но тем не менее победоносного сражения под Шпихерен, эта армия стала метаться в пустоте, раз за разом натываясь на неожиданности, которые обошлись ей очень дорого, как, например, последующая битва под Вионвиллем. Сражение 4 и 5 июля, конечно, не было Шпихереном, потому что управление осуществлялось как с одной, так и с другой стороны, и здесь я ничуть не хочу колоть п.Тухачевского. Тем не менее уже 5 июля армии п.Тухачевского, отказавшись от преследования, потеряли контакт с противником и рисковали наткнуться на многие неожиданности.

В чем же причины этой неподвижности, такой естественной и такой необходимой на войне? На одну из них я уже указывал: это своеобразное топтание на месте разных дивизий. Мы их найдем и в „преследующих” действиях отдельной конной бригады. Все это сорвало седанские замыслы и дало п.Тухачевскому только половину победы, свидетельствовало также о некоторой робости перед противником. Кроме того, были и определенные просчеты в управлении войсками. Я не хочу, да и не могу без документов и материалов анализировать, в чем именно проявились эти просчеты. Не имея донесений, которые 5 июля поступали к п.Тухачевскому, это трудно сделать. Но факт, что если в ночь с 5-го на 6-е п.Тухачевский толкает свою 4-ю армию в седанском направлении строго на юг, то уже 6-го, как он сам пишет, отказавшись от седанских замыслов, он прекращает движение южнофланговой 3-й армии в седанском направлении на запад и на север. Уже 6 июля 3-я армия получает

задачу поддержать еще более южную 16-ю армию своим передвижением на Минск, почти строго на юг. В наших донесениях отмечается, что именно в этот день левофланговая дивизия нашей 4-й армии (15-я), готовясь к отступлению, прикрывалась только небольшими постами вдоль речки Понья, а 1-я литовско-белорусская уже отошла южнее Докшиц. Там и отмечается слабый контакт с дозорами противника.

А что делала отборная 15-я армия? Она была направлена на запад, 4 июля прошла с боями 4 — 10 км и, как мы знаем, встала, не продвинувшись вперед в течение всего дня 5 июля. Она отказалась от преследования, поручив его слабой конной бригаде. 6 июля отмечается движение самой северной правофланговой 54-й дивизии, которая внезапно изменила направление с западного на юго-западное, на направление марша из Лужков на Глубокое. Пан Тухачевский не пишет, получила ли и 15-я армия 6 июля приказ отказаться от Седана и изменить прежнее направление своего марша. Это отражено только в приказе от 7 июля, отданном из Смоленска в 9.40 утра. Пан Сергеев приводит его полностью. Пан Тухачевский изменяет направление 4-й армии с южного на западное, 15-й с западного на юго-западное на Молодечно; что касается 3-й армии, то ей приказано продолжать выполнение ранее поставленной задачи, то есть продвигаться в направлении Минска.

Из всех этих данных очень трудно понять, когда же п.Тухачевский отказался от идеи Седана и какое влияние оказало на него это топтание на месте всех его армий 5 июля. Я склонен думать, что донесения, поступающие в далекий Смоленск в течение двух дней боев и переходящие через фильтры армейских командований, были очень противоречивы, и п.Тухачевский колебался в принятии однозначного решения, что проявилось в его успехах подчиненным, в частичном, а потом и полном отказе от седанского замысла. В этих колебаниях ему эхом отозвались идеи недавнего прошлого, географическо-геометрический образ мышления, связанный со „Смоленскими воротами" и поворотом войск на 90° в новом направлении. Результатом этих колебаний и такого образа

мышления явился отказ от преследования, потеря контакта с противником и медленное топтание на месте большей части войск п.Тухачевского, вращающихся в полусне вокруг какой-то воображаемой оси. Благодаря такому круговому танцу наши войска целыми и невредимыми вышли из операции, даже несмотря на приказ генерала Шептицкого, заставлявший их отступать в неестественном и, добавим, ненужном направлении. Только благодаря этому ген.Желиговский, представляющий отнюдь не главные наши силы, как это пытается показать п.Тухачевский, и, отнюдь не расстроенный своим поражением, казался п.Тухачевскому „раздавленными" и „разгромленными" остатками армии, в беспорядке отступающими на запад, в „поставском направлении". Силы и искусства управления в этом первом сражении „похода за Вислу" я также не могу усмотреть. Войска п.Тухачевского слишком часто топтались на месте, робея перед „разгромленным" противником, а их командующий метался между Седаном, который не получился, и „тараном", которого опять же п.Тухачевский осуществить не смог. К тому же в середине сражения, когда сорвался Седан, сам военный вождь прерывает боевые действия и преследования, переметнувшись на таран и геометрические развороты, оставляя тем самым свободу действий противнику.

А противник уже с 5-го числа ищет свободы действий. Приказ ген.Шептицкого, отданный в середине этого дня, предписывает всей армии оторваться от противника, чтобы и получить эту свободу. Целью этого, как говорится в первом пункте приказа, является „перегруппировка на новой линии для перехода к контракции". Не знаю, разъяснил ли командующий фронтом свою мысль командующим армиями, но приказ по нашей 1-й армии, повторив первый пункт приказа командующего фронтом о переходе к контракции, в своем пятом пункте предписывает занять „новую линию обороны". То есть контракция должна состоять в занятии линии обороны; а в одном из последних пунктов четко определено, что "линия обороны должна быть технически усилена". Несомненно, сама формулировка этих приказов должна вызывать у подчиненных впечатление противоречивости. Эта

противоречивость еще боле нарастает и становится еще более странной, когда на карте появляется новая линия оборонительной контракции. Она начинается в Небышине на реке Понья, а заканчивается далеко на севере, на шоссе от Шарковщизны на Свенцяны, в Козянах. Протяженность этой контракции, или технически усиленной линии обороны, составляет примерно 100 километров, то есть именно столько, сколько еще несколько дней назад занимала наша 1-я армия на линии обороны по „извилистому ручейку — Ауте“. А если вспомним, как выглядело техническое оборудование этой линии, сколько жалоб вызвал недостаток технических средств такого усиления, если вспомним, как трагично закончила свое существование линия обороны в ходе боев 4 и 5 июля, тогда мы поймем, с какой горькой иронией читали войска приказ командующего армией, где в том же пятом пункте было написано: „Удержание этой линии необходимо“. И таким образом, участки „линии обороны“ уже совсем не отвечают „опыту мировой войны“.

Но эти участки имеют и еще одну характерную черту. Если две северные дивизии, 8-я и 10-я, должны занять участки новой оборонительной линии общей протяженностью 55 километров (8-я — 30, 10-я — 25), то три дивизии на юге (17, 11-я и 1-я лит.-бел.) получают значительно меньшие участки примерно по 15 километров, то есть с той же плотностью войск, какую они имели в боях 4 и 5 июля. Наверное, это сделано не без определенной цели, и хотя я сильно сомневаюсь, чтобы относительное сосредоточение войск на юге отвечало замыслу командующего фронтом провести какую-то контракцию, тем не менее стоит разобраться, зачем была создана такая высокая плотность войск на юге и такое разрежение на севере? Это тем более необходимо, что такое стратегическое построение 1-й армии является результатом уже упоминавшегося дефилирования всего нашего центра вдоль фронта противника 4 и 5 июля, дефилирования, которое чуть было не привело к „разгрому“ и „рассеиванию“ наших войск. Судя по приказу ген. Шептицкого, можно было предполагать, что где-то за своим левым флангом он имеет бездействующую 7-ю

армию. По крайней мере, во втором и третьем пункте приказа этой соседней „армии“ уделяется достаточно много внимания. Приведу их дословно. Пункт второй гласит: „7-я армия получит от Верховного Главнокомандования приказ отвести части, стоящие на севере, в район Свенцяны“; в пункте третьем читаем: „Дороги Дуниловичи — Поставы — Ходучишки и Шарковщина — Козины — Твереч (обе дороги ведут в Вильно. — Прим. мое. — Ю.П.) займет ком. 1-й армии соответствующими частями группы генерала Желиговского или 8-й пехотной дивизии, чтобы дать возможность ком. 7-й армии отвести еще ожидающие приказа части или осуществить эвакуацию Вильно“.

Пора объяснить, что это за загадочная 7-я армия. Несмотря на такое громкое название, она состояла из одной еще только формирующейся дивизии — второй литовско-белорусской. Эта дивизия насчитывала в своем составе 2700 штыков и использовалась для наблюдения и прикрытия тогдашней демаркационной линии между нами и Литвой на протяжении более сотни километров. Это значит, что сам только сбор разбросанных по этой линии постов занял бы несколько дней. Громкое же название осталось после ее практической ликвидации, когда численный состав этого формирования был значительно больший. Таким образом, неясная формулировка приказа ген.Шептицкого, заранее предрекающая эвакуацию важнейшего политического центра — Вильно, по-моему, давала право командующему 1-й армией разредить свои силы на северном участке, тем более что непосредственный начальник, видимо, не проявлял особого беспокойства в отношении этого фланга. Не мог же командующий 1-й армией предполагать, что генерал Шептицкий оценивает боеспособность „7-й армии“ выше, чем она была на самом деле. Я не хочу далее анализировать это решение, так как вообще стараюсь избегать, как я их называю, „стыдливых уголков истории“. Отмечу только факт, необходимый для понимания операции с нашей стороны: приказ ген.Шептицкого от 5 июля после нашего тактического поражения в ходе боев 4 и 5 июля заставил нашу Юю армию, отступающую после сражения,

принять неестественную и не отвечающую обстановке группировку. Такое построение предполагало ее более сильный правый фланг, тесно связанный с левым флангом 4-й армии, в которую уже был направлен приказ об отступлениях. Создавалось впечатление, что находившаяся до сих пор в безопасности 4-я армия должна опираться на свою потрепанную в боях соседку, причем опираться на ее южный фланг, усиленный за счет ослабления северного, прикрывающего западное направление на главный политический центр страны — Вильно. Этот приказ имел тяжелые последствия не только для Вильно, но и, как увидим дальше, для всего фронта. Несчастный приказ ген.Шептицкого, стягивающий к левому флангу 4-й армии большую часть сил 1-й армии, мог бы объясняться замыслом перегруппировать силы для проведения контракции. Но в этом случае приказ явно бы опоздал. Для контракции 4-й армии самое подходящее время было 4 и 5 июля, когда ее активная помощь соседней армии, ведущей тяжелые бои с превосходящими силами противника, наверняка оказала бы большое влияние на положение дел. Но тогда 4-я армия, в соответствии с окопным образом мышления, стояла в бездействии, наблюдая за схваткой на севере, и пошевелилась лишь для того, чтобы соорудить, говоря окопным языком, отсечную позицию на очередном извилистом ручейке — речке Понья. Непростительная пассивность 4-й армии проявилась и в совершенно неоправданной потере времени т. к. она начала отступление только 7 июля. Я не хочу здесь анализировать причины такой задержки, потому что на фоне многочисленных событий, которые произошли позже, эти день-два не имели, по-моему, особого стратегического значения. Я отмечаю этот факт только для того, чтобы показать, что, если п.Тухачевский, как я указывал выше, 6-е и, по всей видимости, 7 июля просто-напросто пода — рил нам, совершая в пустоте свои маневры, то мы, рассуждая о контракции, а на деле придерживаясь принципа абсолютно пассивного сопротивления, не только не воспользовались этими днями, но и с лихвой вернули их п.Тухачевскому. Добавлю, что приказ об отходе 4-й армии был отправлен из Варшавы 6 июля.

Так или иначе начиная с 7 июля отступление как 4-й, так и 1-й армий шло полным ходом на запад. Отход 1-й армии протекал в основном вне контакта с противником; были лишь незначительные стычки между дозорами. 4-я армия в первые дни имела определенные трудности, но потом отступала уже беспрепятственно, все больше отрываясь от противника. В качестве стратегической цели отступления генерал Шептицкий назначил занятие длинной линии германских окопов. В них вплоть до южной оконечности озера Свирь должны были плечом к плечу занять позиции наши дивизии, и только две из них — 8-я и 2-я литовско-белорусская — располагались вне этих окопов.

Что касается самого способа отступления как стратегической операции, то не могу не сказать, что и 1-я, и 4-я армии, к сожалению, настолько упорно придерживались линейного принципа (по крайней мере, судя по их приказам), что оно далось нашим войскам с большим трудом. Система линий в 1-й армии несколько отличалась от системы линий в 4-й армии. Прежде всего это проявилось в том, что приказ на отступление в 1-й армии был совершенно шаблонный, в то время как в 4-й, находящейся уже под командованием генерала Скерского, заметны попытки отойти от строгой схемы, учесть особенности положения каждой конкретной части. Признаюсь, что эта сухая схема приказов просто ужасна. У читающего их создается впечатление, что командующий находился как бы в вакууме и передвигал по карте бездушные пешки. Для 1-й армии на пути в общем-то благополучного отступления к „окончательной линии обороны“ были определены дополнительно еще целые три промежуточные „оборонительные линии“. Что, собственно, эти „оборонительные линии“ означали, не знал, наверное, и сам пишущий приказ, но то, что такие приказы, в принципе невыполнимые, если к ним относиться серьезно, ложатся тяжким бременем на плечи войск — это совершенно определено. Ведь, по сути дела, это издевательство над солдатом, когда он догадывается, что командир требует от него оборудовать оборонительную линию на протяжении более 100 километров только для того, чтобы почти

сразу оставить ее и двигаться дальше, к такой же бесполезной работе. Кроме того, само понятие оборонительной линии, если, конечно, приказ выполняется, вынуждает отступить чуть ли не дозорными группами, растянутыми на огромном фронте, к тому же совершая столь странный маневр под угрозой возможного нападения противника, которого всего несколько дней назад не удалось одолеть в открытом бою. Я уверен, что в большинстве случаев такой приказ не выполнялся войсками, и только, может, единицы несчастных становились жертвами „Молоха оборонительных линий”, этого суррогата великого господина окопной стратегии. При чтении более поздних донесений, в которых состояние 1-й армии оценивалось отрицательно, следует обязательно принимать во внимание, что после полупобеды противника 4 и 5 июля эта армия могла быть под корень уничтожена безнадёжностью той работы, на какую ее обрекали оперативные приказы

Над 4-й армией также тяготеет проклятие оборонительных линий, но к этому добавляется еще и их разделение на фазы. В первой фазе их целых три. Мои рассуждения в отношении понятия „оборонительной линии”, которые я привел для 1-й армии, можно полностью отнести и к 4-й армии. Те же практически невыполнимые приказы, почти те же слова и выражения с непременными добавлениями о контакте с противником. И только 11 июля новый приказ вносит наконец какие-то изменения. Пункт второй этого приказа гласит: „В дальнейшем дивизиям отступать в плотных колоннах, по главным линиям коммуникаций, высылая тыловые заставы только для ведения разведки”. Представляю себе, какую глубокую и сердечную благодарность испытывали войска, когда они, наконец, поняли, в чем суть их действий! Анализ этих приказов показывает, что отступление обеих наших армий явилось следствием той системы управления, которая господствовала у нас в ходе боев 4 и 5 июля. Как там мы видели превозношение стратегических принципов окопной войны и оказание противнику лишь пассивного сопротивления без какой-либо попытки изменить в ходе сражения стратегическое построение,

так и теперь, при отступлении, мы видим ту же пассивность, те же параллельные линии отходящих дивизий без малейшего намека на идею маневра, без намека на стремление как-то изменить то, что противнику уже известно по боям 4 июля. Стратегическое построение остается прежним, но последствия его недостатков неизмеримо возрастают.

Примечательно, что 4 июля наша 1-я армия, связанная тяжелыми боями, имела фронт в 100 километров. Соседняя же, 4-я армия, пассивно взирающая на сражение на севере, стояла на фронте в 200 километров. В ходе отступления, предписанного приказом генерала Шептицкого, это соотношение меняется на противоположное. Когда 4-я армия подойдет к линии германских окопов, ее фронт сузится и составит те самые 100 километров, которые ранее имела 1-я армия. И наоборот, 1-я армия, отходя в соответствии с приказом на запад, быстро расширяет свой фронт так, что „оборонительная линия“, подлежащая занятию по распоряжению командующего, растягивается до 200 километров. Таким образом, стратегическое положение 4-й армии, даже не вступавшей в сражение, отличнейшим образом улучшается, в то время как положение 1-й армии, наоборот, с невиданной быстротой ухудшается. Фатальные последствия ошибочного приказа ген. Шептицкого от 5 июля приносят свои горькие плоды. Когда главные силы 1-й армии, те самые, которые, выполняя приказ, и вынуждены были продефилировать перед фронтом противника, сошли с естественных путей отступления, отходя в направлении Молодечно, они, как мы знаем, сближались с 4-й армией, оставив на севере лишь незначительную часть своих сил.

В ходе анализа этого приказа я показал, что его результатом было повышение плотности наших войск к югу и их разрежение к северу. Это касалось 1-й армии. А теперь мы наблюдаем то же самое явление в масштабах всего фронта под командованием ген.Шептицкого, который в два раза уменьшил участок южной армии и также в два раза увеличил участок северной армии. И это тогда, когда именно на севере 1-я армия потерпела поражение от превосходящих, плотно сосредоточенных

сил противника, в то время как южная армия имела перед собой неприятеля, местами равного себе, а на большем протяжении своего фронта имея над ним безусловное превосходство.

Таким образом, наша армия все более разрезает свой северный фланг — разрезает до такой степени, что самая северная ее группа, состоящая из двух самых малочисленных дивизии (8-й и 2-й литовско-белорусской), занимает — без преувеличения — 100 километров фронта. Если бы противник ударил по этому флангу, полное поражение было бы неминуемо. Но он, подчиняясь приказу п.Тухачевского от 7 июля, ослабил свое давление на север и запад и направил свои основные усилия в другом направлении. На наш наиболее слабый фланг двинулась только 4-я армия п.Сергеева, армия, пехота которой любила топтаться на месте, а конница пока не показала своих возможностей. Остальные войска, принимавшие участие в боях 4 и 5 июля, в хитром маневре, проводимом в пустоте, сжимались в кулак, разворачиваясь боком и почти спиной к 4-й армии. Стратегические построения каждой из этих армий коренным образом отличались друг от друга. 4-я армия идет очень широким фронтом, поэтому может передвигаться быстро, тем более что большую часть ее сил составляет конница; остальные войска, наоборот, как мы говорим, сжаты в кулак, или, если так хочется п.Тухачевскому, — в таран. Прочитую еще раз характерное высказывание по этому поводу п.Сергеева: „Узкие коридоры для 15. и 3. армий позволяли вести дивизии в две или даже в три линии, сосредоточенные по глубине, и поэтому всегда иметь дивизии наготове, в сжатом кулаке для какого-либо маневра. 15-я армия приняла такое построение для марша еще от Глубокого, имея в первой линии 54, 33-ю и 11-ю дивизии, а во второй за флангами — 4-ю и 16-ю. После двух-трех переходов головные дивизии заменялись тыловыми, резервными, чем достигалась значительная экономия сил пехоты". По моему убеждению, такой порядок не мог обеспечить быстроту марша; армия, состоящая из пяти пехотных дивизий с артиллерией и обозами, совершающая марш, как будто это полк!

Вдобавок ко всему она должна была через определенное время заменять авангард. Это должно было сопровождаться „экономией сил пехоты“, но зато и огромной потерей времени — каждый раз по крайней мере половины, а то и целых суток. Такая армия ползет как черепаха по сравнению с борзой, спущенной со сворки в погоню, как это было в случае с северной 4-й армией... Черепаха и борзая, ко всему прочему, удаляющиеся друг от друга, — не товарищи в беге, они не в состоянии одновременно или хотя бы почти одновременно прийти к цели.

Стратегическая ошибка генерала Шептицкого и странная несогласованность целей и маневров двух советских армий — все это привело к чрезвычайно оригинальной битве за Вильно. Эта битва, как и бои 4 и 5 июля, не имела промежуточного, тактического значения, но достигла вершин стратегии. Причудливая и оригинальная, она, несмотря на ее большое влияние на ход всей кампании, совсем не принадлежит к области военного искусства, потому что с ней не были связаны замыслы и намерения ни одного из двух командующих фронтами — ни ген.Шептицкого, ни п.Тухачевского. Первый из них намеренно всеми способами старается ослабить этот участок так называемых оборонительных линий, уменьшая там плотности войск, и, видимо, не имеет ни намерения, ни желания давать или принимать там более или менее значительное сражение. В свою очередь п.Тухачевский, как нам известно, после неудавшегося Седана, поверив в „разгром“, „рассеивание“ и „раздавливание“ якобы в панике убегающего противника, бросает на это направление свою самую слабую, поредевшую и рассыпанную на большом пространстве армию. Свои же главные силы, сжатые в решающий кулак, он не торопит; уверенный в себе, *festinat lente** черепашьям шагом, отыскивая место для принятия окончательного решения. Где-то должна восторжествовать великая стратегия; где-то прошумит своими крыльями Nike, от имени Марса и Минервы одаривая победой и наказывая пора-

**festinat lente* (лат.) спешит не торопясь.

жением — так хотят оба командующих. И им совсем некстати такой неожиданный поворот событий, когда судьба даже не сражения, а всей войны решается не там, где они определяют. Почему фортуна распорядилась именно так? Может, для утешения огорченного предыдущим боем п.Сергеева? Ибо. в этой битве за Вильно крылатая Нике возложила ему на голову лавровый венок победителя.

Однако прежде чем получить эти лавры, п.Сергеев должен был прийти под Вильно, совершив марш, но вовсе не такой удачный, как он старается показать в своей книге, приукрашивая его словами и выражениями, создающими впечатление великолепия, — так делают всегда, когда отсутствие содержания хотят компенсировать красноречием. Действительно прекрасная по другим соображениям, здесь книга п.Сергеева пестрит, к сожалению, высокопарными выражениями, как, например, „плацдарм“. На пути марша под Вильно лежит мой родной уезд — Свенцянский. Я никогда не предполагал, что он так богат такими стратегическими прелестями, как „плацдармы“. Плацдармы, оказывается, есть в нашем уездном городке Свенцянах, плацдармы есть и под Свиром. Но и Свенцяны, где есть только малюсенькая узкоколейка, и прекрасный городишко Свир с его старинным замком, за все время своего существования вообще никогда не слышавшим паровозного гудка, слишком мелки и незначительны, в том числе и в военном отношении, чтобы кто-то в XX веке мог считать их важными стратегическими объектами — „плацдармами“. Местные обыватели могут гордиться! Мы видели Ореховку, заменяющую надменный Смоленск в богатом воображении п.Тухачевского, мы видели ряд проволок и пару окопчиков, которые вынудили наше высшее командование приказать 7-й батарее 1-й литовско-белорусской дивизии открыть ураган заградительного огня 24 снарядами; поэтому ничего удивительного, что и войска п.Сергеева, преследующие „раздавленного“ врага, очень острожны на земле славного Свенцянского уезда, где их подстерегает столько „плацдармов“. Хоть эта армия и должна была быть борзой, спущенной со сворки, но она

особенно не торопится. Вот слова самого командующего п.Сергеева: „Приказ был получен конным корпусом по беспроволочному телеграфу, но выполнен не был” (стр. 53 цит. соч.). „164-я бригада весь день 8 июля простояла на месте в окрестностях Замоша”. Потом двинулась, по словам п.Сергеева, совершенно не в том направлении. Движение кавалерии п.Сергеев характеризует так: „Она продвигалась очень медленно широким фронтом” (стр.54), объясняя это следующим образом: „Незначительные стычки с кавалерией противника (наш 13-й виленский полк уланов) и с его отходящими малыми пешими группами (наш так называемый, слуцкий, полк) сильно задерживали продвижение конной массы” (стр.54). А вот описание п.Сергеевым действий его пехоты и кавказской кавалерии: „Несмотря на панику, распространившуюся в тылах противника в связи с появлением нашей конницы в окрестностях Видзе и Дукшты, полякам удалось кое-как организовать сопротивление на германских позициях, причем в районе южнее Постав до озера Мядзёл это сопротивление оказалось достаточным (это была наша „рассеянная” 8-я дивизия), чтобы задержать кубанскую кавалерию до вечера 9 июля, т.е. до подхода 18-й дивизии”. Движение 4-й армии очень напоминают топтание на месте во время седанского маневра 4 и 5 июля. Вновь потеря времени, целых дней, медленные движения черепахи, когда надо быть борзой. В это время против армии п.Сергеева еще действуют три наши дивизии. На правом фланге 10-я дивизия ген.Желиговского, в центре 8-я дивизия полковника Бургардт-Букацкого и на северном фланге медленно подтягивающаяся 2-я литовско-белорусская дивизия ген.Боруцака с неполным полком виленских улан. Но при отступлении к Вильно 10-я дивизия уже отходит — для более важных задач — на юг, чтобы занять позиции южнее озера Свирь в проволочном раю — германских окопах. Против 4-й советской армии остаются вне окопов две наши дивизии, находящиеся таким образом в худшей тактической ситуации, но зато в стратегическом отношении наделенные, а может, обремененные необычайной растянутостью фронта в целых 100 километров от озера

Свирь до местечка Дубинки. И тем не менее! Если бы они еще и двигались! Ведь есть же опасные плацдармы! И войска п.Сергеева снова начинают топтаться на месте. 11 июля на севере нашего фронта под Вильно начинается, как пишет п.Сергеев, "трехдневный бой на Вильне". И так, по его словам, 11 июля близ Подбродья конница встретила „сильное сопротивление противника и вела сдерживающий бой", ожидая подхода остальной конницы и пехоты.

В тот же день 11 июля 53-я и 12-я дивизии, растянутые на широком фронте, убедились в том, что „противник прочно удерживал позиции по всей линии реки Вилия и отражал все попытки наших (советских) войск овладеть переправами". Далее, на юг, было не лучше. Кубанская кавалерия настигла пехоту противника уже в районе городка Свир и, отыскивая его фланги, установила, что по всей линии реки Страги, от Свира до Михалишек, укрепились войска неприятеля, который занимал позиции также и за р.Вилией западнее Михалишек. Пока не удалось! „Но, — пишет п.Сергеев, — после подхода 18-й дивизии положение не улучшилось. Несколько атак на городок Свир было отражено, и командир дивизии принял решение подтянуть тяжелую артиллерию". Преследование остановилось. Общее впечатление у п.Сергеева было такое, что мы решили оборонять Вильно; это свое предположение он основывал — о, ирония судеб и полководцев! — „на достаточно плотной группировке сил противника" на линии реки Вилии и на Свирском „плацдарме". По мнению п.Сергеева, битва за Вильно продолжалась три дня и во многих местах приобрела характер „затяжных и упорных боев"; она началась 11 июля и закончилась взятием Вильно 14 июля.

Однако факт, что все эти три дня бои вели две самые слабые в нашей армии дивизии. Факт, что одна из них — 2-я литовско-белорусская — в эти дни даже перешла в наступление, и белостокский полк занял станцию Подбродье в 10 километрах от линии Вилии. Факт, что две наши дивизии стояли не в плотной группировке, а наоборот в чрезвычайно разреженной, находясь по сравнению со всеми другими войсками ген.Шептицкого в самом

неблагоприятном стратегическом положении. Если враг не смог „рассеять“ эти дивизии в предыдущих боях, хотя свято в это верил, то их „рассеяло“ стратегическое построение фронта, обрекшее их в течение трех дней вести бои вне окопов и проволочного рая на фронте почти 100 километров!

А что же в это время, 11 июля, делают другие, более счастливые дивизии, имеющие, волей приказа, более плотный боевой порядок, прикрытые раем окопов, опутанные колючей проволокой, где и днем-то заблудиться можно? Посмотрим по очереди с севера на юг. Соседняя 10-я дивизия, сдвинутая с естественного пути отхода на Свир и Михалишки, часто по бездорожью, еще 10-го пополудни или к вечеру достигает линию окопов без какого-либо контакта с противником. Весь день 11 июля проходит там спокойно. Южнее стоит 17-я дивизия. И она 11 июля контакта с противником не имеет. Еще дальше 11-я дивизия совершает 11 июля форсированный марш-отход и опять-таки без контакта с противником довольно благополучно достигает истого проволочного рая под Богдановом. Дозоры, высланные 12-го перед фронтом дивизии, вернулись утром 13-го, нигде не встретив противника. И, наконец, самая южная дивизия 1-й армии, 1-я литовско-белорусская, 11 июля занимает окопы южнее Богданова, также не встретившись с противником. Итак, 11 июля, когда п.Сергеев со всей своей армией констатирует „повышенную плотность“ войск неприятеля, но не в окопах, а практически в чистом поле, наполненном, однако, „плацдармами“, а его войска по старой привычке начали топтаться на месте, главные силы нашей 1-й армии в блаженном спокойствии вкушают прелести окопного и проволочного рая на старых германских позициях, построенных когда-то ценой уничтожения литовских лесов, а также огромным трудом промышленно наиболее развитого государства Европы — Германии.

В еще более благоприятной стратегической обстановке находится наша 4-я армия, которая, отдав 11 июля Минск, в соответствии с цитированным приказом, отданным в тот же день, свертывается в походные колонны и полным ходом, без контакта с противником отступает на

запад к своему участку германских окопов. А участок этот немалый! Для нашей самой многочисленной и наименее потрепанной в боях армии он как раз такой же, какова протяженность фронта двух северных дивизий, вступивших 11 июля в затяжные и упорные трехдневные бои за Вильно.

Чем дальше на юг, тем лучше живется войскам фронта ген.Шептицкого. Груз тактики уменьшается, а подарки стратегии возрастают. Самая южная полесская группа не является исключением. Насчитывающая в своем составе три дивизии, она имеет перед собой небольшой отряд противника, потому что так называемая в советских армиях Мозырская группа наступает в двух расходящихся направлениях. Ее добрая половина атакует нашу 14-ю дивизию, преследуя ее от Бобруйска к Слуцку севернее самого Полесья. А перед нашей полесской группой остается самый слабый противник. Мы имеем здесь огромное превосходство, какого за всю долгую войну не имели нигде и никогда. Поэтому поступавшие отсюда донесения всегда были триумфальными, наполненными ураганным огнем артиллерии, который — в этих донесениях — сплошной стеной вставал на полесских болотах с той и другой стороны.

Примерно то же самое происходит в армиях п.Тукачевского. 11 июля, когда войска северной 4-й армии начали топтаться на месте свенянского „плацдарма“, ожидая в одном месте подхода тяжелой артиллерии, а в другом пехоты и конницы, в это время две сжатые в кулак армии — 15-я и 3-я продвигаются почти без контакта с противником далеко от связанного боем п.Сергеева. Только в этот день вечером 15-я армия занимает Молодечно, находясь на расстоянии по крайней мере двух дневных переходов от германских окопов. И только ее северная 54-я дивизия на следующий день, 12 июля своими авангардами встретится с нашими 10-й и 17-й дивизиями. Рядом с ней идет тоже „таранная“ 3-я армия. Как мы знаем, 6 июля она двинулась в почти южном направлении из района Докшиц в направлении Минска. Построенная массивным тараном, она шла так же медленно, как и 15-я армия. Когда же противник,

то есть поляки, не дожидаясь удара и не стремясь ему противодействовать, отошли назад и отдали Минск, таян 3-й армии, не испробованный в деле, поворачивает (конечно, вновь с большой потерей времени) на северо-запад, на этот раз сближаясь с 15-й армией. 11 июля, как, впрочем, и в последующие дни, контакта с противником не имели. 16-я армия в этот день занимает Минск, везде натываясь лишь на дозоры арьергардов, оставленных не для боевых действий, а для ведения разведки.

Вероятно, ясно, что трехдневное сражение под Вильно было делом случая, а не результатом целенаправленного управления войной с обеих сторон. Тем не менее оно оказало на историю войны значительно большее влияние, чем тяжелые бои 4 и 5 июля. Во-первых, мы, поляки, с этого момента оказались перед лицом двух войн вместо одной. Как утверждают и п.Тухачевский, и п.Сергеев, Литва нарушила свой прежний нейтралитет и вступила в войну на стороне Советов. На весах истории, на весах более поздних военных событий, вплоть до окончания боевых действий, этот факт был дополнительным, часто очень тяжелым грузом, придавливающим вниз нашу, польскую чашу. Этот груз часто давит на нее и сейчас. Само сражение особого интереса не представляло, но п.Сергеев характеризует его как упорное, потому что в момент, когда он сосредоточил в нескольких местах крупные силы для атаки, иллюзия „плацдармов” лопнула как мыльный пузырь, и редкие ряды защитников Вильно уже были не в состоянии удерживать линию. В свою очередь, контратаки с польской стороны, которые все-таки предпринимались и даже способствовали, как мы знаем, занятию Подбродья, тем не менее при таком построении войск, находящихся к тому же в меньшинстве, не могли принести какого-либо результата. Поэтому когда 14-го Вильно пало, мы немедленно ощутили влияние этого события на стратегическое построение и одной, и другой стороны с этого момента и до самой Варшавы в первом пункте польских приказов раз за разом будет повторяться сакраментальная фраза: „В связи с обходом противником нашего левого, северного фланга...” — остатки войск отступают на запад. Сразу

же после взятия Вильно 14 июля отходят назад к Лиде ближайшие соседи — 10-я и 17-я дивизии, прикрытые раем проволочных заграждений и окопов. За ними, почти без боя в окопах начинают отход остальные силы 1-й армии, а еще дальше то же самое происходит с 4-й армией, которая покидает окопы только для того, чтобы перейти на новую линию, уже без проволочного рая, за рекой Шара...

Итак, все стратегические планы и замыслы в один момент лопнули из-за случайной битвы под Вильно. Стратегические подарки югу и тактические тяготы северу — вот обстановка, начало которой положил роковой приказ генерала Шептицкого от 5 июля и которая жестоко отомстила польской стороне.

Наряду с новой войной и изменением стратегической обстановки у нас к тому же произошло резкое падение морального духа войск, полководцев и всего народа. То, чего не сделал „извилистый ручеек” Аута, завершила Вилия — „наших рек родительница”. Характерным свидетельством этого стали события последующих дней под Лидой: впервые за все время с 4 июля здесь формируется что-то более или менее похожее на сильную группировку польских войск. Сюда с разных сторон стекаются, как будто для крупной операции, несколько дивизий. Происходит то, что еще несколько дней назад могло решить исход битвы под Вильно в нашу пользу. Однако все это делается под давлением неприятеля, с целью, отнюдь не ведущей к победе — для почти панического бегства. С победой в этом сражении кончается такое частое до сих пор топтание на месте советских войск, которые, робея перед прошлыми победами своего противника, не были уверены в своих победах. В принципе незначительное с точки зрения количества участвующих войск столкновение стало событием огромной важности, перевернувшим тактику театра войны.

Во всем предыдущем анализе военной обстановки, который я завершил нашим поражением под Вильно, я ни разу не упомянул о роли нашего верховного главнокомандующего. Я оставил его с почти готовым решением — ем, принятым еще перед боем 4 июля, когда он пришел

к выводу, что должен изменить свой прежний взгляд на стратегическую обстановку, сложившуюся под влиянием успехов конницы Буденного на юге. Размышляя над проблемой, как увеличить в нашей армии количество конницы, в отношении северного фронта у меня тогда же сформировалось мнение, что лучше всего будет отвести весь фронт самостоятельно, без давления противника на запад и, опершись центром на линию германских окопов, сформировать где-нибудь в районе настоящего плацдарма — Вильно, сильную маневренную группировку, пригодную для проведения операции, но не в растянутой и слабой линии. Крупные силы на Полесье могли бы стать резервом, потому что расположенный там фронт после отступления за реку Птичь сузился так непомерно, что для развертывания еще более крупных сил там просто не было места. Но до этого, однако, не дошло.

Когда в конце июня я вызвал в Варшаву генерала Шептицкого, чтобы обсудить все эти вопросы, то нашел его сильно упавшим духом. На совещании с несколькими генералами у меня в Бельведере он мне заявил, что война, по сути дела, проиграна и что, по его мнению, следует пойти на заключение мира любой ценой. Мотивы, которые он приводил, заключались в следующем: успехи конной армии на юге настолько сильно деморализуют войска на всем театре войны, что эта деморализация распространяется на всю страну, и противодействовать этому не представляется возможным. Поэтому вскоре можно ожидать появления конницы Буденного и в его, генерала Шептицкого, глубоком тылу, в Бресте, что не позволит ему далее стоять фронтом, а отступление неизбежно превратится в беспорядочное, паническое бегство. На севере, имея под своим командованием лучшие части нашей армии, он может удержать свой фронт, хоть против него и сосредоточивается все более крупная группировка войск противника, имеющая целью взятие Минска. Но наиболее опасным ему представляется сильный рост национального патриотизма в армии противника, вызванный занятием нами Киева. Это способствовало добровольному вступлению в Красную Армию большого количества офицеров из только что разбитой

Советами армии Деникина, которые как специалисты смогли внести в советский хаос некоторый порядок и строгую дисциплину. То есть тогда, когда у нас нарастает неразбериха, у противника происходит все наоборот, и не исключено, что ввиду неудач на юге у нас могут вспыхнуть революционные беспорядки, для подавления которых потребуется вмешательство армии; а для этого годятся лишь наиболее надежные войска, находящиеся под его, генерала Шептицкого, командованием.

Эти мотивы меня совсем не убедили, а предложение любой ценой заключить мир я сразу же отверг. В свою очередь, я высказал свое мнение относительно сложившейся обстановки, выразил надежду на то, что удастся задержать продвижение Буденного на юге, а также обосновал свое предложение отвести для выигрыша времени весь Северный фронт назад в вышеупомянутой группировке. Генерал Шептицкий, однако, считал, что лучше принять бой на якобы подготовленных позициях, где стояли войска. На них он чувствовал себя более уверенно, чем при выполнении предложенного мной маневра.

Передо мной встала проблема выбора: или заменить генерала Шептицкого на посту командующего фронтом, или принять его предложение о бое на уже подготовленных позициях. Я лично всегда предпочитаю иметь худшее решение, но зато уверенного в себе командующего. Поэтому после недолгих колебаний я остановился на втором варианте, настояв, однако, на том, чтобы в случае отступления армия имела стратегическое построение, соответствующее моим указаниям. День 4 июля оказался для нас неудачным, и уже 6-го я отправил из Варшавы приказ, напоминающий генералу Шептицкому о необходимости создать стратегическую группировку в соответствии с моими взглядами. Эти взгляды вытекали не только из большого стратегического и политического значения Вильно, как крупного административного центра и важного угла коммуникаций, но и из простых расчетов, которые показывали, что мы не имеем возможности растянуть фронт вдоль всей линии германских окопов, тянувшихся вплоть до Динебурга. Значит, на

северном фланге наших армий, где-то в районе Вильно, останется группа наших войск, для которой мы не найдем окопов и проволочного прикрытия. В случае наступления противника эта группа должна была прикрыть и сам город Вильно. В то время в разговорах и дискуссиях, а также в приказах, отдаваемых из Варшавы, самым частым словом, употреблявшимся в отношении этой группы, было прилагательное „сильная“. Поэтому большой неожиданностью, притом весьма неприятной, был приказ генерала Шептицкого от 5 июля, прямо противоположный этой основной мысли. До 11 июля все попытки заставить генерала Шептицкого выполнить мои приказы и изменить стратегическое построение войск были безрезультатны. Здесь я хочу еще раз подчеркнуть, что, как верховный главнокомандующий, я несу свою долю ответственности. Как я выразился в одном документе, написанном под мою диктовку и хранящемся в нашем военно-историческом отделе, в данном случае моя доля ответственности состоит в том, что я оставил на посту командующего фронтом генерала Шептицкого, по своему морально-психологическому состоянию совсем непригодного для такой работы. При этом не могу не заметить, что хотя я и отношусь очень строго к той ответственности, которая по праву или не по праву возлагается на верховных главнокомандующих, тем не менее я не могу отвечать за все стратегические фокусы, которые выпялял генерал Шептицкий во время отступления после сражения 4 и 5 июля. Быть всегда сильным там, где нет боя, и слабым, где в сражении решается судьба войны, не стремиться к изменению явно неудачного стратегического построения войск — это значит, выражаясь словами Наполеона, идти вопреки здравому смыслу войны и покорно исполнять волю противостоящего полководца.

Возникает естественный вопрос, можно ли было что-либо предпринять, чтобы выполнить требование верховного главнокомандующего, который ясно указывал на окрестности Вильно, где надлежало сосредоточить сильную группировку? Я много раз задавал себе этот вопрос тогда, задаю его и сейчас, при нынешнем анализе. В качестве ответа приведу выдержку из приказа 4-й армии

от 7 июля, которая, как известно, отступала по сходящимся направлениям, уплотняясь с каждым днем марша и оказываясь во все более благоприятном стратегическом положении. Один из пунктов этого приказа гласит: „В связи с отходом 4-й армии 4-й дивизии сосредоточить свои части в районе Минска и занять фортификационные линии Минска. 31-й полк (кстати, относящийся к 10-й дивизии), находящийся двумя батальонами на фортификационной линии и одним батальоном в Минске, а также 37-й полк (относящийся к 6-й дивизии), выдвигающийся из Бобруйска в направлении Минска, переходят под командование полковника Калишко, который назначается командиром оперативной группы. Задачи группы — удержать Минск до подхода тыловых частей 2-й дивизии легионеров, после чего прикрывать дальнейший отход". Таким образом, мы выделили целых две с половиной дивизии для прикрытия Минска — Минска, который собираемся сдать без боя. Мы даже можем позволить себе такую роскошь, когда одна дивизия прикрывает отход другой. У нас есть также полк, стоящий в бездействии в Минске, но относящийся к дивизии, расположенной под Вильно. У нас есть, наконец, один самостоятельный полк, выдвигающийся также не в направлении Вильно, где главнокомандующий приказал сосредоточить сильную группировку, а в направлении все того же Минска, который через несколько дней должен быть сдан. Ко всему прочему, в Минске стоят готовые эшелоны, а железнодорожная линия на Вильно совершенно свободна, противник ей не угрожает, потому что в ближайшем до него пункте, Молодечно, 7 июля еще находится командование 7-й армии.

Половина всей этой роскоши, то есть по крайней мере одна дивизия, могла бы спокойно заменить бездействующую 10-ю дивизию генерала Желиговского, которая, как бы специально для ослабления северного фланга под Вильно, форсированным маршем была переброшена из района озера Мядзёл, где стояла рядом с 8-й дивизией; как нам известно, она была переброшена на юг, ослабляя тем самым виленскую группировку. Если же принять во внимание характерное топтание на месте 4-й армии

п.Сергеева перед „рассеянными“ нами же на 100-километровом фронте двумя дивизиями, если принять во внимание, что ни 11, ни 12, ни даже 13 июля ни одна из других советских армий не могла вмешаться в сражение, если, наконец, принять во внимание, что, несмотря на явную слабость защитников Вильно, это была единственная на всем фронте генерала Шептицкого контратакующая группа, атака которой даже имела определенный успех, — если все это принять во внимание, то легко можно понять, что в условиях взаимопомощи и взаимовыручки, как того требовали указания и приказы верховного главнокомандующего, мы вполне могли бы одержать победу над робко топчущейся 4-й армией п.Сергеева — именно над той армией, которая в ходе последующего развития операции была решающим фактором, заставившим фронт генерала Шептицкого непрерывно отступать до самой Варшавы. Но от такой болезни, как добровольное и покорное исполнение воли противника, к сожалению, еще никто не нашел лекарства!!!

Глава VII

Два сражения, которые я проанализировал, до самой Варшавы определили судьбу операции п.Тухачевского. В первом из них, 4 и 5 июля, участвовала наша 1-я армия в полном составе, в то время как основная часть наших войск, куда входили 4-я армия и полесская группа, бездействовала и не мешала противнику одержать над нами своими превосходящими силами пусть даже половинчатую, но все-таки победу. Во втором сражении, с 11 по 14 июля, принимала участие лишь очень незначительная часть наших войск, а остальные силы фронта в бои не ввязывались. Оба эти сражения открыли путь советским войскам, но не главным силам п.Тухачевского и не его тарану, а самой северной части его войск — 4-й армии с кавалерийской группой. С этого момента все наши попытки остановить противника заканчивались так, как закончилась битва под Вильно. Пан Сергеев со своей армией и конницей, двигаясь от Вильно уже сравнительно узким коридором, систематически обходил северный фланг наших войск, выполняя роль своеобразного бокового авангарда, увлекающего за собой остальную часть советских сил. Каждый такой обход сводил на нет, как под Вильно, все попытки 1-й армии оказать сопротивление, заставляя ее отходить; за ней спешила отступить и южная, 4-я армия. Конница действовала на самом крайнем фланге советских войск, что превращало каждый наш отход практически в поражение — настолько быстро

осуществлялся захват территории. Попытки сопротивления с нашей стороны были, по сути дела, незначительными эпизодами, со стратегической точки зрения как две капли воды похожие друг на друга. Несмотря на то что п.Тухачевский уделяет достаточно много внимания различным своим комбинациям во время похода к Висле, а также на то, что и с нашей стороны было много разнообразных ходов, тем не менее я не хочу занимать здесь место их анализом, потому что все они были похожи друг на друга и в общем-то не влияли на наше стратегическое положение. Они как бы представляли собой трагическое следствие первых неудач. Учитывая то, что первая битва была — как я пытался показать — полупобедой, а вторая, под Вильно, наполовину случайной, военный историк будет всегда стремиться разгадать странную загадку, скрытую в значении таких сражений.

После открытия пути для 4-й армии и конницы войска п.Тухачевского до самой Варшавы двигались безостановочно. Среднее расстояние, проходимое за день, составляло около 20 километров, то есть почти дневной переход на марше. И это с боями! Такими темпами может гордиться и армия и ее командующий.

Полководец, у которого достаточно сил и энергии, воли и умения для подобных действий, не относится к заурядным, посредственным личностям. И, честное слово, сейчас, когда я об этом пишу, мне очень хотелось бы найти в книге п.Тухачевского вместо странных преувеличений и вульгарных выдумок описание его методов управления и способов организации этого прекрасного марша. За это ему был бы благодарен любой историк и любой военный аналитик. Значение этого марша было огромное. В одном из своих стратегических рассуждений п.Тухачевский сравнивает его с маршем германской армии на Париж. Действительно, это неустанное движение большой массы войск противника, время от времени прерываемое как бы скачками, движение, продолжающееся неделями, создает впечатление чего-то неотразимого, надвигающегося, как страшная темная туча, для которой нет преград. В этом чувствуется что-то безнадежное, надламывающее внутренние силы и отдельного человека,

и толпы. Мне вспоминаются разговоры, которые велись в то время. Один из генералов, с которым мне приходилось часто разговаривать, почти каждый свой ежедневный доклад начинал словами: „Ну и марш! Вот это марш!“ В его голосе звучало и восхищение, и горечь бессилия. На военных такой марш производит впечатление какого-то ужасного калейдоскопа, в котором каждый день складывается новая ситуация с новыми географическими названиями, перемешанными с номерами полков и дивизий, с новыми расчетами времени и пространства. И хотя картинка в этом дьявольском калейдоскопе меняется медленно, но своей неотразимой монотонностью через некоторое время создают хаос и нагромождение незавершенных контрходов, невыполненных приказов и уже не соответствующих новой реальной обстановке донесений.

Под впечатлением этой надвигающейся градовой тучи качалось государство, ломались характеры, размягчались сердца солдат. Влияние этого марша ощущалось везде. И если выше я упоминал о таком ее влиянии действий конницы Буденного, то нынешний непрерывный марш п.Тухачевского своим значением и влиянием превзошел все предыдущие события. Под воздействием всего происходящего у нас в Польше, кроме внешнего фронта, все более отчетливо вырисовывался фронт внутренний, который в военной истории всегда был предвестником поражения и самой главной причиной проигрыша, но не сражений, а войн. Пан Тухачевский сравнил свое продвижение к Варшаве с маршем немцев на Париж. Наверняка и там сложился внутренний фронт, фронт неизбежного осознания своего бессилия и мудрствования трусов. Но Париж, который в своей истории выдержал не одно такое испытание, — это не Варшава, только что сряхнувшая с себя грязь вековой неволи, неволи долгого торжества бессилия и трусости. Иначе говоря, наш внутренний фронт был намного сильнее, чем в Париже в 1914 году, а сопротивление распространению страха и чувства собственного бессилия — значительно слабее. Государство расшатывалось, войска откатывались назад, управление ими с каждым днем становилось все более трудным и морально все более тяжелым. Конечно, среди

этого половодья страха, апатии и бессилия были попытки как-то организовать борьбу, внести в нее элемент силы, но они не были predetermined исторически, не имели стихийной мощи и силы, были ослаблены крикливостью и организационным хаосом. Крикуны бросили абсурдный лозунг создания новой добровольческой армии, армии, в которой сразу же в организационной неразберихе стали плодиться в огромном количестве новые штабы, переполненные карьеристами и любителями легкой жизни. Мне удалось задержать развитие этого абсурда, определив основы организационной структуры только для батальонов и разрешив сформировать из самых сильных и наименее крикливых элементов одну-единственную добровольческую дивизию, которая, впрочем, до конца войны делила участь всех других дивизий.

Этот процесс разложения наших сил, процесс надлома нашей воли является, по моему мнению, самым большим триумфом п.Тухачевского. Этим маршем на Варшаву, в значительной степени питаемым его волей и полководческим талантом, п.Тухачевский доказал, что он значительно перерос рамки заурядности. Но, перелистывая его книжицу, я каждый раз чувствую фальшивые ноты, которыми он сознательно или неосознанно, но совершенно напрасно украшает описание этого своего марша. В подтверждение своих слов хочу указать на роман или, может быть, сказку из тысячи и одной ночи, касающуюся Гродно и Немана. Чего там только нет! Какая-то удивительно странная, неизвестная в нашей истории концентрация западнее и восточнее Гродно почти шести наших дивизий. Какое-то нагромождение тактических ходов, которых не было и в помине, и нескончаемый поток слов и еще раз слов о „пехотных массах“, „раздавливании“, о странных маневрах и контрманеврах, которые, наконец, заканчиваются „окончательным разгромом и деморализацией“ белополяков. Когда читаешь такой роман, действие которого происходит в воображении п.Тухачевского — а этих романов он плодит в своем труде достаточно много, — хочется отбросить книжку прочь. Зачем столько шутовства в описании великой исторической войны!

История Гродно проста. Когда перед армией п.Сергеева и его конницей раскрылись „виленские ворота“, а 2-я литовско-белорусская дивизия в большинстве своем была разбита в двойной войне против Советов и Литвы, конница простым движением, парой авангардных эскадронов заняла Гродно, для украшения военной жизни называемое крепостью, но крепостью только в понимании нашей и советской литературы, где с легкой руки авторов могут спокойно существовать „плацдармы“ без железных дорог, фортификации без колючей проволоки, ураганный огонь из нескольких едва исправных орудий и крепости с „рассеянными“ фортами, которые и сейчас может осмотреть любой желающий. Таким способом конница п.Сергеева значительно опередила левый фланг нашей 1-й армии, которая не для какого-то там сосредоточения около Гродно, а с целью совершенно прозаического занятия линии Немана и Шары параллельными путями отступала от голубой Вилии к ее серому любовнику — Неману. А на самом крайнем фланге, где уже не было 2-й литовско-белорусской дивизии, отступали 8-я и 10-я дивизии, которых „рассеивать“ и „полностью разбивать“ ни п.Тухачевскому, ни п.Сергееву не было никакой необходимости, потому что на своем пути от Седана в районе Германовичи — Шарковщина в книгах обоих авторов они были „раздавлены“ и „рассеяны“ по крайней мере раз пять. Но несмотря на чрезмерное количество поражений, которые они потерпели в книгах п.Сергеева и п.Тухачевского, эти дивизии и на сей раз выполнили свой солдатский долг. Находясь под командованием ген.Желиговского, который все никак не мог ощутить всей массы этих публицистических поражений, и имея перед собой закрытый путь даже к Неману, обе дивизии были вынуждены этот путь себе открыть. И как когда-то 6 июля в Дуниловичах, так и теперь, через несколько недель под Гродно, генерал Желиговский и полковник Бургардт-Букацкий, командир 8-й дивизии, колебались, не проделать ли им проход к Неману через Гродно, уже занятое советской конницей. Но когда им удалось пройти около Лунной Воли, они отказались от идеи боя за

Гродно и, перейдя Неман, продолжали отступать на запад.

Такой же сказкой является и история с концентрацией наших сил западнее Гродно. Кроме нескольких батальонов, поспешно брошенных на прикрытие северного фланга на новой линии Немана и Шары, еще удалось своевременно доставить из Полесья одну бригаду 9-й дивизии, которую я направил под Гродно, в самое слабое место длинной линии фронта генерала Шептицкого. Это единственный случай усиления северного фланга этого фронта, ослабленного в пользу южной группировки.

У п.Тухачевского кроме гродненской есть немало и других сказок. Их так много, что жаль времени и сил раскрывать их все и объяснять, как обстояло дело в действительности. Но, как историк и аналитик, я не могу не быть снисходительным к п.Тухачевскому. У него в руках наверняка были различные данные, касающиеся нашей армии, которые он получил либо из показаний пленных, либо из других документов, захваченных в то время его войсками. А эти данные часто противоречили друг другу и только одно отражали верно — тот хаос в оценках обстановки и в попытках проведения контрманиевров, который тогда у нас царил. Поэтому он мог брать из этого материала все, что хотел. Да и сам я, верховный главнокомандующий, в ходе моей работы над этой книгой часто нахожу неизвестные мне документы и материалы времен похода п.Тухачевского на Варшаву. Но я отнюдь не ставлю это себе в вину, потому что в то время, не поддаваясь чувству страха и бессилия, я сосредоточил все свое внимание, если речь идет о фронте генерала Шептицкого, на совершенно определенном решении и искал пути задержать поход к Висле или к Варшаве одним-единственным способом — контрнаступлением. Для пояснения своей точки зрения по этим вопросам приведу дословно запись, сделанную мной на одном историческом документе под названием „Дело ген.Шептицкого“, запись, датированную 1921 годом, когда воспоминания были значительно более свежими, чем сейчас:

...Что касается всех операций на севере, — писал я тогда, — начиная с поражения на Ауте и Березине, то должен сказать, что подробное рассмотрение тех или иных решений я считал бесцельным. Я серьезно задумал — ся над идеей германских окопов и сильного левого фланга вне окопов под Вильно. Но после первых атак на 4-ю армию я перестал верить в выполнимость этого плана по следующим причинам. Выполнение этого плана со всеми вытекающими из него последствиями требова— ло: а) очень быстрого отступления и жертвы многим ради одного — выигрыша во времени, б) хоть немного привести в порядок войска, в) назначения новых коман— диров, что является необходимым для повышения мо— рального состояния войск. Я размышлял над всем этим несколько дней и в конце концов отказался от этих мыслей по следующим причинам: 1) переполох в тылу, даже вдали от фронта, начнется немедленно, настроив панически и войска и не предвещая ничего хорошего в деятельности тыла и в функционировании железной до— роги; 2) межличностные отношения в армии, особенно среди высших офицеров, были самыми плохими, какие я только знал. Поэтому крупные изменения при низком моральном состоянии, охватившем к тому времени уже всю страну, могли бы привести к организационной ката— строфе, и без того всегда нависающей над моей головой; 3) душевный порыв, охвативший меня, и над которым я долго думал, — поехать самому на фронт и взять непосредственное командование на себя. С большим сожалением пришлось отказаться и от этого проекта. Главной причиной было ощущение, что моральное состо— яние всей страны становилось угрожающим, а панические настроения и нервное напряжение так велики, что кроме внешнего фронта важное место в моих расчетах стал занимать — со знаком минус — фронт внутренний. Я не хотел уходить от ответственности — это было бы самым легким. Тогда я посчитал, что мое место пока в Варшаве, что я должен укрепить дух народа и удержать внутрен— ний фронт, хотя бы хорошей миной и полной уверен— ностью в себе. Поэтому я считал невозможным свой отъезд на длительное время. Учитывая все сказанное, с

этого момента и до августовских событий под Варшавой моим общим стратегическим замыслом было: 1) Северный фронт должен только выиграть время; 2) в стране провести энергичную подготовку резервов — я направлял их на Буг, без ввязывания в бои Северного фронта; 3) покончить с Буденным и перебросить с юга крупные силы для контрнаступления, которое я планировал из района Бреста. Этого основного замысла я придерживался до самого конца..."

Прошу не судить слишком строго за своеобразный стиль заметок на полях документов, главное — они точно передают мои мысли, мысли польского верховного главнокомандующего. Они появились у меня сразу же после первых боев 4 и 5 июля, но я еще сильнее утвердился в своем мнении, когда увидел всю бесплодность попыток изменить абсурдное стратегическое построение наших войск на Северном фронте. Уже после потери Вильно я пришел в своих раздумьях к твердой убежденности, что моментом смены командования на Северном фронте будет переход наших войск через Буг и Нарев. Я предполагал, что большая часть войск полесской группировки, практически не задействованная в боях при отступлении, сможет удержать Брест и его предместья и тем самым прикрыть с юга сосредоточение войск для нанесения мощного удара. Но необходимым условием этого сосредоточения было устранение такого сильного козыря противника, каким являлась конница Буденного. Пехоту неприятеля на нашем южном фронте я не особенно принимал во внимание: после разгрома советской 12-й армии на Украине она не представляла собой опасности и была, по сути дела, придатком конной армии Буденного. Несколько новых дивизий, появившихся на этом фронте, хоть одна из них и носила гордое название "железной", быстро исчерпали все свое „железо" в боях с нашей 3-й армией генерала Рыдз-Смиглыго и утратили энергию и всякую охоту к бою. Маховиком войны на юге была конница Буденного, и, я думаю, мне не было бы трудно после устранения или, по крайней мере, нейтрализации этой конницы перебросить достаточно крупные силы с юга и сосредоточить их где-нибудь между Кове-

лем и Брестом для перехода совместно с полесской группой в контрнаступление в северном направлении.

В своих расчетах я учитывал и моральное состояние армии. Если на севере наблюдалось прогрессирующее разложение морального духа, то на юге, наоборот, была заметна как бы консолидация и крепнущее чувство уверенности в скором преодолении кризиса. Растянутый северный фронт отступал и разламывался часто из-за пустяковых причин, а войска во многих случаях отходили без боя и в беспорядке; на юге же армия демонстрировала постоянную готовность к маневру, просто рвалась в бой. А бои, даже и не приносящие победы, день за днем уменьшали и истощали главные силы противника — Буденного, силы, которые он мог пополнять с великим трудом. Без того большая и с каждым днем всевозрастающая разница в боевой мощи между нашим северным и южным фронтом наиболее отчетливо проявилась в размерах территории, отдаваемой противнику при отступлении. Действительно, если в качестве исходной даты принять 4 июля, когда начались бои на севере, а в качестве конечной — 20 июля, когда войска северного фронта вышли примерно на рубеж Немана и Шары, то цифры подтверждают правильность моей мысли. Например, в 1-й армии 10-я дивизия отступила за это время на 395 километров, а 2-я дивизия легионеров 4-й армии — на 295 километров. Эти показатели для трех южных армий — 6, 2-й и 3-й — составляют соответственно 100, 80 и 130 километров. Эти цифры очень показательны и с каждым днем, с каждым километром становились еще более показательными. Добавлю, что формирование с нашей стороны достаточно многочисленного кавалерийского корпуса в Замостье хоть и медленно, но приближалось к концу. Я выезжал туда, чтобы ускорить организационную работу и успеть своевременно использовать эту кавалерию в боях. Я предполагал, что где-то в конце июля буду готов перейти к решающим операциям. На Буг и Нарев были высланы добровольческие батальоны и пополнение для отступающих частей 1-й и 4-й армий. Примерно 25 июля я приказал сосредоточить на юге силы для удара по коннице Буденного. Главный удар

должна была нанести с севера, из района Берестечка, 2-я армия, усиленная только что сформированными кавалерийскими дивизиями. С запада ее должны были поддерживать части 6-й армии.

К сожалению, сосредоточение сил шло так медленно, а начало боя, завязавшегося в районе Берестечка, было таким неопределенным, что хоть конница Буденного и была вынуждена отступить под натиском двойной атаки, тем не менее сражение развивалось не так, чтобы можно было рассчитывать на его быстрый и решающий исход. Я не мог лично, как намеревался, прибыть в действующую армию. Мой автомобиль отказывался ехать по размякшим после дождей дорогам. И пока я, сидя в Хелме в штаб-квартире командующего фронтом генерала Рыдз-Смиглыго, с нетерпением следил за ходом боев, на севере противник уже почти занял Ломжу и быстро приближался к Бугу и Бресту. Помню, 30 июля я приказал узнать у генерала Сикорского, обороняющего Брест, на какое время я могу рассчитывать, как долго он сможет удерживать Брест и его предместья? Это было для меня очень важно, потому что я намеренно оставил на Стоходе части 3-й армии для прикрытия с востока всего района Ковеля, где намеревался сосредоточить силы для контрнаступления, если удастся покончить с Буденным. Ответ был утешительным. Генерал Сикорский рассчитывал, что он сможет продержаться в Бресте до 10 дней, то есть, несмотря на довольно медленное развитие операции по уничтожению неприятельской конницы, мне удастся ее завершить. К сожалению, предложения генерала Сикорского оказались ошибочными. Брест пал на другой день, 1 августа. Брест пал, а вместе с ним и все мои расчеты и надежды. Если раньше я был очень иронично настроен в отношении тесного увязывания процесса управления войсками с географическими названиями, геометрическими фигурами и громкими словами из области стратегии и тактики, то теперь я старался быть критичным и в отношении себя самого, часто задумываясь, а не попал ли я в такую же западню в связи с Брестом. После падения этой так называемой крепости я целые сутки выжидал, не меняя приказов,

хотя командующий 3-й армией генерал Зелинский находился в Ковеле, в районе предполагаемого сосредоточения, имея совершенно открытый северный фланг. Ко всему прочему, от занятого противником Бреста на Ковель вела мощеная дорога, в два раза более короткая и удобная, чем дорога из-под Бродов и Берестечка, где находились, связанные боем, мои силы, которые я мог использовать для проведения намеченного контрнаступления. Речь шла о том, снять прикрытие с востока, растянутое вдоль линии Стохода и верхнего течения Стира, и тем самым отказаться от давно спланированного удара на север вдоль восточного берега Буга, или же продолжать осуществление своего предыдущего замысла? Падение Бреста, на который я возлагал столько надежд, было для меня как гром среди ясного неба — настолько оно было неожиданным. Но после суток колебаний и размышлений я решил отказаться от своей идеи и отдал приказ об эвакуации Ковеля и об отводе армии прикрытия к Бугу.

Глава VIII

Второго августа, вернувшись из Хелма в Варшаву, я нашел ее еще более тревожной, чем при отъезде. Дей — ствительно, последняя водная преграда, защищающая Варшаву с севера и востока — Нарев, была практически в руках противника. На следующий день пала Ломжа, и вся наша 1-я армия отступала к столице. На Буге войска нашей 4-й армии и полесской группы еще вели кровопролитные бои. Левый фланг этой армии был уже сильно загнут вдоль Буга на запад — его потеснили продвигающиеся вперед части советских 15-й и 3-й армий. Южнее по моему приказу отходили также к Бугу в направлении Хелм, Грубешов и Сокаль 3-я и часть 2-й армии. Бои с конницей Буденного затихали. Броды у Буденного мы отбили, и, несмотря на то, что в последней фазе боя наша кавалерия была слегка побита под Клекотовом, конная армия Буденного после этого боя уже не имела сил немедленно перейти к наступательным операциям. Таким образом, общая стратегическая обстановка практически не изменилась. Как и раньше, начиная с 4 июля, наш северный фланг был слабее, чем южный, и можно было предполагать, что как только п.Сергеев со своей 4-й армией одержит где-нибудь победу, сразу же начнут отступать 1-я, а за ней и 4-я армии. И тогда наш южный фланг, только что поделивший победу с Буденным, будет оставлен на произвол судьбы.

Таким образом, стратегическая обстановка складыва-

лась следующим образом. Советские войска приближались к столице Польши — Варшаве, что существенно ухудшало наше положение и давало стратегическое преимущество противнику. Этого преимущества не могло компенсировать даже то обстоятельство, что впервые за такое долгое время конная армия Буденного, наполовину разбитая, находилась перед нашим фронтом, а не как раньше — в тылу. Но, может, в наибольшей степени на изменение стратегической обстановки обеих сторон оказал влияние тот факт, что между севером и югом уже переставал существовать мощный стратегический барьер в виде Припяти, окруженной болотами. Мы, поляки, уже могли использовать все выгоды, вытекающие из отсутствия этого барьера, зато советские войска еще имели перед собой Буг, который сковывал свободу маневра силами и средствами.

И если мы перелистаем книгу п.Тухачевского, то увидим, что он стремится приписать свое поражение под Варшавой прежде всего тому обстоятельству, что он не смог объединить в едином усилии действия севера и юга. Анализу обстановки как со своей стороны, так и с нашей, польской, п.Тухачевский посвящает целые две главы. Мне трудно исправлять все его ошибки, касающиеся наших войск. Их так много, что, вопреки своему замыслу, мне пришлось бы написать слишком объемистую работу. Мне не хотелось бы корректировать выводы п.Тухачевского еще и потому, что обе главы несут на себе, кстати вполне понятный, отпечаток поиска своего оправдания за то поражение, которое он потерпел, продвигаясь к Висле, под Варшаву. Поэтому я остановлюсь лишь на некоторых, особенно бросающихся в глаза ошибках п.Тухачевского и перейду к оценке его стратегического анализа.

Как я уже говорил, главную причину своего поражения он усматривает в отсутствии взаимодействия между ним и южной частью советских войск — 12-й и 1-й конными армиями. Такие сетования мне не кажутся обоснованными. Пан Тухачевский ссылается на обещание главнокомандующего, что после прохождения Бреста, то есть линии Буга, под его командованием будут объединены все силы, действующие против Польши. Но Буг не

был перейден южной группировкой, и все попытки его форсирования южнее Бреста противник успешно отразил. Пан Сергеев, также размышлявший над этим вопросом, более откровенен: „Неудачи под Хелмом и Грубешовом показали, что 12-я армия пройдет только там, где ее пропустит противник“. И далее: „Неудача под Бродами уже должна была навести на размышления“ (стр. 102, 103, Сергеев — цит.соч.). Сетования П.Тухачевского действительно странны. Интересно, что бы он сказал, если бы, например, услышал, как жаловался Буденный на то, что в момент, когда он также предпринимал свой поход к Висле и уже подходил к Замостью, п.Тухачевский, тогда уже разбитый под Варшавой, ничем не помог ему в его благородных намерениях. Пан Буденный был бы так же прав, жалуясь на п.Тухачевского, как и п.Тухачевский, когда он жаловался на п.Буденного. Конница Буденного в то время была частично разбита и отходила на восток, чтобы зализывать свои раны. В отбитых у этой конницы Бродах мы, поляки, могли совершенно свободно и беспрепятственно погрузить нашу 18-ю дивизию, которая как раз и брала Броды, и преспокойно вывезти ее к находящейся в опасности Варшаве. Оставалась только 12-я армия, о которой я уже писал, что после поражения, которое я ей нанес в апреле на полях Украины, она до конца войны не представляла собой большой военной ценности. Я рад, что у п.Сергева нахожу такую же оценку этой армии. За все время боев под Варшавой она не смогла сломить сопротивление не то что трех дивизий, которые тогда еще стояли против нее, но и одной нашей 7-й дивизии, прикрывавшей под Хелмом до самого конца варшавского сражения правый фланг нашего контрнаступления от Вепржа. Одно из двух: либо п.Тухачевскому в расчете на взаимодействие с южной группировкой следовало подождать ее, а может быть, и помочь ей, либо не жаловаться и не сетовать потом, когда он отважился начать решающий „поход за Вислу“ без какого-либо намека на возможность эффективной помощи с юга.

Тем временем п.Тухачевский в расчете на такое взаимодействие не только решается идти вперед, но

своим приказом от 8 августа отводит свои войска значительно севернее, обходя главными силами (двумя армиями) даже Варшаву. Создается впечатление, что он избегает взаимодействия, на которое так надеется. Впрочем, в качестве помощи он получит самую северную дивизию 12-й армии (58-ю), которая подходила к Влодаве несколько южнее Бреста. Признаюсь, что как во время самой войны, так и теперь, при ее аналитическом разборе, я не могу избавиться от впечатления, что п. Тухачевский вовсе не рассчитывал на взаимодействие с югом, потому что он поставил себе такую далекую цель, как форсирование Вислы между Плоцком и Модлином*, что явствует из его приказа, с которым я смог ознакомиться только сейчас. А достижение такой глубокой цели было бессмысленно связывать и с действиями 12-й армии, робко переминающейся с ноги на ногу у Буга, и с действиями потрепанной армии Буденного, которая в течение нескольких дней после неудачи под Бродами не подавала никаких признаков жизни. Если сосредоточение советских войск под Варшавой (чего, кстати, я ожидал) отодвигало п.Тухачевского от 12-й армии на Буге более чем на 200 километров, то „поход за Вислу" в ее нижнем течении за Варшавой (чего я совсем не ждал) добавлял к этому расстоянию еще добрую сотню километров, превращая в полную иллюзию взаимодействие с оставшейся где-то далеко на востоке 12-й армией.

В начале своей работы, характеризуя п.Тухачевского, я говорил, что вижу в нем тип полководца, слишком поглощенного решением только своей задачи и только своими мыслями. Этот тип я называю типом доктринера, для которого наполеоновское „realite des choses"*** просто не существует. Предполагаю, что и в этом случае п.Тухачевский спокойно оставил без внимания реальную обстановку за южным флангом своих армий и пренебрег грозившей ему опасностью. Второе забвение „realite des choses" выразалось, как мне кажется, в недооценке противника, которого он так часто и в своем воображении, и в своей книжке „давил", „громил" и „рассеивал".

*Город Модлин в книге М.Тухачевского Новогоргиевск.

**„realite des choses" (фр.) — реальность вещей.

Правда, здесь у него было немалое оправдание. Воюя до сих пор с генералом Шептицким, он дошел до Вислы относительно легко и все попытки сопротивления пресекал практически силами одной 4-й армии. Он сумел сосредоточить против нашей 1-й армии свои превосходящие силы, оставив против остальных наших войск лишь малую часть своих, как будто был совершенно уверен, что с нашей стороны не может быть никакого сюрприза. Но когда п.Тухачевский в своей работе анализирует обстановку, он впадает в странное противоречие. С одной стороны, свято веря в так часто повторяемое „раздавливание“, он утверждает, что „это была уже не та армия, с которой нам пришлось сразиться в июле того же года“, так как она была полностью деморализована. Кроме того, все наши тылы, оказывается, „были zagrożены дезертирами“, а наряду с этим, в возбужденном классовыми отношениями воображении п.Тухачевского, внутри Польши везде что-то „глухо волновалось, хлопотало и бурлило“. Таким противником можно было пренебречь! Однако п.Тухачевский преувеличенно и не совсем правдиво показывает неслыханно быстрый рост в этот период нашей военной мощи. При этом он добавляет, что, „несмотря на свою молодость и необученность, новые формирования были достаточно боеспособны“. Скажу опять, что такие противоречия, явно не соответствующие „realité des choses“, могут помещаться только в голове доктринара.

Результатом раздумий и размышлений п.Тухачевского был приказ, отданный им 8 августа. Его приводит п.Сергеев. Читатель найдет содержание этого приказа на стр. 77—78 брошюры п.Тухачевского. Нам, полякам, этот приказ был неизвестен, и мы были вынуждены лишь строить догадки, основанные на наблюдениях за действиями противника. Недооценка противника прослеживается в этом приказе особенно отчетливо. Пан Тухачевский знал, что именно в Варшаве и ее окрестностях, а сюда я включаю и Модлин, мы сосредоточили крупные силы для обороны столицы. Об этом он пишет на стр. 72 своей брошюры. Несмотря на это, п.Тухачевский направляет к Варшаве и Модлину две свои самые южные армии, а две

северные, в том числе самую сильную, 15-ю, бросает в обход Варшавы с приказом форсировать Вислу на участке между Плоцком и Модлином. Иными словами, он совершает маневр, при котором его силы, и без того слишком удаленные от 12-й армии, оставшейся на Буге, рассекаются надвое широкой водной преградой — Вислой. Надо иметь слишком слабое представление о противнике и его боеспособности, чтобы отважиться на такой опасный маневр. Задачу прикрытия этого маневра с юга могла бы выполнять так называемая Мозырская группа, в состав которой, по данным п.Сергеева, входили две дивизии. Этой группе была придана приближающаяся, но все же находящаяся еще слишком далеко 58-я дивизия из состава 12-й армии. Однако в приказе Мозырская группа не получает четкой и ясной задачи на прикрытие маневра, наоборот, п.Тухачевский приказывает ей также выдвигаться к Висле и форсировать ее в районе Демблина*.

Повторяю, об этом приказе я ничего не знал. Я только наблюдал за перемещениями советских войск, приближающихся со всех сторон к Варшаве. Но зная, какое большое влияние на исход любой войны оказывает занятие противником столицы, я предполагал, что п.Тухачевский будет стремиться сосредоточить все свои силы для прорыва нашей обороны и взятия Варшавы. Правда, я наблюдал определенные маневры конницы п.Сергеева, не приближающие ее к Варшаве, а направленные строго на запад, но приписывал это замыслу п.Тухачевского отрезать нас от моря, то есть от Гданьска, при помощи какого-то передового отряда конницы при поддержке некоторой части пехоты. В анализе п.Тухачевского такой вариант рассматривается, но, видимо, при отдавании приказа он от него отказался, потому что 8 августа он предписывает северной, 4-й армии выставить в направлении на Торунь (Торн в книге М.Тухачевского. — Прим.перев.) лишь небольшое прикрытие.

В отношении наших действий у п.Тухачевского есть еще одно странное недоразумение. Он утверждает, что

*Город Демблин в книге М.Тухачевского Ивангород.

мы вывезли из Восточной Галиции почти все войска, оставив там только украинские формирования Петлюры и генерала Павленко с одной кавалерийской дивизией. Правда, он сам сомневается в этом и уточняет, что кое-какие пехотные дивизии, как осколки нашей армии, там могли еще остаться. Но, одобряя в другом месте эту нашу смелость, он тем самым, как мне кажется, ищет возможность преувеличить собранные против него польские силы и одновременно обвинить своих южных коллег в том, что они не помогли ему во время разгрома под Варшавой. Тем временем дело обстояло совершенно иначе. Из нашей 6-й армии была вывезена только 18-я дивизия и небольшая часть конницы, а 12, 13-я и половина 6-й дивизии остались на месте. Кроме того, туда прибыла 5-я дивизия, сильно потрепанная в боях на севере, и я приказал направить ее во Львов для пополнения и переформирования, так как она в основном состояла из львовян и поляков — жителей Восточной Галиции. Тогда же, когда п.Тухачевский только готовил свой приказ, то есть 6 и 7 августа, против 12-й армии еще стояли мои самые лучшие дивизии — 1-я и 3-я легионеров. Такая обстановка не могла быть неизвестна п.Тухачевскому, и если он мог не заметить прибытие под Варшаву 18-й дивизии, то все остальные изменения в группировке наших войск никак не могли быть учтены в приказе от 8 августа по той простой причине, что они произошли значительно позже. Мои вступительные замечания слишком затянулись, но это оттого, что в обеих главах, посвященных подготовке к варшавской операции, у п.Тухачевского часто бывает очень трудно доискаться исторической правды, так как в них он долго и многословно сокрушается по поводу неудачной операции и приводит множество аргументов и мотивов, не связанных с его мыслями перед отдаванием приказа 8 августа, а вытекающих из более поздних колебаний, анализов и оценок.

По странному стечению обстоятельств приказы на варшавское сражение с обеих сторон были отданы почти одновременно: разница составила всего двое суток (наш приказ датируется 6 августа). Прежде всего хочу опро-

вергнуть бытующее утверждение, якобы эта дата была связана с созывом какого-то военного совета. Так вот, все важные решения во время войны я принимал сам, без всякого совета. Когда 2 августа я вернулся в Варшаву с юга, из Хелма, то нашел положение очень тревожным. Наша столица была в опасности, и я немедленно ощутил давление со стороны военных кругов, которые требовали немедленных действий. Все без исключения сходились в одном мнении, что именно Варшава, а не что-нибудь другое является целью операций п.Тухачевского. Все ответственные лица — и военные, и гражданские — пребывали в сильном нервном напряжении. Как всегда бывает в таких случаях, неудачи последнего месяца со всеми моральными и материальными последствиями особенно остро переживали военные. Что касается меня лично, то, будучи настроенным бороться до конца, я тем не менее, также был под сильным впечатлением неудавшейся операции по нанесению контрудара из-под Бреста и в первый момент просто не видел разумного выхода из создавшейся ситуации. Поэтому, решительно пресекая все попытки оказать на меня какое-либо давление, я объявил, что приму окончательное решение 6 августа. Уже в этом выборе даты, которую я считал счастливой, так как она была связана с моим недавним прошлым — днем выступления в 1914 году из Кракова на войну, каждый аналитик легко заметит чувство неуверенности в себе, как бы внутреннее колебание. Ведь давно прошли те времена, когда вожди имели около себя прорицателей, указывающих счастливые и роковые дни. Поэтому смею утверждать, что дата приказа не зависела от чьей-то правильной или неправильной оценки обстановки. Но из-за того, что вокруг этого решения у нас сплелся целый клубок сплетен, домыслов и легенд, которые в великом множестве можно найти также у п.Тухачевского и у п.Сергеева, я позволю себе ненадолго, просто для исторической точности, остановиться на этом вопросе, впрочем, не представляющем особой ценности для моего анализа.

По должности самыми близкими моими соратниками были в то время три человека: генерал Розвадовский,

как начальник штаба, генерал Соснковский, как военный министр, и только что прибывший из Франции генерал Вейганд, как технический советник франко-английской миссии, присланный к нам в это грозное для нас время. Мнения этих генералов об обстановке были, как всегда, чрезвычайно противоречивы. А учитывая, что обстанов—ка была накалена, по всей видимости, и дебаты в мое отсутствие были не из приятных. Я очень смеялся, потому что двое из них, генерал Розвадовский и генерал Вейганд, разговаривали друг с другом только диплома—тическими нотами, пересылаемыми из одного кабинета в другой. Примирителем и добрым духом этой вечно стю—рящей пары был генерал Соснковский, военный министр. Пан Тухачевский, видимо, что-то слышал об этих спорах, если говорит, что французские и польские писатели любят сравнивать сражение на Висле с операцией на Марне. Действительно, Марна упоминалась во всех раз—говорах очень часто, причем и генерал Вейганд, и генерал Соснковский — каждый имел свое мнение относительно Марны. Как когда-то маршал Жоффри хотел прикрыться Марной или Сеной, за которыми он мог бы перегруппи—ровать отступавшие войска к своему левому флангу, где находилась столица, Париж, так и здесь под прикрытием Сана и Вислы готовился маневр, сильным левым флан—гом опирающийся на столицу Варшаву. Как там, так и здесь готовился контрудар левым флангом, из-под стю—лицы. Генерал Розвадовский был противником этой Марны, потому что он был вообще противником всего, что говорилось в другом кабинете в здании на Сасской площади. К тому же, как своеобразный патриот Восточ—ной Галиции, он внутренне не мог согласиться с извест—ным, но враждебным ему призывом: „За Сан!“. Зато из него как из рога изобилия сыпались разнообразные концепции; ни на одной из них он не останавливался, меняя их чуть ли не каждый час.

Я пишу это о генерале Розвадовском не для того, чтобы его обидеть, а для того, чтобы не дать сделать из этого генерала посмешище, из генерала, который много потрудился в это тяжелое для нас время. Я назначил его своим начальником штаба не потому, что он был самым

подходящим на эту должность, а потому, что он являл собой счастливое исключение из всех тогдашних высших генералов. Он никогда не терял бодрости духа, энергии и моральной силы, он верил в нашу победу, когда многие, очень многие эту веру уже утратили, а если и работали, то через силу, надломленные морально. Все это компенсировало для меня большие недостатки генерала как начальника штаба, ибо я не знаю такого дела, над которым он мог бы высидеть хотя бы час. Поэтому я не удивлялся, что генерал Вейганд, привычный к систематической работе в штабах, прибег к столь дипломатическим методам в их взаимоотношениях.*

Я лично редко принимал участие в дискуссиях и спорах, но наравне с другими, даже с п.Тухачевским, позволил себе историческое сравнение, которое сейчас представляется мне наиболее точным, если вообще исторические сравнения могут быть точными. Пан Тухачевский, желая более резко выразить свое негодование по поводу действий (а вернее, бездействия) южной группировки, сравнивает битву под Варшавой с поражением Самсонова в Восточной Пруссии в 1914 году. Там ген.Ренненкампф, как здесь Буденный и командующий 12-й армией, преследуя другие цели, не помог своевременно Самсонову, когда маршал Гинденбург сосредоточил против него все свои силы и нанес ему сокрушительное поражение. Что касается меня, то я сравнивал „поход за Вислу“ п.Тухачевского с таким же „походом за Вислу“ ген.Паскевича в 1830 году. Я даже говорил, что концепция и построение марша позаимствованы, видимо, из архивов польско-русской войны 30-го года. Читая работы п.Тухачевского и п.Сергеева, я не без некоторого торжества заметил, что некоторые известные мне мотивы

*Какой-то пижон в недавно изданной брошюре "Кампания 1920 года в свете правды" пытается выставить на посмешище ген.Розвадовского, приписывая ему нелестные оценки, которые он якобы высказывал в мой адрес, и которые якобы дискредитировали меня как верховного главного командующего. Эта брошюра получила острую отповедь ген.Пискора, с которым в оперативных вопросах я работал больше, чем с ген.Розвадовский. Можно было бы не обращать внимания на подобную литературу, но если ее автор мнит себя поклонником ген.Розвадовского, то поистине, как гласит русская пословица, "выслуживающийся слуга опаснее врага".

ген.Паскевича, который боролся с революционной Вар — шавой и в память о своих подвигах получил титул князя Варшавского, как две капли воды похожи на мотивы п.Тухачевского, который спустя почти сто лет стремился захватить нашу столицу. Пан Тухачевский, как и Паскевич, опирался своим правым флангом, то есть основными силами, на якобы нейтральные, но на самом деле враждебные нам государства. Уже с самого начала он имел от этого большую пользу, так как Литва стала ему активно помогать. С обеспокоенностью я следил за развитием этих событий, особенно когда правый фланг п.Тухачевского точно так же уперся в Восточную Пруссию. Я даже велел добыть сведения, не пользуется ли он той помощью, которую когда-то извлекал из своего положения Паскевич. Он, как и п.Тухачевский, испытывая серьезные трудности с тыловым и транспортным обеспечением, пытался заручиться помощью Пруссии в поставках войскам всего необходимого, помощью, основанной на общих интересах захватчиков Польши. Особенно меня беспокоили поставки боеприпасов, которых у п.Тухачевского могло не хватать после долгого похода от Западной Двины и Березины к Варшаве.

Исторические сравнения могут и не оправдаться, поэтому всегда остается необходимость в острых, образных умах. Этой чертой должны обладать прежде всего военные, потому что ум свой и характер они оттачивают чаще всего на истории войн, даже давно прошедших. Поэтому исторические примеры часто являются отправной точкой в размышлениях полководцев. Но эти примеры не обладают такой силой, как различные доктрины и доктринки, и при их использовании в спорах и дискуссиях, как правило, меньше всего годится суровый окрик из-под купола Дома Инвалидов в Париже: „Mais c'est la realite des choses qui commande, messieurs!“*, ибо исторические примеры редко побуждают людей, а значит и полководцев, к действию. Но уж если эта тема затронута, то в литературном поединке с п.Тухачевским я не

* Mais c'est a realite des choses qui commande, messieurs! (фр.) Но, господа, ато же реальность вещей, которой нельзя пренебрегать!

могу не воспользоваться случаем и не сказать ему, что пример Марны представляется недостаточно обоснованным.

Естественно, я не имею в виду стратегическую обстановку и основные предпосылки этого сражения, потому что они не имеют ничего общего с нашим анализом по одной простой причине. Если ген. фон Клюк подставил французам свой правый фланг, сближаясь с соседней армией ген. Бюлова, то п.Тухачевский удалялся от своих южных соседей, подвергая опасности прежде всего свой левый фланг и опираясь правым на нейтральную, но враждебную Польше Восточную Пруссию. Сходство прослеживается скорее в психологическом подтексте приказов и действий немцев в 1914 году и п.Тухачевского в 1920 году — в недооценке и пренебрежении противником. Если п.Тухачевский направо и налево „рассеивал“, „давил“ и „громил“, то генералы фон Клюк, фон Бюлов и фон Гаузен, не имея в своем лексиконе этих русских слов, ежедневно слали в Главный штаб победные донесения, в которых противник спасался бегством, избегая встречи с грозными германскими когортами. А когда в Главном штабе, наконец, поверили в разгром французской армии, разгром, существовавший только лишь в поступивших донесениях, то с их фронта сразу же сняли два корпуса для других государственных нужд, два корпуса, которых как раз и не хватило для победы на Марне. У нас же, если верить п.Тухачевскому и п.Сергееву, наиболее часто „рассеиваемыми“, наиболее „раздавленными“, полностью деморализованными и небоеспособными за все время отступления от Двины и Березины к Висле всегда оказывались три наши дивизии: 8, 10-я и 1-я литовско-белорусская. Но именно эти дивизии психически лучше всех выдержали все тяготы отступления, и именно их контратаки не позволили противнику развить первый успех при непосредственном ударе на Варшаву.

Переходя к решению, которое я принял 6 августа, сразу же отмечу, что в дискуссиях, к которым я помимо воли прислушивался, не принимались во внимание два особо важных, на мой взгляд, фактора. Одним из них

было то, что мы должны были начать мирные перегово—
ры. Именно под давлением того, что п.Тухачевский
называет заговором международного капитала или меж—
дународной буржуазии, мы должны были послать свою
делегацию не куда-нибудь, а в Минск, где находился
п.Тухачевский, чтобы, как милостыню, выпрашивать у
него мир. Иначе как нищенством это назвать нельзя,
потому что мирные переговоры мы должны были начать
именно в тот момент, когда противник стоял у ворот
нашей столицы и грозил уничтожить наше государствен—
ное устройство, прежде чем молвит слово о мире. Не
знаю, какие чувства в отношении этого шага испытывали
уважаемые участники исторической дискуссии на Сас—
ской площади, не знаю и никогда не пытался узнать.
Зато могу сказать со всей определенностью, что меня,
человека, которого учили, но так и не научили покорно—
сти, именно этот момент тяготил более всего, а как
верховный главнокомандующий и глава государства я
обязан был позаботиться о том, чтобы наша делегация
не выезжала из столицы без полной уверенности в ее
безопасности. Как мы увидим ниже, это сильно сказа—
лось на моем решении.

Вторым обстоятельством, которое не учли дискусан—
ты и которое всегда тяжелым бременем лежит на глав—
нокомандующих, была вопиющая необходимость реорга—
низации управления на случай, если бы нам удалось взять
инициативу в свои руки. Еще раньше я сменил командо—
вание на севере — и ген.Шептицкого, и ген.Зыгadloви—
ча. Ген. Шептицкий был отстранен от командования
фронтом, как я и намеревался, с выходом войск на Буг.
Генерала Зыгadloвича, командующего 1-й армией, еще
раньше, при потере Гродно, заменил ген. Ромер. С
удовлетворением отмечаю, что, когда этот энергичный
генерал принял на себя командование, наша 1-я армия,
хоть и продолжала испытывать на себе давление трех
северных армий противника, сумела сделать то, что я
требовал от севера, — выиграла время.

Я всегда с удовольствием вспоминаю тот момент, как
однажды, изучая схему обстановки, составленную по
донесениям за день, я вдруг обратил внимание на нежи-

данный и небывалый дотоле факт: при отступлении на запад 4-я армия опередила соседнюю правофланговую дивизию 1-й армии (1-ю литовско-белорусскую), да так, что та была вынуждена глубоко загнуть свой оголившийся правый фланг. Впрочем, и сам п.Тухачевский признает, что сопротивление нашей 1-й армии на рубеже Нарева было первым серьезным препятствием, которое он встретил во время своего похода к Висле. Поэтому сейчас речь уже не шла о персональных перемещениях на командных должностях — решение, которое мне предстояло принять, должно было многое изменить в организации и структуре управления, в распределении задач. Иначе идея захвата нами стратегической инициативы заранее была бы обречена на неудачу.

Эти два обстоятельства давили на меня невыносимым бременем, причем первое из них неизбежно тянуло вниз, к стратегическому абсурду, против которого восставал разум. Именно этот тяжкий груз больше всего мучил меня, когда в ночь с 5-го на 6 августа не на каком-то там совещании, а в полном одиночестве, в своей кабине — в Бельведере, я терзался и изводил себя в поисках выхода, в поисках решения. Великий знаток души чело-веческой, великий психолог войны, Наполеон, говорил, что, когда ему надо принять важное военное решение, он чувствует себя „сойше une fille qui accouche" — как молодая женщина во время родов. Часто после этой ночи я размышлял о великой утонченности мысли Наполеона, который, презирая слабость прекрасного пола, сравнивает себя, колосса воли и гения, со слабой женщиной, мучающейся в родовых схватках. Он говорил, что в эти моменты ощущает в душе какую-то неясную тревогу. Вот и я в этой тревожной муке не мог преодолеть чувства бессмысленности предстоящего сражения, ощущения нелепой пассивности моих главных сил, собранных в Варшаве. Я считал, что контратака из Варшавы и Модлина безнадежна. Везде она ударит во фронт главных сил противника, стянутых к Варшаве, а ведь до сих пор ни наши войска, ни командиры так и не смогли справиться с его мощным натиском. Кроме того, над всей Варшавой сгустился кошмар бессилия и трусости.

Верным тому доказательством была делегация горожан, которые пришли ко мне с мольбой о мире. Варшаву я заранее обрекал на пассивную роль, на сдерживание натиска, который на нее обрушится. Но разум мой не мог примириться с пассивностью большей части моих сил. Когда вновь и вновь я возвращался к мысли об уменьшении столичного гарнизона, находящегося практически в бездействии, меня охватывал страх, а выдержит ли Варшава, не приведет ли сам факт вывода из города какой-то части собранных там войск к подрыву и без того слабых моральных сил и к потере веры в возможность обороны столицы. На примере Львова я хорошо себе представлял, что может значить крупный город, когда на подступах к нему идут бои и когда по его улицам во всех направлениях растекаются остатки ближайших тылов тех частей, которые ведут бой. В такие минуты солдат должен жить одной жизнью с городом, и каждое колебание души города в ту или другую сторону подрывает или поддерживает силы солдата. Я хорошо помнил, что большая часть моих сил, собранных в Варшаве, пришла в столицу после целого ряда поражений и неудач. Уменьшение числа войск, находящихся в городе, вывод из него хотя бы нескольких частей — это представлялось мне небезопасным. Так что же, десять дивизий, почти половину польской армии обрекать на пассивное бездействие? Вот вопрос, который я себе задавал. Вновь и вновь я тасовал силы, намеченные для обороны Варшавы и Модлина. Благодаря энергичным действиям, которые предпринял ген. Соснковский, сразу бросалась в глаза огромная, невиданная у нас прежде плотность артиллерии. Она приближалась к идеалу, который определял „опыт мировой войны“. Артиллерия могла вести поистине ураганный огонь — не такой, каким меня часто кормили в донесениях. И мне показалось возможным, сообразуясь со смыслом войны, смыслом тактики, хоть часть пехоты, способной двигаться и маневрировать, компенсировать огневой мощью артиллерии. Сколько раз я пытался убедить себя в том, что нельзя отдавать такие абсурдные (а для меня это было очевидным) распоряжения, столько раз я откладывал принятие реше-

ния, задавленный бременем ответственности за государство и за столицу. Я не мог заставить себя поверить ни в моральную силу армии и жителей города, ни в надежность командиров одних и других. Эти проблемы измучили меня до такой степени, что иногда по углам кабинета мне стал мерещиться кто-то хихикающий и насмехающийся надо мной за то, что в основу своего решения я кладу нелепость и глупость.

Все ходы и комбинации, которые я прикидывал, чтобы хоть как-то организовать и расставить войска в положение, удобное для проведения маневра и атаки, неизбежно оказывались более слабыми и необеспеченными, чем силы, вынужденные против моей воли вести лишь пассивную оборону. Да и откуда же было взять столько войск? Бессилие так и плевало мне в лицо, когда вновь и вновь я принимался за расчеты в надежде найти способ перехватить инициативу. В этих расчетах у меня никак не сходились концы с концами. Первое, что бросалось в глаза, — это 4-я армия, медленно отступающая от Буга. Непрерывный натиск противника выводил ее к Висле между Варшавой и Демблином. Там не было ни мостов, ни переправ. В случае сильного удара противника она могла оказаться в критическом положении вплоть до опрокидывания в Вислу. Ее нужно было сдвинуть либо к Варшаве, либо к Демблину. А может, разделить ее надвое и направить одну часть на север, а другую на юг? Если всю 4-ю армию или большую ее часть отклонить к югу, то тогда можно было бы иметь немного свободных сил, не связанных Варшавой. Но для этого необходимо было хоть как-то прикрыть и укрепить западный берег Вислы между Варшавой и Демблином, и вновь пассивная часть войск вырастала за счет сил, которые можно было бы использовать для удара. Да и моральное состояние 4-й армии внушало некоторые опасения. Правда, она отступала так же долго, как и 1-я армия, имея за собой, может, даже меньше боев, но неожиданная потеря Бреста не вселяла в меня особого оптимизма в отношении ее боевого духа.

Вторым источником сил для меня могла быть южная группировка, из которой уже была взята 18-я дивизия.

Положение на юге было лучше, чем на севере, а напряженная боевая работа и неустанная активность командиров позволяли надеяться на хорошее моральное состояние этих войск. Ситуация облегчалась тем, что Буденный теперь находился перед фронтом наших войск, поэтому его подвижная конница не могла помешать железнодорожным перевозкам и пешим маршам. Но когда я пробовал подсчитать, какие силы я могу взять с юга, то непременно приходил к выводу, что я не вправе более или менее существенно ослаблять свою южную группировку. Победа над Буденным была половинчатой, и хотя казалось, что он не в состоянии сразу же начать новое наступление, однако в случае значительного ослабления наших сил не было гарантии, что конная армия, доставившая нам столько неприятностей, не возобновит свой поход. А естественным и наиболее опасным для нас направлением ее движения было бы воссоединение с главными советскими силами, с войсками под командованием п.Тухачевского. Таким образом, все расчеты, которые я производил в ночь с 5-го на 6 августа, показывали, что я могу взять с юга, если не хочу слишком рисковать, всего-навсего два пехотных полка и еще, может, кавалерийскую бригаду. Такая немногочисленная группа вряд ли могла оказать существенное влияние на силу контрудара из-под Варшавы и укрепить боевой дух других войск. В итоге, сопоставив все данные, я приходил к одному и тому же выводу, что для контратаки можно использовать лишь три-четыре пехотные дивизии с небольшим количеством конницы. Ну и что могла дать такая контратака, если до сих пор противник успешно преодолевал сопротивление главных сил нашей армии?

Любой вариант упирался в недостаток силы, показывая всю бессмысленность борьбы или увеличивая до невероятных размеров риск, перед которым пасовала логика. Все представлялось в черном цвете, навевало безысходность и тоску. Единственным светлым пятном на моем горизонте было отсутствие в наших тылах конницы Буденного и бессилие 12-й армии, которая все никак не могла оправиться после поражения на Украине.

Реорганизация управления вырисовывалась достаточно четко. Как только большая часть войск будет собрана в Варшаве и ее предместьях, там необходимо поставить единое командование, а все имеющиеся силы разделить на две армии. Контратака, независимо от того, каким количеством сил она будет проводиться, должна управляться одним командующим. Южная группировка, которая прикрывала северную, тоже должна быть сосредоточена в одних руках. Это полностью ломало прежнюю структуру управления. Самая трудная задача выпадала на долю того, кто, будучи слабым, должен был дать силу и, вопреки здравому смыслу, решить исход сражения. Я с самого начала решил, что ни от кого из своих подчиненных не могу требовать, чтобы этот абсурд он возложил на свои плечи, и если уж я, как верховный главнокомандующий, закладываю этот абсурд в основу своего решения, то я должен взять на себя и выполнение наиболее абсурдной его части. Поэтому я утвердился в мысли, что контратакующей группой, неважно, сильной или слабой, я буду командовать лично. На эту мысль меня навело и нежелание в ходе решающей операции находиться под давлением наших мудрствующих трусов и паникеров.

Сопоставив несколько раз все возможные варианты, я определил для себя две вещи: отвести на юг главные силы нашей 4-й армии, рискнув создать прикрытие с юга, и забрать из ее состава две дивизии, которые я считал лучшими, — 1ю и 3ю легионеров. Затем я окончательно решил, что контратаку поведу сам, хотя и отдавал себе отчет, что тем самым могу внести беспорядок в управление, так как беру на себя непосредственное командование лишь небольшой частью тех войск, для которых я оставался верховным главнокомандующим.

6 августа утром прибыл за приказаниями ген. Розвадовский. Он вошел в мой кабинет, держа в руках схему — еще одно предложение. На схеме была предложена попытка решить вопрос, что делать с 4-й армией, которая была вынуждена отходить к участку Вислы без мостов и переправ. Ген. Розвадовский предлагал сосредоточить ее где-то, если мне не изменяет память, в

районе Гарволина и, предполагая, что противник стягивает все свои силы к Варшаве, ударить этой сконцентрированной группой на север, в направлении Варшавы. Я сразу отклонил этот проект, высказав сомнение в возможности такого сосредоточения. Противник, который имеет полное превосходство, без сомнения, не допустит изменения фронта, и тогда эта группа будет вынуждена либо убираться к Варшаве, либо, что еще хуже, будет опрокинута в Вислу, что само по себе означает катастрофу. Я поставил в известность своего начальника штаба, что 4-я армия своими главными силами должна отойти на юг, сосредоточиться там и перейти в контрнаступление. Я приказал также в связи с необходимостью снять с южного фронта две дивизии, 1ю и 3-ю, для усиления контратакующей группировки. Принимая во внимание, что таким образом ослабленный южный фронт скорее всего не сможет эффективно сдерживать натиск противника, я отдал указание нашей 6-й армии в случае наступления неприятеля медленно отходить ко Львову. Если же Буденный двинется на север, то вся наша конница и лучшая пехотная дивизия должны немедленно пойти вслед за ним и любыми способами помешать его продвижению. Посовещавшись, в качестве района сосредоточения мы выбрали место, защищенное сравнительно широкой рекой Вепрж, с опорой левого фланга на Демблин. Тем самым прикрывались мосты и переправы как через Вислу, так и через Вепрж. На этой основе и был разработан приказ от 6 августа, определяющий стратегическое построение войск в сражении под Варшавой.

Почти одновременно с моим приказом вышел приказ п.Тухачевского. Сопоставляя сейчас эти два документа, я очень жалею, что тогда не мог заглянуть хоть одним глазком в тайные замыслы п.Тухачевского. Какой же груз свалился бы с моей души! Сколько же других, более эффективных вариантов можно было бы разработать, если бы я знал или хотя бы предполагал, что п.Тухачевский вовсе не собирается наступать всеми своими силами на Варшаву! Это разделение надвое войск фронта и направление двух армий не для непосредственной атаки, а для долгого марша и, может, еще более долгой пере-

правы через широкую Вислу — если бы я это знал, исчезла бы добрая половина страха и тревоги за судьбу Варшавы. И я уверен, что мне не пришлось бы мучиться над абсурдом, который я положил в основу своего решения. Две советские армии теряли время, направляясь в пустоту, а время тогда было очень дорого. То есть противник терял время, а я его без особых усилий выигрывал. Не мешая п.Тухачевскому в его предпринятии, я бы попытался использовать свои сконцентрированные силы для действий по внутренним линиям и разгрома противника по частям. И кто знает, может, я и повернул бы нашу 4-ю армию не куда-нибудь, а к Варшаве.

Одно обстоятельство делало мой приказ от 6 августа еще более абсурдным — это то, что все пассивные группы либо уже были сформированы, либо получили указания отходить по прямым и естественным направлениям. Исключение, которое могло вызвать сомнения в реальности замысла, составляла как раз активная, ударная группа, так как все войска, которые должны были в нее войти, находились в непосредственном соприкосновении с противником, а направление их выдвижения в район сосредоточения требовало сложного маневра. Так, 14, 16-я и 21-я дивизии 4-й армии, ведущие 6-го и даже 7 августа упорные бои на Буге, должны были не только оторваться от противника, но и совершить рискованный, по сути дела, фланговый марш, чтобы выйти в район за Вепржем. Это особенно касалось 14-й дивизии, находившейся дальше всех на север, под Яново, так что ей предстояло совершить самый длинный марш наискось до самого Демблина. Малейшая случайность, более сильный удар противника в каком-нибудь месте, моральный надлом, время от времени случавшийся в той или иной дивизии или полку, — все это могло поставить весь маневр под знак вопроса и не давало никакой уверенности в том, что моя ударная группа своевременно соберется в назначенном районе и в таком составе, как я рассчитывал. Еще хуже складывалась обстановка для двух южных дивизий — 1-й и 3-й лег., назначенных мной для усиления контрудара. Я велел придать им часть конницы, для которой, естественно, отход был более

легким делом. Но для обеих пехотных дивизий, удаленных на 150 — 250 км от района сосредоточения и находящихся в контакте с противником, такая задача была выше человеческих возможностей. В душе я надеялся, что ген. Рызд-Смиглы, которому выпала эта задача, сумеет привести к месту сосредоточения хотя бы одну дивизию и одну кавалерийскую бригаду. О второй дивизии, которой также было приказано выдвигаться на север, я запретил себе даже думать.

Поэтому ничего удивительного, что с 6-го по 12 августа я лихорадочно следил за выполнением этого рискованного и ненадежного маневра. Наблюдение за противником и его действиями не пробудило во мне никакого подозрения, что войска п.Тухачевского, действуя согласно его приказу от 8 августа, обходят Варшаву. Правда, были маневры в западном направлении, то есть к Висле ниже Модлина. Были атакованы Цеханув и Млава, были слабые продвижения в направлении Плоцка и Влоцлавка. Но все это были выпады кавалерии, которая, как мне казалось, стремилась перерезать пути сообщения Варшавы с морем — с Гданьском. Что же касается отхода дивизий нашей 4-й армии, то он проходил почти беспрятственно, так как противник своей 16-й армией явно стремился на север, имея южный фланг этой армии на шоссе Брест-Варшава. А когда две мои дивизии миновали это шоссе, направляясь на юг, к Вепржу, воздействие противника на них практически прекратилось. Теперь я мог быть уверен, что все три дивизии успеют прикрыться Вепржем и придут вовремя в мое распоряжение.

Ген. Рызд-Смиглы справился со своей задачей отлично. Его операция и действия 1-й и 3-й дивизий составили одну из самых славных страниц в истории польской армии. Ген. Смиглы и обе дивизии нашли решение сложной задачи в активных действиях. Опираясь на высокий боевой дух войск, они перво-наперво решили ударить по противостоящему противнику, чтобы, выиграв таким образом время, спокойно отойти на север. Первая дивизия легионеров 8 августа разгромила советскую 24-ю дивизию, захватила недалеко от Горохова 8 орудий и

ускоренным маршем двинулась на Сокаль, где ее ждали подготовленные эшелоны. То же самое предприняла 3-я дивизия под Грубешовом, но, к сожалению, не имея подготовленных эшелонов, вынуждена была совершать марш на север в пешем порядке. Опоздание этой дивизии было вызвано и несвоевременным вручением ей соответствующего приказа. Но перед своим отходом 3-я дивизия все-таки успела разбить противника, форсирующего Буг, отбросить его за реку и захватить богатые трофеи. Бои 1-й и 3-й дивизий имели еще одну очень интересную и характерную черту. У одного из наших офицеров, убитого где-то в районе Хелма, противник обнаружил текст моего приказа от 6 августа, определяющего новую группировку наших сил. Эта неосторожность, так часто встречающаяся на войне и в отношении которой есть соответствующие запреты в уставах любой армии, раскрывала Советам секрет наших маневров. Так вот, и у п.Тухачевского, и у п.Сергеева читаем, что главное командование советских войск не поверило этому документу, так как из той же 12-й армии пришло донесение, в соответствии с которым дивизии, выделенные для атаки на севере, то есть 1-я и 3-я, дерутся и побеждают на юге, под Грубешовом, а не где-то в районе Любартова, где им якобы предписывает быть приказ от 6 августа. Но п.Тухачевский, хоть и утверждает на стр. 41, что спорил по этому поводу со своим начальством, тем не менее не предпринял никаких действий, чтобы самому как-то прикрыть свой угрожаемый левый фланг и тылы.

Вечером 12 августа, перед своим отъездом из Варша — вы, я еще раз собрал трех моих ближайших помощников и представил им свою точку зрения на сложившуюся обстановку. Во-первых, из 20 дивизий, которые должны были принять участие в решающих боях за Варшаву, почти 15, то есть 3/4, вынуждены играть пассивную роль, и только 1/4 сил, то есть пять с половиной дивизий, из которых к тому же одна еще не прибыла, способны вести активные действия. В Варшаве, где собрано десять с половиной дивизий, имеется, кроме того, большое количество артиллерии; на мой взгляд, одним только огнем этой артиллерии во взаимодействии с авиацией, также

сосредоточенной в Варшаве, можно сравнительно легко остановить противника. Фактор времени не имеет особого значения. Напротив, интересы страны и столицы требуют нанести неприятелю в ходе его атаки возможно большие потери, связать его боем с варшавским гарнизоном так, чтобы он не смог оказать противодействие подходящим войскам под моим командованием, то есть пяти дивизиям. Во-вторых, войска, сосредоточенные для контратаки — те самые пять с половиной дивизий, — должны получить некоторое время для отдыха, перегруппировки и доукомплектования. Мне необходимо также время для смотра войск, так как у меня имеются опасения, что их боевой дух не вполне отвечает предстоящей трудной и рискованной операции. Поэтому, по моим подсчетам, операция может начаться не раньше, чем 15 августа. Я предполагаю, что через два дня с момента начала операции мне удастся подойти к атакованной Варшаве настолько близко, что станет возможным взаимодействие с главными силами, сосредоточенными в столице и ее предместьях. В это время было бы желательно, чтобы южный фланг обороняющихся войск при поддержке всех танков, которые следует заранее собрать на этом участке, начал наступление вдоль дороги, ведущей на Минск и Брест. Дело в том, что я намеревался атаковать очень широким фронтом, и тогда левофланговая 14-я дивизия, наступающая самостоятельно вдоль Люблинского шоссе, может натолкнуться на крупные силы противника и оказаться в очень трудном положении. В-третьих, я указал на опасность, которая превращает мой маневр в очень рискованное предприятие. Сняв с юга 1ю и 3ю дивизии легионеров, я как бы открыл своего рода ворота для конной армии Буденного. Несмотря на то, что там находится наша кавалерия с задачей задержать Буденного в его возможном походе на север, но предшествующий опыт не позволяет мне быть полностью спокойным на этот счет. Конница Буденного может прийти от Сокаля и Грубешова до моих непосредственных тылов очень быстро, а это в значительной мере сведет на нет все наши усилия. При этом я предупредил, что против советской 12-й армии на Буге оставляю очень

слабые силы — 7-ю дивизию в районе Хелма и южнее нее — 6-ю украинскую дивизию.

И, наконец, при прощании с ген. Соснковским я указал ему на хаос, царящий как в системе управления, так и в организации армии, и потребовал, чтобы он настойчиво и безжалостно ликвидировал различные группы, группки, подгруппы и надгруппы, предгруппы и загруппы, которых, несмотря на все мои старания, еще оставалось так много, что были командиры со штабами без войск, а в некоторых местах дошло до того, что сотню солдат делили на три группы, каждая во главе с генералом. Я его просил также, чтобы он и в дальнейшем оставался в роли примирителя вечно ссорящихся и ссорящих генералов и всеми силами ограничивал анархию в управлении, которой я так опасался. Ибо без моего авторитета оборона столицы могла закончиться поражением даже тогда, когда у нас есть возможность одержать верх над врагом.

Отдав все эти указания, 12-го вечером я выехал из Варшавы. Я уезжал с чувством нелепости и даже некоторого отвращения к самому себе за то, что из-за польской трусости и немощи был вынужден пойти против всякой логики и против всех здравых законов войны. Но с другой стороны, признаюсь, я ощущал и сильное облегчение, так как покидал атмосферу, где минута тянется больше часа, час — больше суток, а сутки — больше недели.

Прибыв в Пулавы*, где находилась моя штаб-квартира, и сориентировавшись в обстановке, я отметил для себя сразу несколько моментов. Прежде всего, что моральное состояние всех дивизий (а их было четыре) не такое уж плохое, как я думал раньше. И хотя как раз перед моим приездом одна из дивизий, 21-я, по старой, в течение месяца выработанной привычке ни с того ни с сего отдала немногочисленной группе противника предместные укрепления на Вепрже — Коцк, который ей было приказано удерживать, тем не менее у меня сложилось впечатление, что трудный перелом в психическом

* Пулавы в книге М. Тухачевского Новая Александрия.

состоянии, в боевом духе войск, который необходим контратакующим частям после длительного отступления, отнюдь не является делом невозможным. С другой стороны, пополнение дивизий было проведено очень не продуманно с точки зрения их вооружения. Например, батальоны с французским оружием попали в дивизии, оснащенные германскими маузерами или австрийскими манлихерами. Наведение порядка требовало времени. Кроме того, бросались в глаза неслыханные прорехи в экипировке и обмундировании солдат. Таких дедов, как я их называю, мне не приходилось видеть за всю войну. В 21-й дивизии почти половина людей маршировали передо мной босиком. Мне пришло на память, сколько же раз мои подчиненные относили свои поражения за счет плохой экипировки солдат. И я подумал с горечью, что большая часть запасов была выдана войскам, которые, по моему замыслу, не должны были играть решающей роли в этой войне. И, наконец, не было полной ясности в данных, которые я собрал о противнике. Если верить стратегическому приказу п.Тухачевского, то передо мной должна быть Мозырская группа. Ее состав и силы нам не были известны с достаточной точностью. Мы знали, что в нее входит 57-я дивизия и еще какие-то отряды, чем-то напоминающие и чем-то отличающиеся от группы войск, но, повторяю, достоверных данных у нас не было. Судя по ее действиям, это была очень сильная группировка. С 4 июля она наступала по двум расходящимся направлениям, причем там, где мы были наиболее сильными — по Полесью и севернее него вдоль шоссе Бобруйск — Брест. В донесениях, поступавших в течение прошлого месяца, часто упоминались значительные силы противника, не без успеха атакующие нас то на одном, то на другом направлении. Тем временем сегодня, 13 августа, я видел перед собой, по сути, дела пустоту. Создавалось впечатление, что здесь были только дозоры; их было чуть больше у Коцка и Мачеёвиц на Висле, где эти немногочисленные группы как будто готовились к переправе через реку. Признаюсь, я принял их за партизанские отряды, разосланные по всей стране на поиски фуража, для реквизиций и грабежей. Наибольшее сосредоточение войск представляла собой 58-я дивизия

12-й армии, которая двигалась от Влодавы то ли в любартовском, то ли в хелмском направлении.

Донесения из Варшавы успокаивали: неприятель, по всей видимости, готовился к атаке и соответственно перегруппировывал свои силы. С юга тоже не поступало тревожных сообщений. Поэтому я утвердился в мысли, с которой уезжал из Варшавы. У меня было в запасе немного времени, и я решил начать свои действия не раньше, чем 17-го утром, когда наступление на столицу наберет обороты и прочно свяжет боем главные советские силы под Варшавой. За это время я мог еще сильнее сконцентрировать для удара свои немногочисленные силы и дожждаться подхода запаздывающей 3-й дивизии легионеров.

Но на следующий день, 14 августа, обстановка изменилась не в лучшую сторону. Из Варшавы поступили тревожные телеграммы. При первой же атаке Советов было сломлено наше сопротивление и штурмом взят Радимин. В телеграммах чувствовалась та паническая атмосфера, которая царил в столице. Некоторое удивление у меня вызвали сообщения о нарастающем натиске войск п.Тухачевского в западном направлении — на Плоцк и даже на Влоцлавек и Бродницу. В телеграммах говорилось не только о коннице, как я предполагал раньше. Здесь была какая-то загадка, которую я никак не мог разгадать, потому что это противоречило моей полной уверенности, что п.Тухачевский подтягивает все свои силы для штурма Варшавы. Но в телеграммах, поступивших из столицы, меня недвусмысленно просили поспешить на помощь, и, поразмыслив, я принял решение немедленно идти вперед, хоть и был к этому не вполне готов. Все эти тревоги казались мне абсолютно нелепыми и абсурдными; но один раз я уже сделал уступку страху, исходя из здравого смысла войны, поэтому после некоторого колебания я все же перенес срок начала своих действий на один день раньше и известил Варшаву, что выступаю на рассвете 16 августа. Отданный мной приказ ставил в наиболее неблагоприятное положение две крайние дивизии — 14-ю на левом и Ю легионеров на правом фланге. Я решил ударить быстро и определил

такой темп марша, который войскам, кроме 1-й дивизии, был непривычен. Приказ полностью запрещал обращать внимание на фланги: каждая дивизия должна была идти вперед с максимальной скоростью, не заботясь о том, успевают ли за ней соседи с одной и с другой стороны. Ожидая генерального сражения под Варшавой, самый быстрый марш я определил 1-й дивизии легионеров, которая уже на второй день должна была быть заходящим правофланговым плечом в случае, если бы вдруг левофланговая 14-я дивизия где-то в районе Колбели встретила сопротивление противника, успевшего организовать отпор нашим войскам, спешащим на подмогу к столице. Больше всего меня беспокоила так называемая Мозырская группа: я ничего не знал о ее составе и силах; в то же время данные воздушной разведки указывали на какое-то крупное скопление подвод, движущихся с востока и северо-востока в направлении Лукова и Желехова. Это могла быть какая-нибудь срочно высланная группа, может, даже и Мозырская, и таким образом, моя 1-я дивизия легионеров, ничем не прикрытая с востока, могла оказаться в очень опасной ситуации. В качестве общей задачи я приказал всем войскам, то есть четырем дивизиям, на второй день выйти на шоссе Брест — Варшава. Исключение составляла 3-я дивизия легионеров, которая была связана боем с 58-й советской дивизией, и я не мог на нее рассчитывать в сражении под Варшавой. Я больше надеялся на 2-ю дивизию легионеров, занимавшую пассивный участок на западном берегу Вислы севернее Демблина. Мое продвижение на север само собой снимало бы с этой дивизии все ранее поставленные задачи и автоматически отдавало ее в мое распоряжение.

15 августа известия из Варшавы были менее тревожными, но все бои свидетельствовали о том, что натиск противника все более усиливается как в окрестностях Радзимины, так и севернее Варшавы в районе Модлина. На юге же возобновила боевые действия конная армия Буденного, под ударами которой наша 6-я армия начала отходить в направлении Львова.

16 августа я выступил для проведения контратаки,

если это вообще можно назвать контратакой. В этот день в бой вступила только 21-я дивизия, которая несколько дней назад неизвестно зачем отошла из Коцка, разрушив при этом мост, и теперь должна была вброд форсировать Вепрж, чтобы вновь овладеть Коцком. Остальные дивизии шли почти без контакта с противником, ибо я не решаюсь назвать контактом незначительные стычки с немногочисленными группами, которые сразу же разбежались в разные стороны. Весь день я провел в автомобиле в основном при левофланговой 14-й дивизии, накапливая данные и периодически собирая своих подчиненных. Не могу не сказать, что в этот день вечером, когда дивизии прошли на север уже добрых 30 километров, я не переставал ломать голову над главной для меня загадкой — тайной так называемой Мозырской группы. Собственно говоря, как таковой ее не было, кроме 57-й дивизии, и это волновало меня больше всего, потому что полностью разрушало образ, складывавшийся в моем сознании по крупицам в течение целого месяца. Ведь существовала же какая-то апокалипсическая бестия, перед которой целый месяц отступали наши дивизии! Это было как кошмарный сон. В конце концов я пришел к выводу, что где-то мне приготовлена западня. Левофланговая 14-я дивизия, беспрепятственно миновав Гарволин, уже с середины дня, по сути дела, вошла в зону действий советской 16-й армии, атаковавшей Варшаву. У меня были сведения, что эта армия должна форсировать Вислу в районе Гуры Кальварии. Но передовые отряды 14-й дивизии 16 августа уже находились в 20 — 25 километрах от Карчева и Вёззовны, о которых в телеграммах говорилось, что они атакованы. А против — ника не было! Вечером я приказал 2-й дивизии легионеров немедленно сосредоточиться в Демблине и на всякий случай быть резервом в тылу, откуда можно было ждать любых неожиданностей. Ведь где-то должна быть небедимая Мозырская группа, где-то должна быть 16-я армия, атакующая Варшаву!

День 17 августа не принес разгадку. Теперь я искал ее на правом фланге. Снова я провел целый день в автомобиле в поисках хоть какого-нибудь намека на

таинственные ловушки. Ближе к вечеру в Лукове я нашел командира 21-й дивизии с его штабом, где они веселились после такого великолепного марша. Командиры бригад и некоторых полков окружили меня у стола и в один голос утверждали, что противника, как такового, нет. Они с воодушевлением рассказывали, как все местное население спешит к нам на помощь. Если какая-нибудь незначительная группа противника оказывает сопротивление, то бабы с серпами и мужики с вилами чуть ли не рвутся в босую атакующую цепь наших гуралей. Авангард гордой дивизии остановился на полпути между Луковым и Седльцами, и я приказал немедленно продолжить атаку на Седльце (Седлец в книге М.Тухачевского. — Прим.перев.) в надежде, что, может, в этом центральном пункте найду, наконец, разгадку тайны Мозырской группы. С востока доносили, что 1-я дивизия легионеров, опередив всех, своими авангардами уже вышла к Белой и Мендзыжецы (Междуречье в книге М.Тухачевского. — Прим.перев.), еще дальше остановленная на марше 3-я дивизия легионеров разбила 58-ю советскую дивизию и двигалась, толкая ее перед собой, в направлении Влодавы и Бреста. Когда под вечер я возвращался по прекрасному шоссе из Лукова в сторону Гарволина и встретил под Желеховом тылы 16-й дивизии, идущей на Калушин, мне казалось, что все происходит в каком-то сне, в какой-то волшебной сказке. Я даже не мог понять, где сон, а где явь. Был ли сон тогда, когда еще совсем недавно меня душил какой-то кошмар, с непреодолимой силой протягивающий к горлу свои отвратительные лапы, чтобы сдавить его в смертельных тисках, или я сплю сейчас, когда пять дивизий свободно и беспрепятственно проходят по той же территории, которую не так давно в смертельном страхе отступления отдавали неприятелю? И хотя сон этот был радостным, я не мог поверить в его реальность. Магическое внушение, внушение бессилия перед насилием, продолжавшееся целый месяц, не хотело отпускать. Сон радости не мог быть реальным! В таком настроении я вечером приехал в Гарволин. Как сейчас, помню ту минуту, когда, допивая чай у приготовленной ко сну постели, я вдруг вскочил на

ноги, ибо наконец услышал отзвук жизни, отзвук реальности: глухой гром пушек, долетающий откуда-то с севера. Есть противник! Он не призрак, не мираж! Не зря я стыдился того страха, которому поддался когда-то, страха перед отвратительным кошмаром, перед дикой фантазмагорией"! Противник был и заявлял о себе музыкой боя на севере. И еще не раз я поднимал голову с подушки, чтобы поверить, не ошибся ли я. Глухое грохотание орудий размеренно, не торопясь сотрясало воздух, словно рассказывало мне о бое, который велся без нервов, спокойно, размеренно. Где-то в районе Колбели или несколько дальше сражалась в ночи моя 14-я дивизия. Я быстро рассчитал, что даже если бой не принесет успеха, даже если 14-я отступит, то своим боем она облегчит положение Варшавы, а я утром успею подтянуть к месту боя вторую дивизию легионеров из Демблина и соседнюю 16-ю с востока.

Когда 18-го утром я вскочил с постели, орудий уже не было слышно. Царила полная тишина. Я решил сразу же ехать на место и там сориентироваться в обстановке. Никогда не забуду то удивительное чувство, которое охватило меня, когда я беспрепятственно добрался до Колбели и застал там только тылы 14-й дивизии. Мне доложили, что дивизия вела ночной бой, а затем ускоренным маршем двинулась к Минску, чтобы в соответствии с моим приказом на рассвете третьего дня выйти на Брестское шоссе. А где же 16-я армия? По дороге к Минску я видел ее следы: пушки без упряжек и расчетов, брошенные в поле, огромное количество трупов людей и лошадей вдоль шоссе. Мой автомобиль часто останавливали местные жители и, узнав меня, с воодушевлением рассказывали, как „большевики" в панике и беспорядке убегали в разные стороны. Многие считали мою поездку небезопасной, так как в окрестностях бродили группы рассеянных „красных казаков". В Минске я застал 14-ю дивизию, которая стояла в боевых порядках вместе с 15-м полком улан. Из докладов я узнал, что 14-я дивизия встретила сопротивление южнофланговых дивизий советской 16-й армии (8-й и 10-й). Наша дивизия, понеся относительно небольшие потери (не более 200 человек),

сломила сопротивление противника и обратила его в паническое бегство. Я узнал также, что, выполняя мой приказ, часть варшавского гарнизона, а именно 15-я дивизия, ударила вдоль шоссе Варшава — Минск и что сейчас она стоит неподалеку в Дембах Вельких. Я нашел ее там сосредоточенную и имеющую более чем странный боевой порядок: по обе стороны шоссе стояли батареи, одни повернутые на север, другие — на юг. Командир дивизии мне объяснил, что такое построение вызвано необходимостью, так как противник, поспешно отступающий из-под Варшавы, по сути дела, везде — и на севере и на юге. Я сориентировал дивизию на присоединение ее к нашей 4-й армии и приказал подготовиться к выступлению на север, чтобы форсировать Буг, за которым я рассчитывал найти противника. Для меня было очевидным, что удар, нанесенный так молниеносно, уже принес свои результаты под Варшавой. Все данные указывали на то, что уж если я нигде не могу найти так называемую Мозырскую группу, то советская 16-я армия практически прекратила свое сопротивление. Три ее дивизии (8, 10-я и 17-я) после короткого и отнюдь не кровопролитного боя были, по сути дела, полностью рассеяны. Не думаю, чтобы две оставшиеся дивизии этой армии (2-я и 27-я) были в состоянии оказать сопротивление согласованным действиям наших 14-й и 15-й дивизий с юга и дивизий варшавского гарнизона, выделенных для закрытия бреши под Радимином, — с запада. Поэтому более или менее упорное сопротивление я мог встретить только на Буге, куда противник был вынужден отвести свою 3-ю армию, которая вела бои под Зегже и далее, западнее Нарева. В противном случае эта армия могла оказаться в очень тяжелом положении, имея все пути отступления отрезанными вдвойне — противником и рекой Марев. Из этого я сделал вывод, что большая часть советских войск будет вынуждена отступать от Варшавы на восток и что с нашей стороны нужно как можно быстрее обеспечить абсолютное единство действий всех сил, собранных под Варшавой, чтобы, разбив одну из советских армий, энергичным преследованием и натиском со всех сторон завершить разгром остальных войск противника.

Я решил немедленно ехать в Варшаву, чтобы там на месте организовать и преследование, и общий удар всеми силами. Настроения в Варшаве были несколько не такие, каких я ожидал. Была и радость, и определенное чувство облегчения в связи с освобождением столицы от непосредственной угрозы, но было и беспокойство по поводу многочисленных атак на города в нижнем течении Вислы, такие как Плоцк и Влоцлавек, и тревога, вызванная все большим углублением неприятельских частей в так называемый Гданьский коридор. Всем, с кем мне приходилось разговаривать, наше стратегическое положение не казалось таким благоприятным и таким радикально изменившимся, как оно представлялось мне. И если в Варшаве еще явно ощущалось психологическое давление прежних успехов П.Тухачевского, то мне уже удалось сбросить с себя этот моральный груз, груз наших неудач в прошлом месяце. Единственную возможность для противника избежать грозящего ему разгрома я видел только в организации обороны на Буге — а туда уже подходили дивизии 4-й армии и войска ген. Рыдз-Смиглого.

Попытки ослабить напряжение на фронте восточнее Варшавы путем нанесения удара менее скованными войсками северного фронта под Модлином (наша 5-я армия) принесли некоторые результаты. Мы продвинулись до Насельска и вдоль Нарева на север. Но теперь господам в Варшаве казалось, что в случае дальнейшего продвижения 5-й армии на север ее левый фланг окажется в слишком большой опасности; то же самое относилось и к той части 1-й армии, которая наступала по западному берегу Нарева. Я лично не усматривал здесь никакой опасности и был уверен, что в любом случае противник будет вынужден отступать. Но моя уверенность не встретила понимания в Варшаве. Страх за столицу там был еще очень силен, а вклинение противника на запад слишком велико, и мне стоило больших усилий, чтобы настоять на своем.

В приказе от 18 августа я ставил нашим армиям следующие оперативные задачи:

„3. армии — прикрытие районов, прилегающих к Люблину и Хелму, выход на Буг. ведение разведки за

Бугом, а также оказание помощи левому флангу южного фронта путем воздействия с севера на части большевистской 12. армии, не ограничивая свои действия южной границей своего участка.

2. армии — активное преследование в северном направлении с задачей занять Белосток и атаковать с востока отходящие колонны противника; одновременно обезопасить себя с востока путем занятия Брест-Литовска (3 див.лег., а также приданные 2 армии 19.пех.див. и 41 пех. п. предназначаются для действий в районе Августов — Волковыск).

4. армии — активное преследование в северном направлении с задачей быстро форсировать Буг на участке Брок (вкл.) — Гранне (иск.), занять Мазовецк и притянуть противника к германской границе; быстрее действовать правым плечом для охвата противника с фланга.

1. армии — фронтальное преследование в северо-восточном направлении. Ось преследования: Варшава — Вышков — Остров — Ломжа. Кавалерию использовать на левом фланге для закрытия промежутка между пехотой армии и границей.

5. армии — полная ликвидация 3. конного корпуса 4. армии и тех частей 15. армии большевиков, которые окажутся отрезанными в результате продвижения 5. армии на север в направлении Пшасныш — Млава".

В дополнение к этому приказу поздно ночью 19 августа в Седльцах я написал письмо своему начальнику штаба, так как уже знал, что ни 4-я армия, ни войска ген. Смиглого не встретят на Буге серьезного сопротивления. Поэтому я посчитал возможным уменьшить количество войск, задействованных в непосредственном преследовании. Кроме того, войска, сосредоточенные в предместьях Варшавы, уже можно было вывезти частично на юг, а частично на восток для формирования нового фронта, повернутого не на север, как сейчас, а на восток. Зачатки такой реорганизации прослеживаются уже в приказе от 18 августа. В пункте III этого приказа я распорядился вывести из состава 5-й и 14-й армий 41-й сувальский полк и 19-ю дивизию, известную ранее как 1-я литовско-белорусская. Это было сделано для того, чтобы 41-й полк,

сформированный из сувальских добровольцев, направить в родные места для их освобождения от советско-литовских захватчиков. В свою очередь 19-я дивизия, также состоящая из добровольцев с наших окраин, должна была выдвинуться, как сказано в приказе, „скорым транспортом“ через Варшаву и Седльце в направлении на Черемшу, чтобы одной из первых очистить свою родину от врага. В письме начальнику штаба, во II пункте, я окончательно сформулировал свой замысел. Противника я считал разбитым, поэтому суть своего приказа я изложил следующим образом: „На 5. армию возлагается преследование. 4. армия наступает в северном направлении, все более сужая все пути отступления. 2. армия наносит внезапный удар с востока. Я не упоминаю о 1. армии (находящейся посередине между 5. и 4.) только потому, что для нее, видимо, не найдется места, и ее придется разделить между 2. и 3. армиями. Последнюю целесообразно использовать не только для прикрытия Буга и Люблина, но и для удара в южном направлении с целью освобождения Галиции“. Таким образом, уже к 20 августа я хотел покончить с тем стратегическим абсурдом, который я когда-то положил в основу битвы за Варшаву.

Мой приказ от 18 августа, несколько измененный на следующий день, 19-го, почти совпал по времени с приказом п.Тухачевского, датированным тем же числом, то есть 18 августа. Но при тщательном изучении материалов я нашел здесь столько противоречий, что должен остановиться на этом вопросе подробнее. Пан Сергеев на стр. 92 ясно пишет, что приказ был отдан 17 августа в 18 часов (в 6 вечера). При этом он утверждает, что 17-го утром в штаб фронта в Минске поступили сообщения о „начинающейся атаке каких-то польских сил из района Люблина, направленной прямо на север, и об одновременном разгроме Мозырской группы на широком фронте от Демблина до Влодавы“. А п.Тухачевский на стр. 83 пишет, что „к сожалению, о польском наступлении командование фронта узнало всего только 18 августа из разговора по прямому проводу с командармом 16. Последний об этом узнал только 17-го. Мозырская

группа совсем ничего не донесла о происшедшем... Командарм 16 в своем разговоре по поводу, докладывая о сложившейся обстановке, высказал свое мнение о необходимости отойти для того, чтобы устроиться, но считал наступление белополяков несерьезным и предвидел возможность ликвидировать его". Я решительно заявляю, что какой-либо разговор командующего 16-й армией из Седлец с п.Тухачевским, находившимся в Минск-Литовске, 18 августа был невозможен, потому что еще 17-го вечером Седльцы в своей большей части были заняты нашей 21-й дивизией. И совершенно неправдоподобно, чтобы командующий 16-й армией, вынужденный поспешно менять место своего пребывания, мог 18-го разговаривать таким странным образом. Вечером и ночью 17 августа большая часть его армии (8, 10-я и 17-я дивизии) отступала в панике и беспорядке, и всякое сообщение между „командармом 16" и его дивизиями этой же ночью было перерезано. В воспоминаниях пана В.Путны „Под Варшавой", где описываются действия советской 27-й дивизии, которая входила в состав 16-й армии и которая атаковала и взяла Радзимин, читаем следующее: „В соответствии с приказом командующего армией, полученным в 27-й дивизии около 16 часов 17 августа, дивизии армии должны были отойти к реке Ливец". Причем п.Путна объясняет это тем, что 8-я и 10-я дивизии, находившиеся южнее 27-й, были нами, поляками, разбиты, а польские передовые отряды уже вошли в Минск. При этом он отмечает, что, выполняя приказ, 27-я дивизия в полночь 17 августа беспрепятственно отошла из-под Радзимины, уже имея перед собой в беспорядке отступающие части соседних южных дивизий. Сопоставив все эти факты, я думаю, что дата приказа п.Тухачевского была не 18 августа; либо это опечатка, либо п.Тухачевский умышленно изменил ее при написании своей работы. Поэтому и схема варшавского сражения, прилагаемая к моим рассуждениям, показывает обстановку на 17 августа, когда уже вступил в силу приказ п.Тухачевского и на следующий день начал действовать мой приказ.

Сразу должен отметить, что и тот и другой приказ

постигла практически одна и та же судьба — в обеих армиях они были выполнены не всеми, а только частью войск. Приказ п.Тухачевского, как он сам признается, был отдан слишком поздно. Поводом к нему послужил факт, что на левом фланге советских войск обстановка складывалась критически. Пан Тухачевский добавляет, что из-за распыления усилий 4-й армии п.Сергеева при отдавании приказа у него не было уверенности, что он сможет на своем правом фланге быстро добиться решающего успеха, к которому он так стремился. Таким образом, приказ об отходе из-под Варшавы был отдан советским полководцем под влиянием неожиданного для него наступления пяти польских дивизий. Если же он говорит, что приказ опоздал, то только потому, что, направляя свою левофланговую 16-ю армию на Ливец и пытаясь таким образом, как ему казалось, вывести ее из-под удара этих пяти польских дивизий, он не знал, что эта армия уже была неспособной к какому-либо сопротивлению.

На правом, северном фланге этой армии была 27-я дивизия, та самая, которая еще несколько дней назад захватила Радзимин, чем наполнила страхом всю Варшаву. Из описания действий этой дивизии, которое я уже цитировал, приведу дословно положение 16-й армии по полудни 18 августа: «Еще 18 августа утром выяснилось, что другие дивизии армии уже сошли со своих операционных линий отступления, и их части, за небольшим исключением, двигались в северо-восточном направлении, как наименее опасном. Полевые штабы 2-й и 10-й дивизий в полдень 18 августа находились: первый — в Паплине, второй — в Суднёве, оба на участке 27-й дивизии. По шоссе Венгров — Соколов — Дрогочин шли части 21-й дивизии (она уже относилась к 3-й армии и принимала участие в боях под Раздимином), тылы и обозы 27, 2, 17, 10-й и 8-й (это все пять дивизий 16-й армии — ни одна не пропала!). Дорога была заполнена медленно движущейся непрерывной колонной в два-три ряда. Полевой штаб 27-й дивизии прибыл в Соколов в 21.30. 18 августа, когда выяснилось, что противник на рассвете 18 августа уже занял Седльцы и продвигался в

направлении на Соколов и Дрогочин; примерно в 21 час поляки уже заняли окрестности Разбитого Камня, выбив оттуда 50-ю бригаду (17-я дивизия). Бронепоезд против — ника подошел к Соколову и обстреливал из орудий шоссе, по которому все еще шли в несколько рядов обозы всех дивизий 16-й армии. Некоторые поредевшие части 8, 10, 17-й и 57-й (из Мозырской группы) дивизий и обозы отходили через Соколов в северо-восточном направлении (то есть уже не на Дрогочин!!!). В такой обстановке и при отсутствии технической связи с командованием армии в дивизии решено отойти за Буг, о чем сообщено командованиям 2, 10-й и 21-й дивизий".

Таким образом, Ливец, назначенный п.Тухачевским как место остановки 16-й армии, уже 18-го вечером был оставлен всей этой армией под натиском авангарда нашей 21-й дивизии и принадлежавшего ему бронепоезда. Ко всему прочему, с Ливца ушла и одна дивизия советской 3-й армии. Эта картина, взятая не из наших боевых донесений, а из описаний самого противника, свидетельствует о плачевном состоянии 16-й армии, которая победоносно прошла огромный боевой путь от Березины до Варшавы. Теперь же эта армия, после сражения 17 августа, всего лишь с двумя нашими дивизиями (14-й и 15-й), не смогла решить ни одну из поставленных перед ней задач под натиском всего лишь авангарда одной дивизии (21-й). Добавлю, что все три наши дивизии: 14, 15-я и 21-я, которые 17-го и 18-го последовательно громили 16-ю армию, были ее старыми знакомыми, так как от Березины и до самой Варшавы они так или иначе находились с ней в постоянном контакте. Итак, 16-я армия приказ п.Тухачевского выполнить не могла.

Посмотрим на следующую, 3-ю армию. Приказ предписывал ей остановить противника. Мы уже видели, что ее правофланговая 21-я дивизия оказалась втянутой в катастрофу 16-й армии и разделила с ней ее безрадостную судьбу. Остальные три дивизии, еще недавно атаковавшие Варшаву и Зегже, сейчас отходили за Буг. Пан Сергеев пишет, что положение соседней с севера 15-й армии резко ухудшилось 19 августа, когда она на левом фланге потеряла связь с поспешно отходящей на восток 3-й армией.

Со своей стороны процитирую отрывок из моего письма ген. Розвадовскому, написанного в ночь с 19 на 20 августа: "Для меня до сих пор является загадкой, где находится 3-я армия противника, а также та часть его 15-й армии, которая не участвует в операциях севернее Модлина". Эту загадку я пытался разгадать и много позже, после войны. Мне известно, что 3-я армия очень слабо оборонялась на Буге, затем поспешно отходила через Остров, но в результате стремительного преследования нашей 4-й армии, действовавшей в соответствии с моим приказом от 19 августа, эта советская армия не смогла выполнить задачи, возложенные на нее п.Тухачевским, то есть не остановила противника. Правда, 20-го и 21-го время от времени случались стычки с небольшими отрядами, которые легко рассеивались, но настоящего и организованного сопротивления оказано не было. На последней схеме п.Сергеева я нахожу 3-ю армию 19 августа — под Вышковом, 20-го — за Островом, а 22-го она старательно обходит Белосток и Ломжу и уже устремляется в направлении Осовца. И вновь я должен констатировать, что еще одна советская армия, 3-я, не выполнила приказ п.Тухачевского и, победоносно преодолев перед этим огромное расстояние от „извилистого ручейка Ауты" до полноводной Вислы, теперь быстро, очень быстро отступала, не желая выполнять приказ и вступать в бой с двумя польскими дивизиями, наступающими на нее с юга.

Приказ п.Тухачевского был выполнен только его 15-й армией, которая встала стеной для спасения положения. В ее задачу входило обеспечение отхода 4-й армии, авантюрно выдвинутой далеко на запад, и в течение 18 и 19 августа она старалась эту задачу выполнить. Но как всегда бывает при поражениях, в худшем положении оказывается самый стойкий. 15-я армия была атакована тогда, когда другие армии либо поспешно отходили на северо-восток (16-я и 3-я), либо пытались собрать для отступления свои слишком разрозненные дивизии, как это делала 4-я армия, которая, кстати, слишком поздно получила приказ.

Ситуацию, в которую попали советские 15-я и 4-я

армии, невозможно понять, не сопоставив ее с действиями наших войск западнее Нарева. Как я уже говорил, мой приказ от 18 августа не был в точности выполнен всеми войсками. Приказ ясно указывал общее направление наступления всем армиям, за исключением самой западной, 5-й, на северо-восток. 4-я армия должна была идти в общем направлении на Мазовецк с таким расчетом, чтобы сблизиться со слишком изолированной 2-й армией ген. Смиглого, движущейся к Белостоку. Эта 2-я армия имела двойную задачу: прикрывать нас с востока, выделив для этого большую часть сил, и одновременно попытаться перерезать пути отхода противника на восток на линии Бельск — Белосток. Сил для этого у нее было очень немного — естественный итог абсурда, заложенного в стратегическое построение для битвы под Варшавой.

1-я армия, освобожденная от какого-либо воздействия противника в результате моей удачной контратаки со стороны Вепржа, в приказе от 18 августа получила направление дальнейших действий на Ломжу — Остроленку. Этого она не выполнила ни 19-го, ни 20-го. Уже в приказе на 19 августа действия 1-й армии были как бы раздвоены. Выполняя мой приказ от 18 августа, 8-я и 10-я дивизии и 7-я резервная бригада начали выдвижение на Буг, выдерживая указанное направление на Ломжу и Остроленку, а действия остальной части этой армии как бы слились с действиями 5-й армии. Таким образом, когда противник, по сути дела, уже начал отступать, наша 1-я армия в соответствии с приказом ее командующего держала свои главные силы не восточнее, а западнее Нарева. Уже 20-го такая западная направленность мыслей и действий командования 1-й армии проявляется настолько явно, что вся армия, не исключая и дивизий, действовавших восточнее Нарева, получает приказ вернуться на западный берег Нарева. Это распоряжение, в корне противоречащее моему приказу от 18 августа, было вызвано предположением, что противник концентрирует две свои армии, то есть 4-ю и 15-ю, севернее Цеханова в районе Млавы.

Когда я говорил, что единственной армией, выполнившей приказ п.Тухачевского, была 15-я, то не могу не

признать, что в течение 18 и 19 августа она действовала очень доблестно, ибо вызвала концентрацию польских сил в западном направлении, наиболее непригодном для всей операции, тем самым отвлекая на себя целую нашу Ю армию. Это направление было тем более неудачным 20 августа, так как советская 15-я армия вечером 19-го решила отойти через Остроленку как раз в направлении на Ломжу, из которой по роковому приказу, противоречащему, повторяю, моим распоряжениям, ушли наши войска. Пан Сергеев на стр. 92 не оставляет в этом никаких сомнений. Он пишет, что приказ об отступлении получил в Сероцке только 19 августа. Он еще мог через Млаву и Пшасныш лично переговорить с п.Тухачевским, находившимся в Минске. И только после личного разговора с командующим фронтом он „убедился в необходимости отвести свои войска не под Цеханов, а значительно дальше на восток. Только 19 августа 4-я армия начала свой отход“. Что касается 15-й армии, то п.Сергеев пишет, что 17, 18 и 19 августа она вела бои и еще держалась, „но не получив помощи на своем правом фланге от 4-й армии, а на левом потеряв связь с поспешно отходящей на восток 3-й армией, она решается, впрочем, в соответствии с директивой фронта, на отход и идет через Остроленку на Ломжу“. На стр.94 п.Сергеев рассказывает, что в тот же день, 19 августа, когда вновь прервалась связь с командованием фронта, он попытался ее установить через 15-ю армию и попал как раз на тот момент, когда ее арьергарды покидали Цеханов в направлении на Остроленку. Поняв, что он уже отрезан от 15-й армии, и не желая попасть в плен, он поехал на восток на Августов и Гродно. Итак, в то время, когда 19-го вечером 15-я армия поспешно отступала на восток, наша 1-я армия предпринимала забавный маневр форсирования Нарева в прямо противоположном направлении — на запад.

Этот странный и нелепый приказ, в немалой степени уменьшивший масштабы поражения советской армии под Варшавой, вызвал с моей стороны сильное негодование, но, к сожалению, слишком незначительные исправления. В специальном приказе, направленном на 8-ю дивизию,

уже подошедшую к Острову, я ей запретил выполнять приказ командующего своей армией и подчинил ее 4-й армии, которую и направил на осиротевшее направление — на Ломжу. Этим я ослабил натиск на отходящую советскую 3-ю армию, которая, по определению п.Серге-ева, меньше других ощутила на себе последствия варшавского поражения. Этим же я подверг опасности армию ген. Смиглого и особенно ее правофланговую Ю дивизию легионеров, которая была обречена на действия в полной изоляции без какой-либо поддержки соседних армий*.

Не раз по окончании войны я пытался проанализировать свои действия и действия других людей во время варшавского сражения. Мне всегда казалось, что я не полностью воспользовался обстановкой, сложившейся в результате атаки пяти наших дивизий от Вепржа. Этой атакой я достиг того, что 17 августа был отдан приказ об отступлении всех „советских войск от Варшавы на восток. Но анализ всегда приводил меня к мысли, что с моей стороны имели место довольно существенные промахи, которые не позволили превратить разгром, нанесенный советским войскам под Варшавой, в окончательное поражение воюющего с нами государства, из которого оно уже не нашло бы выхода. Первый недостаток, который я оценил сразу, — это неэффективное использование времени 18 августа, то есть дня, который я провел в Варшаве. Этот день для нашей 4-й армии, а точнее — для ее последующего наступления, был практически потерян. Без моего непосредственного нажима эта армия почти ничего не предприняла, даже для выяснения обстановки. А если бы я ее продолжал подталкивать, она могла бы свободно выйти к Бугу и своими

* Мне не удалось найти в наших архивах довольно резкую депешу, которую я направил из Седлец командованию 1-й армии в связи с ее неожиданным маневром. В сохранившихся у меня черновиках, кроме резкого определения "идиотизм", я называю этот маневр "концентрацией в направлении Познани". Тем самым я проводил аналогию с бегством из находившейся в опасности Варшавы многочисленных элементов, наиболее привыкших к смирению и покорности. Эти трусы бежали в Познань, куда хотели эвакуировать также правительство и центральные учреждения.

авангардами уже 18-го показать размеры поражения, которое потерпела советская 16-я армия, а также войти в соприкосновение с отступающей 3-й армией противника.

Такая возможность существовала, если учесть, что действия 4-й армии могли быть дополнены и поддержаны усилиями всей 1-й армии, если бы она в тот же день двинулась в направлении, определенном для нее только приказом от 18 августа пополудни. Я провел этот день в Варшаве, где, как я уже говорил, не хотели смотреть на обстановку так оптимистически и где пытались обойтись лишь половинчатыми мерами. Вторым промахом, вскрытым при тщательном анализе, было 19 августа, когда, увидев половинчатость мер, предпринимаемых юсподами в Варшаве, я не взял немедленно все бразды правления в свои руки и не ликвидировал в зародыше организационный хаос и бездеятельность в управлении, которые развивались и нарастали после моего отъезда из столицы 12 августа. Страх и абсурд, порожденные нашими неудачами и поражениями за последний месяц и положенные в основу решения на варшавское сражение, настолько сильно укоренились в столице, что люди с большим трудом освобождались от их влияния. Здесь постоянно ощущалось желание держать на непосредственном фронте у Варшавы побольше войск, как бы ограждающих город от страха. Быстрый, молниеносный поворот событий, совершенный мной при помощи столь мизерных сил, всем казался каким-то непрочным и ненадежным — ведь перед этим вся наша армия в течение полутора месяцев не могла справиться с неприятелем ни на юге, ни на севере. В такой атмосфере, когда по городу еще блуждал призрак недавнего кошмара, подхватывался любой слух о мельчайшем проявлении активности противника и на этом фоне раздувалось пламя панического страха перед все еще возможным поражением и гасилась всякая искра надежды на победу. В умах и сердцах как бы продолжалось затмение, в то время как я уже 19-го и 20-го чувствовал себя совершенно свободным от какого-либо страха. Я прекрасно понимал, что надо как можно скорее убрать из-под Варшавы этот стратегиче-

ский абсурд — чрезмерное и бессмысленное скопление войск. Как уже говорилось, во время моего пребывания в Варшаве 18 августа самые горячие дебаты разгорелись вокруг известий из Плоцка, захваченного в этот день Советами, вокруг сообщений о штурме Влоцлавска и о передвижениях советских войск в предместьях Бродницы и Торуня. Этим как бы еще больше нагнеталась мнительность, порожденная нашими недавними поражениями, — враг продолжал продвигаться вперед, на запад, захватывая все новые города. Поэтому, признаюсь, я с удивлением читал у п.Тухачевского его жалобы на 4-ю армию, а у п.Сергеева — признание во всех грехах, которые приписывались 4-й армии в период варшавского сражения. Ну а нарекания п.Тухачевского уж совсем необоснованны. Ведь 8 августа он сам отдал приказ, предписывающий 4-й и 15-й армиям не взятие Варшавы, а „поход за Вислу“.

Вот и пошли обе армии прямо на запад, мимо Варшавы, мимо сосредоточенных там польских войск. А до Вислы в районе Плоцка и Влоцлавка дошла только 4-я армия п.Сергеева, двигаясь, как и раньше, широким фронтом. Для идеи форсирования Вислы это был совсем неплохой способ. Так за что же п.Тухачевский жалуется на п.Сергеева? По-моему, оба автора, критикуя действия 4-й армии, испытывали чье-то влияние. Судя по цитатам, этим авторитетом был один из французских офицеров, который провел анализ, кстати, очень поверхностный, и издал брошюру об этом сражении. Сей француз с иронией замечает, что советская 4-я армия, вместо того, чтобы быть под Варшавой, боролась скорее с Версальским договором, чем с поляками. Он даже относит советское поражение в варшавской битве в какой-то степени за счет отсутствия взаимодействия 4-й армии с другими войсками. Для меня эта нелепая мысль вполне объяснима. Она основывается на самовнушении страха за Варшаву, когда все, даже не подозревая об этом, подсознательно хотели видеть войска п.Тухачевского, сосредоточенными у стен столицы, а не где-нибудь в Другом месте. Тем временем, в соответствии с приказом от 8 августа, 4-я армия и не собиралась драться за

Варшаву, как, впрочем, и самая многочисленная 15-я, которая обходила нашу столицу и вела бои только одним своим левым флангом. Надо прямо сказать, что Вислу в этом „походе за Вислу” увидела только одна 4-я армия п.Сергеева. Продвинувшись дальше всех на запад, она оказалась при отходе в самом затруднительном положении по сравнению с другими армиями. Но ее заслуга состоит в том, что она долго сохраняла в нас, поляках, призрак наших былых поражений и этим очень помогла 3-й и 15-й советским армиям при их отступлении.

Вернемся, однако, к истории отхода советских войск и к анализу наших действий в этот период. Наша 1-я армия волей ее командующего подтягивалась на запад, а 4-я была направлена мной на Ломжу; туда же, к Ломже, устремилась вечером 19-го и отступающая в полном составе советская 15-я армия. Для прикрытия отхода 4-й армии она оставила одну дивизию севернее Цеханова. К поспешному отступлению 15-й армии присоединились некоторые части 4-й, успевшие миновать Цеханов. Уже 21 августа вся эта масса войск достигает Ломжи, прикрывая свой дальнейший отход боковой заставой в районе Снядово. Наша 4-я армия, вынужденная изменить направление и тем самым освободить от своего непосредственного натиска советскую 3-ю армию, не успела вовремя к своей новой цели, оставленной 1-й армией в результате странного и непонятного маневра на запад. Поэтому 21-го под Снядово в контакт с отступающей 15-й армией вступают только авангарды левофланговой 15-й дивизии. Правда, эти части взяли Снядово, что вызвало в советских войсках в Ломже настоящий переполох. Утром 22-го подходят главные силы нашей 15-й дивизии и сильным ударом вечером занимают Ломжу. В таких условиях, конечно, не могло быть и речи о каком-то упорядоченном отступлении. Когда на следующий день я приехал в Ломжу, мне рассказывали, что многие подчиненные п.Тухачевского расспрашивали жителей Ломжи не о чем другом, как только о дорогах, ведущих в Восточную Пруссию. То есть опять целая армия противника спешно отходила под натиском всего одной нашей дивизии.

Остается еще 4-я армия на западе. Она продвинулась

дальше всех, вплоть до берегов Вислы, и позже всех получила приказ; к тому же она потеряла своего командующего, который совсем недавно шел от победы к победе, а теперь быстро, очень быстро ехал в направлении Августова и Гродно. Эта армия своими прежними победами и силой боевого духа нагоняла такой страх, приковывала к себе такое пристальное внимание, что все силы (кроме двух дивизий), собранные под Варшавой для отпора п.Тухачевскому, были брошены на нее, эту армию, чтобы окружить ее, опутать густой сетью и раздавить. С востока к ней движется наша 1-я армия, но связанная предписанными ей новыми разворотами и маневрами и вынужденная часто без мостов еще раз переходить Нарев, она не успевает никуда — ни в Ломжу, куда была направлена моим приказом от 18 августа, ни под Млаву, куда послали распоряжения собственного командующего. С юга на советскую 4-ю армию нападает наша значительно более активная 5-я армия. Но войска п.Сергеева и без своего командующего защищаются, как львы. 22 августа, когда Ломжа с ее мостом через Нарев была уже в моих руках, 4-я армия прорвала заслоны и открыла путь своей пехоте и обозам. На следующий день она смяла последний отряд, вторых высланный в Хожеле 5-й армией, и двинулась на запад. Но было уже поздно. Ей уже преградили путь две дивизии (14-я и 15-я) из состава нашей 4-й армии. После короткого боя и неудачной попытки прорвать и эту преграду 4-я советская армия отказалась от дальнейших действий, перешла границу Восточной Пруссии и сложила там оружие. Так закончилась историческая битва под Варшавой.

Пан Сергеев прилагает к своей книге схему этого сражения. Она несколько запутанна и не совсем точна в части, касающейся наших действий, которые он не мог полностью знать и понимать. Для характеристики действий советских армий я воспроизвожу эту схему в общих чертах, без мелких подробностей, иначе не каждый сможет разобраться в этой хаотично, плохо управляемой с обеих сторон битве. Подробный анализ сражения под Варшавой я оставляю на более позднее время!

Здесь же хочу ограничиться лишь его общей стратегической оценкой, поэтому в таком же плане воспроизвожу и упомянутую схему. Так можно более отчетливо представить себе стратегические действия войск п.Тухачевского, его отдельных армий. Обрисую коротко их судьбу, начиная с юга.

Мозырская группа показана на схеме линией, соединяющей 58-ю дивизию во Влодаве с какой-то стрелкой под номером 57 в районе Желехова, и таинственным кружком вокруг Лукова. Ни эта схема, ни действия моих войск не прояснили для меня тайну Мозырской группы, успешно наступавшей с 4 июля по двум направлениям, но не оказавшей абсолютно никакого сопротивления 16 и 17 августа; поэтому позволю себе ограничиться лишь краткой оценкой. 58-я дивизия два раза безрезультатно пыталась остановить нашу 3-ю дивизию легионеров, но, разбитая, была вынуждена отступить за Буг, отдав Влодаву и Брест, которые и были заняты 19 августа. В дальнейшем 3-я дивизия легионеров остановилась в Бресте и перешла к пассивному прикрытию Буга. Активные же действия войск ген. Смиглого в северном направлении свелись лишь к наступлению 1-й дивизии легионеров и кавалерийской бригады при поддержке с запада 21-й горной дивизией. Остальные силы Мозырской группы вместе с 57-й дивизией в расчет можно не принимать, так как они на самом деле были „рассеяны" до такой степени, что пленных из 57-й дивизии брали все наши войска, начиная от левофланговой 14-й до правофланговой 1-й дивизии легионеров, на всем пространстве от Вепржа до Белостока и Ломжи.

Затем мощный удар получила 16-я армия. Ее южные 8, 10-я и 17-я дивизии были атакованы 17-го вечером и 18-го утром с двух сторон в районе Колбели и Минска нашими 14-й и 15-й дивизиями. Часть советских дивизий сразу же рассеялась и начала отход в естественном для себя направлении, то есть туда, откуда пришла, — на восток, к Бресту. Это о них я писал в своем письме ген.Соснковскому. Большая их часть была выловлена местными жителями, которые устраивали на них настоящую охоту. На схеме п.Сергеева мы видим 16-ю армию,

как 18 августа она собирается под Венгровом с намерением отступить на Дрогочин. Атакованная вечером того же дня авангардом только одной нашей дивизии (21-й) и зная, что конница и авангард 1-й дивизии легионеров уже перерезали ей путь в Дрогочине, 16-я армия отступает, как показано на схеме, на север, в сторону Вельска. Попытки организовать сопротивление на Буге терпят неудачу, главным образом благодаря обходному маневру 1-й дивизии легионеров; в районе Вельска небольшому количеству войск с частью обозов удается оторваться от преследования и уйти в направлении Волковыска. Отступление остальной армии оказывается отрезанным в результате занятия Вельска 20 августа частями нашей 1-й дивизии легионеров; не оказывая почти никакого сопротивления, 16-я армия устремляется на север в поисках выхода через Белосток.

Действия 16-й армии на схеме п.Сергеева обрываются в Вельске, далее показаны лишь разрозненные стрелки. Поэтому я позволю себе позаимствовать некоторые данные у п.Путны, историографа советской 27-й дивизии в этом походе. Он пишет, что 27-я дивизия попыталась вновь овладеть Вельском, а когда ей это не удалось, 16-я армия, не имевшая никакой связи ни со своим командующим, ни с другими советскими армиями, с трудом форсировала Нарев под Суражем и примерно в полдень 22 августа вышла к 12-й версте шоссе Белосток — Мазовецк, когда Белосток уже с утра 22-го был занят передовым отрядом 1-й дивизии легионеров. Вот как описывает п.Путна происходящее на той 12-й версте: "На шоссе скопились многочисленные обозы и отдельные части трех армий (407, 408, 409-й полки и части 2, 3, 6, 8, 10, 17, 21, 55-й дивизий). Противник прочно удерживал Белосток и попытки частей 2-й и 21-й дивизий выбить его из города успеха не имели". Вечером одни предприняли новую отчаянную атаку на Белосток, а другие — ночной марш-обход. Некоторое время путь через город был даже открыт, но в результате всех этих действий в руках 1-й дивизии легионеров осталось большое количество военного материала и множество пленных. Состояние армии очень точно передает п.Сергеев:

„Всякий порядок был окончательно нарушен, и части 16-й армии вышли в виде мизерных остатков когда-то грозных дивизий”. В примечании он добавляет: „Кое-какой порядок и боеспособность сохранили только по одной бригаде 8-й и 17-й дивизий и две бригады 27-й дивизии (из пятнадцати бригад, которые были в армии)”.

Следующую, 3-ю советскую армию в варшавском сражении постигла несчастливая судьба. Приказ п.Тухачевского бросил ее в атаку на Модлин, а своим левым флангом она помогала 16-й армии; именно поэтому ее 21-я дивизия разделила участь соседней армии. При разгроме 16-й армии 3-я отошла за Нарев и предприняла робкую попытку закрепиться на Буге. Когда ей это не удалось, она прервала взаимодействие с 15-й армией, оставив ее на произвол судьбы, и, видя поражение 16-й армии, начала поспешно уходить вдоль шоссе Вышков — Остров — Замбров. На схеме п.Сергеева мы видим ее 19-го под Вышковым, 20-го под Островом, где она даже не пытается организовать сопротивление и отходит дальше, находясь еще наравне с отступающей в районе Остроленки 15-й армией. В дальнейшем же она вообще отказывается от какого-либо взаимодействия с другими армиями, спешит выиграть время, так как наша 4-я армия уже направилась к Ломже, а 1-я повернула на запад, за Нарев. На схеме мы видим, как 22 августа, в день разгрома 16-й армии под Белостоком и 15-й — под Ломжей, никому не помогая, она спешит тремя стрелками на северо-восток в направлении Осовца и Гродно. Пан Сергеев утверждает, что 3-я армия вышла из варшавского сражения с наименьшими потерями; я также это могу подтвердить, так как месяц спустя я столкнулся с ней, когда она упорно обороняла Гродно и переправы через Неман.

15-я армия не наступала на Варшаву — она обходила ее, направляясь к Висле в ее нижнем течении за Модлином. Наши войска под Варшавой она лишь задела своими левофланговыми дивизиями. Но 17-го вечером, не дойдя до своей цели, эта армия получает приказ отступить в связи с польским контрнаступлением со стороны Вепржа. Отступила — и приняла на себя всю

тяжесть боев как раз тогда, когда уже ни одна армия не вела боевых действий. 19 августа мы видим ее сосредоточенной в районе Цеханова, Макова и Пшасныша, еще ожидающей подхода 4-й армии. Но видя полный разгром 16-й и отход 3-й, эта армия отступает. 20-го мы находим ее под Остроленкой, 22-го она в Ломже, откуда в тот же день уходит под натиском одной нашей, 15-й дивизии. Уходит поспешно, уже через Граево, касаясь тем самым границы с Восточной Пруссией. В последнем бою и в ходе дальнейшего отступления она оставила нам большое количество пленных, а немалая ее часть, измотанная и полностью потерявшая боеспособность, перешла границу с Восточной Пруссией и там позволила себя разоружить.

И, наконец, 4-я армия в составе четырех дивизий и конного корпуса стекалась, как показано на схеме п.Сергеева, отовсюду — из-под Влоцлавка, Бродницы и из-за Вкры. 22-го под Млавой она разбивает первую преграду (нашу 18-ю дивизию), 23-го под Хожелями — вторую (один полк из так называемой сибирской бригады) и, в конце концов, 25-го под Кольно, остановленная 14-й и 15-й дивизиями, переходит границу и разоружается в Восточной Пруссии.

В истории варшавского сражения обращает на себя внимание странная, неожиданная и внезапная смена ролей противоборствующих сторон. В считанные дни побежденный становится победителем, победитель — побежденным. Но когда сопоставишь какой-то странный призрак польского поражения, который неотступно вадел умами и сердцами людей не только у нас в Польше, но и во всем мире, когда сопоставишь бесспорный факт упадка моральных сил в молодом Польском государстве, выразившийся в отправке мирной делегации к стопам п.Тухачевского, когда сопоставишь все это с внезапным, молниеносным поворотом событий, то волей-неволей начинаешь искать каких-то сверхъестественных причин такого стремительного изменения, такого ошеломляющего поворота. Характеризуя победоносный поход п.Тухачевского, я говорил, что у нас создавалось впечатление калейдоскопа, сложенного из хаоса расчетов, приказов и донесений. Этот калейдоскоп вращался, может, медлен-

но, но в нем один день был так непохож на следующий, словно в контрдансе, перемешались все фигуры: маневры дивизий и полков — с географическими фигурами. Но теперь настал мой день — день моего реванша и моего триумфа!

Не жалкий контрданс, а бешеный галоп играла музыка войны! Не день пролетал за днем, а час за часом! Калейдоскоп, раскрученный в такт бешеного галопа, не позволял никому из советских командующих задержать—ся хоть на одной фигуре. Они молниеносно рассыпались, подставляя ошеломленному взгляду новые фигуры и новые ситуации, которые превосходили все ожидания, разрушали все планы и замыслы. Не знаю, отдавали ли себе отчет мои подчиненные в этом галопе событий, что же все-таки происходит. Устремленные на запад — наверняка нет! Они еще пребывали во временах контрданса, причем замедленного. Зато я всегда с удовольствием вспоминаю, как, переводя калейдоскоп в такт бешеного галопа и непрерывно себя контролируя, я каждый раз с наслаждением констатировал, что остаюсь трезвым и хладнокровным военачальником, не теряющим голову от побед и не впадающим в панику от поражений. И когда Варшава очнулась наконец после долгого страха и начала праздновать и торжествовать, я в Седльцах продолжал войну и сразу после взятия Ломжи 23 августа составил план дальнейших операций. Прежде всего я изменил вынужденное направление фронта, северное — на простое и естественное, восточное. Я перераспределил войска по новым армиям, как победитель даруя прощение за хаос и неразбериху, царившие в управлении ими в период неудач и поражений.

Глава IX

Государство, которому служил п.Тухачевский, назна — чило его на столь высокий пост в армейской иерархии, что в своей деятельности он не мог не учитывать того, что является прерогативой высших звеньев управления во время войны, ибо полководец, находясь на верхней ступеньке этой лестницы, не имеет права, да и не может ограничиваться лишь решением технических задач, связанных с боевой деятельностью армии. Он должен четко представлять себе возможности, которыми обладают его подчиненные для выполнения поставленных перед ними задач, а также постоянно учитывать силы и боеспособность как своего государства, так и государства, с которым он ведет войну. Без этого высшее управление неизбежно становится слабым и неэффективным, и такого полководца легко сбить со строго военных анализов и оценок, подбросив в его работу элементы и данные, заимствованные из совсем ему чуждой, но постоянно над ним довлеющей области. Такой областью являются — воспользуясь уже употребленным мной определением — внутренние фронты обоих воюющих государств. Сила и направленность внутреннего фронта по отношению к ведущейся войне иногда значат много больше, нежели сила и боеспособность самой армии. Поэтому я не удивляюсь, что п.Тухачевский посвятил целую главу анализу именно этой области, тесно связанной с военным искусством. Принимая во внимание, что во время этой войны

я занимал еще более высокую ступень, чем п.Тухачевский, ибо я не только командовал всей польской армией, но был одновременно и главой государства, я должен был учитывать все те же факторы. И сейчас, когда я пишу об этой войне, мне хотелось бы также в отдельной главе коротко сопоставить оба способа ведения такого учета и проследить их влияние на ход и исход войны.

Пан Тухачевский вел свои войска к Висле и за Вислу во имя и ради насаждения при помощи силы того, что он называет революцией. В соответствии с этим он выбрал и название главы — „Революция извне“. Но цель войны, очерченная такими словами, уже сама по себе ясно показывает, что внутренняя революция у нас не существовала, если ее нужно было принести извне на острие штыков. Во всяком случае, не подлежит сомнению тот факт (и п.Тухачевский это подтверждает), что Советская Россия вела с нами войну под лозунгом навязывания нам, полякам, своего, то есть советского строя и такую цель она назвала „революцией извне“. То, что Советы преследовали в войне именно такую цель, мне было хорошо известно с самого начала, поэтому я сразу же хочу отметить, что лично я воевал за то, чтобы эта революция извне не была принесена к нам на советских штыках. Война между Польшей и Советами началась еще в 1918 году; это был год, когда мы только два последних месяца начали жить самостоятельной жизнью. До этого времени, как известно, мы были вынуждены жить — тоже за счет штыков, уважаемый п.Тухачевский! — жизнью не польской, не устроенной самими поляками, а жизнью чужой, связанной с тремя государствами: Россией, Германией и Австрией. Это захватническое рабство продолжалось до конца 1918 года, более 120 лет. Более века при помощи штыков Польшу одаривали благами чужой и поэтому горячо ненавистной жизни. И только в начале зимы 1918 года после более чем вековой неволи для нее наступила весна свободной жизни. И хоть эта весна в нашей истории была кратковременной, хоть цветы, которые весна дарит людям, не закрыли разноцветным покрывалом плесень и замшелость векового рабства, тем не менее эта весна была

достаточно дружной, чтобы наполнить силой огромные массы людей, не желающих еще раз попробовать, что такое штык п.Тухачевского, несущий на своем острие гибель нашей собственной жизни, а взамен — все равно, плохую или хорошую, главное — насильственную жизнь в неволе. Как глава Польского государства и верховный главнокомандующий его вооруженными силами, я до сих пор испытываю чувство огромной гордости за то, что был выразителем интересов тех, кто провозгласил в Польше весну и защитил ее своей грудью.

Уже в 1918 году, независимо ни от кого, я поставил себе ясную цель в войне с Советами. Я решил приложить все силы к тому, чтобы сорвать любые попытки вновь навязать нам чужую, не самими поляками устроенную жизнь, причем сделать это как можно дальше от мест, где зарождалась и крепла новая жизнь. В 1919 году я эту задачу выполнил. Большевицские происки были сорваны так далеко, что Советы уже не могли препятствовать нам в возрождении нашей собственной жизни, хорошей или плохой — сейчас речь не об этом. Большое пространство, которым я отделился от „революции извне“, имело в военном отношении и негативные стороны. При известном легкомыслии нашего народа, при, к сожалению, медленном и часто неумелом строительстве новой жизни были забыты законы, управляющие народом в военное время. Войну не видели вблизи, войну не принимали всерьез. Итак, намеченную цель я достиг в 1919 году. Но можно поставить вопрос, а не ошибся ли п.Тухачевский в своих расчетах? Ведь когда под влиянием его побед над нами у нас замерло построение новой жизни, когда он уже протянул руку к нашей столице — Варшаве, когда, наконец, штыки сделали свое дело, советская революция так и осталась на острие штыков, не встретив внутреннего отклика в Польше. А ведь все расчеты п.Тухачевского и его государства основывались на том, что штыки принесут только идею, что они помогут подняться силам советской революции внутри страны, в которую они пришли.

И вот п.Тухачевский пытается словами, фразами, всем своим стилем сделать то, чего он не смог сделать в

1920 году штыком и насилием. Легко противопоставлять слова словам, предоставив читателю возможность отдать свое сердце тому, чьи слова ему больше нравятся. Для примера я попробую это сделать. Итак, мы у п.Тухачевского — „бело-поляки“. Может, у кого-то из читателей это и вызовет радостное сердцебиение — я на это не обижаюсь, ведь в гербе нашего государства — орел белого цвета, имеющий, как любой орел, кривой клюв и острые когти; в кампании п.Тухачевского 1920 года он расправил свои могучие крылья и сумел противостоять двуглавному уродцу, хоть тот и выкрасился в красный цвет. Пусть мы будем „бело-поляками“, если наш орел белый. У него от природы одна голова, а когти достаточно остры, чтобы побеждать уродцев и защищать свое гнездо. Правда, мы еще и „панская Польша“. Мне это очень напоминает детство, когда я с отвращением отбрасывал прочь книги такого известного русского автора, как Илловайский. Там тоже учили детей, какими великими щедротами одаривали „панскую Польшу“ московские цари, какие великие заслуги они имеют перед Богом, человечеством, а значит, и перед Польшей; а эта, „мятежная“, в каждом поколении отмечает весну своей жизни кровавым восстанием — „панская Польша“!! Это мне напоминает хороший анекдот, как один русский „радикал“ говорил, что Польша настолько проникнута „панской культурой“ и мерзким „панским“ образом мышления, что там даже к Богу обращаются на „Пан“, а обычный туфель называют „пан-туфель“*. В своих расчетах п.Тухачев — ский совсем не учитывает того, что, когда он совершал свой „поход за Вислу“, у нас в Сейме самой сильной партией была партия крестьянская, которая тоже обращалась к Богу на „Пан“, а туфли называла не иначе как „пан-туфли“. Именно тогда, когда п.Тухачевский стучал в ворота нашей столицы, во главе правительства, защищавшего Польшу, стояли представители и крестьян, и рабочих — пп. Витос и Дашинский. Но если, как я уже говорил, нет лекарства для полководца, который, сломленный морально, поддается воле противника, то на свете

* pantofel (польск.) — туфель.

еще не найдено лекарство и для головы и глаз доктрина. Пан Тухачевский этих фактов не видит и не хочет их понимать. *Realite des choses* для него не существует. Не существует и во многих других случаях, когда он говорит о нас.

Так, например, на стр. 29 он пишет: "Еще до начала нашего наступления вся Белоруссия, находившаяся под гнетом польских помещиков и белопольских армий, бурлила и клокотала крестьянскими восстаниями". Честное слово, головы доктринеров великолепны! Пан Тухачевский не хочет видеть, что в течение всей войны, которую Советы вели с нами, в ближнем, а еще больше в глубоком тылу фронта, повернутого против нас, другие советские войска и другие собратья п.Тухачевского не занимались ничем другим, как только с трудом подавляли те или иные восстания против Советов! Да и большая часть армии п.Тухачевского начала войну с нами только после того, как подавила различные восстания где-то в глубине Советской России. В Польше ничего подобного не было. И войска, если только они были собраны, свободно могли быть направлены для борьбы с тем, кто стоит перед фронтом, а не с тем, кто находится за ним! За всю войну только в нескольких местах я был вынужден послать небольшие отряды, да и то не для боя, а для проведения массовых обысков и изъятия оружия, которым мне можно было угрожать. Помню, как одному высокому представителю одного из западных государств, который привык больше верить „цареславскому историку" Илловайскому, чем мне, и который, как и п.Тухачевский, ожидал, что что-то должно „бурлить" и „клокотать", я показывал, как в моем тылу железные дороги и телеграфы работают без всякой охраны. Может, п.Тухачевский усмотрит в этом, как и в других местах, недоразвитие „революции", и наоборот, в восстаниях, с которыми сам боролся в тылу своего фронта, — излишек контрреволюции. В полководческой стратегии и расчетах эти слова ничего не меняют. Факты говорят, что в своих расчетах п.Тухачевский ошибся, у меня же не было ошибки ни в сердце, ни в мыслях. Пан Тухачевский говорит, что у него еще есть „характерный

блестящий пример классового укомплектования" в виде 30 000 мобилизованных, которые влились в его армии, идущие за Вислу. Если бы так и было, хотя в начале книги мы видели, как п.Тухачевский стыдливо не включил это "пополнение" в таблицы своих сил, то две наши так называемые литовско-белорусские дивизии в общей сложности дали такое же число добровольцев, воевавших против советских армий. И опять, для стратегии и военного искусства неважно, как назвать эти цифры, потому что в худшем для меня случае они свидетельствуют о равных для обеих сторон возможностях пополнять свои войска. Что касается меня, то в достижении своей цели — оставить между Варшавой и Советами возможно более широкое пространство — я действовал как человек, знающий театр войны как свои пять пальцев; каждый здесь принимал меня за своего, а не за чужого, и разговаривал со мной на вполне понятном мне языке. И я хорошо видел, что подавляющее большинство населения относилось к Советам и их господству с глубоким недоверием, а часто и с явной неприязнью, видя в них — обоснованно или необоснованно, это также для стратегии неважно, — разгул невыносимого террора, который получил название еврейского. Поэтому в течение всей войны я не чувствовал беспокойства за свой тыл, что там может вспыхнуть какое-то восстание.

Что же касается Польши 1920 года, которую п.Тухачевский описывает так, что никто из прошедших эту войну ее бы не узнал, то отвечая ему, приведу отрывок из одного моего письма, написанного под Варшавой. Работая ночью с 19 на 20 августа в Седльцах, я сопоставил все данные о состоянии войск и населения. На основе такого анализа я несколько изменил свой приказ от 18-го, а о задачах, стоящих перед правительством, написал военному министру ген. Соснковскому: "То, что здесь творится, трудно себе даже представить. Ни по одной дороге нельзя проехать спокойно — столько здесь шляется по окрестностям разбитых и рассеянных, но также и организованных отрядов с пушками и пулеметами. Пока что с ними справляется местное население и тыловые органы различных наших дивизий, которые,

однако, должны идти дальше, за своими дивизиями; после их ухода остается такая ужасающая пустота, что если бы не вооружившиеся крестьяне, то завтра или послезавтра окрестности Седлец, наверное, были бы во власти разбитых и рассеянных нами большевиков, а я с отрядами вооруженных жителей сидел бы в укрепленных городах. Передайте это Скульскому (министру внутрен — них дел) и скажите ему, что прошло уже три дня, как мы заняли Седльцы, а я до сих пор не вижу здесь не только никакой гражданской власти, но даже ни одного воору — женного полицейского". Такое положение главы Поль — ского государства, который чувствует себя спокойно и безопасно, когда в городе нет никакой полиции, а вокруг противника, хоть и разбитого, больше, чем подчиненных ему войск, дает наглядную картину того, как относилась Польша 1920 года к советским благодетельствам, прине — сенным на штыках п.Тухачевского. И если п.Тухачев — ский предпочитает резолюции „массовых митингов" в Белостоке, то я, признаюсь, — свое положение в Седль — цах.

Пан Сергеев более правдив, чем п.Тухачевский. На стр. 82 он пишет по этому поводу совсем другое. Вот его слова: „Расчеты на взрыв польской революции могли приниматься всерьез только в политических канцеляриях, и то достаточно удаленных от фронта. В войсках мало в это верили и, видимо, попытка формирования польской Красной Армии в Белостоке была достаточным доказа — тельством того, что источники нашей информации слиш — ком оптимистически смотрели на положение дел в Поль — ше". Это высказывание п.Сергеева показывает, что все иллюзии Советов моментально улетучились, как только их войска столкнулись с *realite des choses*. Впрочем, п.Тухачевский в то время не был одинок в своих заблуж — дениях. Многие иностранцы, впервые посетившие Поль — шу и склонные, как и п.Тухачевский, больше верить школьным историкам Илловайским, чем *realite des choses*, в разговорах со мной часто задавали вопрос, не опасаясь ли я, глава государства, распространения рус — ской революции у нас в стране? И неизменно они получали от меня один ответ: если человечеству на роду

написано пройти через русский эксперимент, в чем я сильно сомневаюсь, то мы, поляки, будем последними, кто на это пойдет. И всегда добавлял, что мы слишком близкие соседи с Россией, чтобы последовать ее примеру.

Весь набор громких фраз, которыми пользуется п.Тухачевский, мне давно и хорошо известен. Не один год своей жизни я посвятил социалистическому движению и боюсь, что п.Тухачевского еще на свете не было, когда литература с употребляемыми им словами и выражениями уже лежала на моем столе. Все его фразы заимствованы из трудов великого ученого и мыслителя — Карла Маркса. И хотя я никогда не был сторонником того, что называют материалистическим пониманием истории и что всегда кладут в основу всего суесловия марксистов, я всегда отличал величие трудов самого Маркса от вульгаризации его неизменно глубоких идей и мыслей. А когда я вижу п.Тухачевского, который вслед за князем варшавским Паскевичем стучит в ворота Варшавы, повторяя заклинания, почерпнутые у Маркса, не могу не ответить ему названием известной у нас в Польше брошюры другого великого теоретика социализма — Либкнехта — „Soll Europa kosakisch werden?“*.

Не касаясь образа мышления п.Тухачевского о нас, поляках, а учитывая только результаты его работы в высшем звене военного управления, следует отметить, что он ошибся, рассчитывая найти для себя в Польше во время войны какую-то существенную поддержку. Несомненно, это заблуждение оказало влияние на его методы управления, оно же подсказало ему аргументы и мотивы в пользу „похода за Вислу“. Объективный анализ показывает, что он плохо учел соотношение сил своего государства и государства противника, и за эту ошибку пришлось расплачиваться и ему, и его войскам.

В заключение главы я хочу внести ясность в один вопрос политического свойства. Пан Тухачевский, как, впрочем, и п.Сергеев, во всех моих действиях усматривает какую-то подчиненность многим, хотя очень неопределенным и расплывчатым покровителям. Их немало. Это

*Soll Europa kosakisch werden? (нем.) — Должна ли Европа стать казачьей?

и Антанта, это и объединение капиталистов всего мира, это и заговор империалистов, это, наконец, штаб Антанты, а точнее, французский штаб. В этом п.Тухачевский на удивление похож на некоторых моих подчиненных и соотечественников, которые все наши поражения приписывают мне, а все победы — либо себе, либо — если знают, что им никто не поверит, — французам. Конечно, такая болезнь — видеть не то, что есть, а то, что хочется, — трудноизлечима, поэтому не с целью убедить тех, кто так высоко мнит о себе, а ради исторической правды скажу: во главе польских войск, как верховный главнокомандующий армии, созданной из ничего, я встал сам, без чьего-либо разрешения и покровительства, ибо главой Польского государства меня единогласно избрал самостоятельный и независимый сейм; сейчас ни для кого не секрет, что оба эти события произошли не с благоволения, а, напротив, вопреки воле того, что в те времена называли Антантой. Впрочем, я не вижу в этом ничего постыдного ни для себя, ни для Антанты. В политическом плане я всегда оставался на стороне тех, кто в период нашей, к сожалению, недолгой весны новой жизни собственной грудью защищал возрождающуюся Польшу, бережно извлекающую из трясины рабства крупницы своего независимого существования. Зная, как это труд — но, я все свои усилия и мысли сосредоточил на одной этой цели, в то время как Антанта — и это тоже не секрет — больше была занята поисками решения русской проблемы, чем урегулированием тем или иным образом польских вопросов. В военных делах я тем более не был склонен с кем-либо советоваться. Вот и ген.Генри, представлявший в Польше военные интересы Франции (я о нем вспоминаю с большой теплотой), если и имел какие-то иллюзии на этот счет, то они у него быстро рассеялись. Впрочем, это и неудивительно, и не думаю, что обижу кого-нибудь, если повторю очень умную мысль другого представителя той же Антанты и того же французского штаба, генерала Вейганда, которую тот высказал как раз во время варшавского кризиса. Так вот, устав от борьбы с нашим внутренним бессилием, с пораженцами, которые в самую ответственную и опасную

годину стремились к покорности и, следуя чьей-то указке, уже собрались посылать в Минск, в штаб-квартиру п.Ту—хачевского мирную делегацию, я хотел снять с себя в этот момент половину ответственности и предложил ген. Вейганду разделить со мной управление нашей армии. Он ответил отказом. Он очень умно заметил, что управ — лять армией, так внезапно сформированной, как у нас, не зная ни ее боеспособности, ни ее командиров, ни, наконец, того, чего можно требовать от войск, — эта задача для него слишком трудная и невыполнимая. Поэтому он ограничивался лишь высказыванием теоретических суждений и воздерживался, по крайней мере в отношении меня, от каких-либо попыток повлиять на мои решения. И если в качестве основы варшавского сражения я выбрал совершенно абсурдный, как считаю, принцип, выделив для пассивной обороны три четверти армии, а для атаки — одну четверть, то этот абсурд лежит только на моей совести, и ни на чьей другой.

Глава X

Война — это искусство. Искусство создает шедевры, а шедевром военного искусства всегда является победа. Поиск путей к победе — это работа каждого полководца, а победа — это результат такой работы, результат напряжения ума, нервов и воли. Действия войск, которыми управляет полководец, являются своего рода материализацией того, что он накануне продумал, пережил, проанализировал.

Пан Тухачевский, без сомнения, был неординарным военачальником. В предпринятом походе за Вислу он стремился претворить в жизнь все, о чем задолго до этого думал и размышлял, стремился материализовать всю предшествующую походу работу своего ума, своей души. Он одерживал победы — это бесспорно. И он должен был анализировать пути и методы, которыми добивался побед, обогащая тем самым и войска, которыми он управлял, и государство, которое представлял на войне.

С нашей, польской стороны эту войну вел я. Хорошо представляя себе характер работы полководца во время войны, я знал, что и противоположной, советской стороне в этот период было так же нелегко, как и мне. Поэтому временами, как говорилось в предисловии, я с отвращением отбрасывал книгу п.Тухачевского, книгу, в которой он в злобных выражениях пытается сделать то, чего не смог добиться в реальной жизни, — уничтожить своего

противника, книгу, полную исторической фальши, книгу, вызывавшую у меня отвратительное чувство, словно кто-то грязными руками публицистики прикоснулся к великому и чистому делу военной истории. И в эти минуты меня поддерживала единственная мысль, что на примере п.Тухачевского я могу показать ту огромную работу, которую прodelывает полководец, управляя войсками в столь необычных условиях.

Пан Тухачевский, как полководец, добивался побед. Но полководец отнюдь не обязан объяснять, как он этого достиг. В его обязанность не входит облекать свои действия в форму теоретических рассуждений, теоретических выводов, во что-то, напоминающее доктрину. Французская поговорка „la critique est aisee mais l'art est difficile!"* совершенно ясно указывает, кто создает шедевры, а кто занимается формулированием доктрин и теории искусства. Не каждый полководец, выигравший большую войну, поддавался соблазну облечь свою работу по управлению войсками в мантию теории, в мантию целостной доктрины. Но почти каждый, работая над своим шедевром — победой, пытался впоследствии хотя бы в общих чертах показать методы своей работы, проследить развитие своей мысли, которую он реализовал в бою, в действиях живой человеческой силы подчиненных ему войск.

Попробовал это сделать и п.Тухачевский, и, повсюду, несколько страничек, которые он посвятил именно этой области, являются, на мой взгляд, украшением его лекций, украшением, примирившим меня с работой, за которую я сначала взялся без особого на то желанья.

Предпринимая свой поход за Вислу, п.Тухачевский находился за много сотен километров от объекта своих притязаний, от цели, которую сам себе определил. И прежде чем преодолеть с войсками это пространство шириною в пол-Европы, он прошел его в своих мыслях. Пол-Европы — нешуточное дело! В своей книжке он описывает методы управления войсками, методы работы полководца, сформировавшиеся у него еще до того, как

*La critique est aisee mais l'art est difficile! (фр.) — Критиковать легко, а делать — трудно!

они были применены на поле боя. Он говорит, что „при современных широких фронтах... скопление танковых масс является неминуемым следствием характера современной войны". Иными словами, в условиях прохождения войсками больших расстояний он ищет способ восполнить их силы путем создания, как он выражается, танковых масс, которые, будучи оперативным резервом в руках главнокомандующего, должны успеть всюду, где приостанавливается развитие операции. Этим резервом он намеревается сломить сопротивление противника везде, где оно будет оказано. Это единственный способ, утверждает п.Тухачевский, позволяющий проводить глубокие операции в условиях растянутых фронтов и больших расстояний.

Я не хочу подробно анализировать эти выводы п.Тухачевского. Признаюсь, мне было очень приятно читать их, ибо в них не прослеживается доктринерская слепота автора. В них чувствуется работа ума, взвешивающего аргументы за и против, ищущего выход из огромного напряжения мозга и нервов. К этим аргументам я могу добавить множество новых, заимствованных из моего собственного опыта, — видимо, и сам п.Тухачевский согласится, что не исчерпал здесь все имеющиеся возможности. Сейчас же я хочу только проследить действие того, что он называет танковой массой, в течение всего похода от Березины и Западной Двины до Вислы. Хочу понять, где и в какой степени материализовалась эта мысль п.Тухачевского в реальности, в бою, в действиях войск. Итак, 4 июля начинается бой на „извилистом ручейке" — Ауте. Построение войск п.Тухачевского мне представляется четким, хорошо продуманным и смелым. На фронте протяженностью 100 километров он сосредоточил три свои армии, чтобы разбить стоящую здесь нашу Ю армию. Против крупных польских сил на Березине и в Полесье он выделил небольшое количество войск, стремясь добиться перевеса там, где он хотел решить исход сражения. Но тарана я там не вижу. Просматривая организацию войск п.Тухачевского, я предполагал, что танк сосредоточен в наиболее оснащенной 15-й армии. Однако ее боевое построение при

наступлении не было эшелонировано вглубину и не могло обеспечить помощь там, где наступающие встретят сильное сопротивление. Более „таранным“ выглядело построение обеих фланговых армий, особенно 4-й. Но это скорее соответствовало идее Седана, идее нанести противнику немедленное и полное поражение. Итак, тарана я там не нашел. Впрочем, п.Тухачевский не обязательно должен был реализовать свой замысел в самом начале операции. Он открывал „смоленские ворота“, открывал их боем и боевой порядок войск строил для боя, а не для глубокой стратегической операции с далеко идущими целями, с необходимостью преодолевать большие расстояния и упорное сопротивление противника.

Таким образом, 4 июля тарана не было. Но в ходе боя, даже не дожидаясь его окончания, п.Тухачевский этот таран создает. При организации дальнейшего продвижения на запад он выделяет для этой цели две армии: 3-ю и 15-ю. Он даже не жалеет на это времени. Его идея ему дорога. Далеко, за несколько сот километров ему видятся башни Варшавы, широкая лента Вислы, а пройти эти километры предстоит ценой большого труда, ценой больших сил. И питать предстоящие бои, прорывать будущие преграды должны, по замыслу п.Тухачевского, именно 15-я и 3-я армии. Он направляет их туда, где трудно, туда, где стоят не измотанные боями польские войска, — на юг. Наша 4-я армия, стоящая на Березине, вот-вот примет на себя всю мощь материализованной мысли п.Тухачевского — действие тарана. При анализе этого маневра я сравнивал 15-ю армию, спокойно продвигающуюся в направлении Молодечно, со старой гвардией Наполеона. Она стоит с трубками в зубах, как последний резерв великого императора Франции, равнодушно взирая на кипящий пред нею бой; она знает, что пальму победы, привилегию сломить сопротивление противника и нанести ему сокрушительное поражение получит она, как только прозорливое око императора узрит подходящий момент.

И вот таран пошел. 3-я армия — на Минск, 15-я — на Молодечно. Но противник вовсе не хотел испытать на себе его действие и уклонился от удара (кстати

сказать, п.Тухачевский не исключал такую возможность в своих теоретических рассуждениях). Таран, созданный из частей 3-й армии и нацеленный на Минск, нанес удар в пустоту. То есть получилось то, чего как раз и опасался п.Тухачевский. В свою очередь, 15-я армия, выдвигающаяся в направлении Молодечно, но задерживавшаяся на марше, пришла слишком поздно. Войска п.Сергеева, не дожидаясь возможности увидеть все прелести таранного удара, сами сломали сопротивление противника на юго-бой Вилии, „наших рек родительнице“, прежде чем таран успел что-либо сделать. Наши войска вновь отступили, но не под действием тарана, не под сосредоточенным ударом всех армий п.Тухачевского, а под угрозой флангового обхода, условия для которого противник создал в результате трехдневных боев на Вилии. Таран и таранные массы не имели с этим ничего общего.

Проследим дальше попытки использовать таран. К моему великому удивлению, выбор дальнейшего направления для таранных масс вовсе не был продиктован стремлением найти для них участок с самым сильным сопротивлением противника. Наоборот, когда дело не выгорело на голубой Вилии, на пути п.Тухачевского встал ее серый любовник, Неман, который, защищая родную землю, диктовал п.Тухачевскому направление движения войск. Он вынудил его забыть о противнике и приспособить движение тарана к извилистому течению Немана. Таран, накрепко связанный с Неманом, уже не отвечает задачам боя, задачам поддержания слабеющих флангов. А фланги действуют абсолютно самостоятельно — но, без всякой связи с тараном. На пути встает новая преграда, преграда, на которой укрепился противник. Это — Неман и Шара.

Таран, стиснутый Неманом, суживается и уплотняется. В этом месте он идет наиболее плотной массой. Как будто п.Тухачевский предчувствовал, что именно правый фланг, его 4-я армия будет остановлена и ей потребуется помощь тарана.

Неман сломлен. Но кто его в конце концов форсирует? Опять не таран! Опять 4-я армия п.Сергеева со своей конницей! Опять фланговый обход, даже без попытки

прорвать оборону тараном! Опять таранные массы бьются без пользы, подчиняясь не указаниям п.Тухачевского, а велениям Немана!

Дальше возникает новая преграда. Не помогла Вилия, не помог Неман. Преградой встают опять две реки — Нарев и Буг. Таран, стиснутый еще Неманом, так и идет в плотном стратегическом построении, не расширяясь к югу: ударив на юге один раз в пустоту, он уже не хочет решать там исход операции.

Что же происходит на этих реках? Интересен в этом отношении приказ п.Тухачевского, датированный 1 августа 1920 года и приведенный в книге п.Сергеева. Цитирую дословно: "Перед фронтом 15-й армии противник оказывает упорное сопротивление в целях окружения и уничтожения противника; командующий фронтом приказал нашей армии: продолжать движение в направлении Остроленки, двумя дивизиями ударить по противнику в общем направлении на Мазовецк". То есть опять 4-я армия п.Сергеева, задержанная в это время тем же Наревом под Ломжей, должна помогать тарану, а не таран — 4-й армии. Так и хочется сказать: "В тревогу — мы к богу, а по тревоге — забыли о боге". Упорное сопротивление должно быть сломлено не тараном, а опять обходным маневром "нетаранной" северной армии.

Итак, таран пока нигде не дал результат: он либо бил в пустоту — как это было под Минском, либо опаздывал — как под Вильно, либо оставлял решающее слово за обходящей 4-й армией — как на Нареве. Может, он пригодился на последнем этапе похода, когда Висла предстала пред очами если не п.Тухачевского, то его войск? Не хочу быть злорадным. Мне известны тяготы управления войсками, я знаю, что ошибки иногда неизбежны. Но у меня мелькает мысль, что — кто знает — может, навязчивая идея тарана и привела п.Тухачевского к поражению под Варшавой. Построенная тараном 15-я армия, по его приказу от 8 августа, шла не для того, чтобы решить исход боев под Варшавой, ибо ее участие в них не предусматривалось, а имела задачу чисто географическую: перейти широкую Вислу, где противника не было.

И только последняя задача тарана, задача, рассчитанная не на победу, а на поражение, была выполнена „самой таранной“ 15-й армией. Когда все другие армии или в беспорядке отступали (16-я), или спасались бегством, бросая своих товарищей по несчастью на произвол судьбы (3-я), 15-я армия в течение двух дней 18 и 19 августа пробовала играть роль старой гвардии, которая умирает, но не сдается.

Проследивая с исторической точки зрения процесс материализации мысли п.Тухачевского, я не хочу сказать, что он витал в облаках, заранее обрекая себя на неудачу. Это не так. Его мысль имеет свою ценность, и немалую. В ней много того, над чем я советую задуматься всем, кто занимается военным искусством. Есть попытка, пусть неудачная и которая наверняка не удовлетворила и самого автора.

Когда я пытаюсь глубже проникнуть в мысль п.Тухачевского, когда стараюсь отыскать в его рассуждениях и выводах корень ошибки, я обнаруживаю ее всегда в одном и том же. Ошибка заключается не в таране, не в методах восполнения сил при ведении глубокой военной операции, заранее рассчитанных на сопротивление противника, но также заранее исключаящих и саму мысль о том, чтобы диктовать противнику свою волю и навязывать ему способ действий, надеясь, что он будет сопротивляться только там, где этого пожелает замысел доктринера.

Ошибку в рассуждениях и выводах п.Тухачевского я вижу в том, что он старался провести параллель между своими действиями и действиями германской армии на французском фронте в 1914 году. В своем анализе на предыдущих страницах я усиленно пытался показать, какими опасными ловушками могут быть для полководцев слова, фразы, геометрические фигуры и географические названия — все то, что вызывает гневный протест великого Наполеона, до сих пор взывающего из-под купола Дома Инвалидов: „Mais c'est la realite des choses qui commande messieurs!“

Итак, поход немцев на Париж, к Сене и за Сену. Неужели п.Тухачевскому не приходило в голову, что

этот поход — плод великой мысли и огромной работы ума и нервов Шлиффена — тесно связан с попыткой решить проблему, которая в его времена встала перед стратегией и дождалась попытки своей реализации в 1914 году. Это была попытка решить проблему масс, создать стратегию масс. Когда в невообразимой погоне за количеством, за численным превосходством, в погоне, характерной для стратегии после прусских побед 1870 года, армии Европы вышли далеко за рамки миллиона человек, возникла новая, неизвестная дотоле проблема: как сочетать движение с массой? Как согласовать маневр с множеством сооружений, необходимых для войны, с огромным количеством артиллерии, с бесчисленными обозами, со всей массой приспособлений, без которых война с ее современными средствами ведения борьбы была бы бессильна? Стратегия масс и их движение ради победы! Вот то, над чем в тиши кабинетов напряженно работали высшие офицеры, вот то, что занимало многие умы, мечтающие о новых Каннах и Седанах, Йеннах и Аустерлицах!

Я знаю, что мою книгу будут читать люди, которые над этими вопросами не ломали себе голову и не трепали нервы, поэтому приведу одно сравнение, которое, возможно, покажет всю величину и значимость данной проблемы.

Возьмем миллионный город, например Варшаву, и поставим вопрос о ее переносе куда-нибудь в Псе-Вульки или в Псе-Кишки, из которых и вылазить-то неполитично, как говаривал Заглоба.* Представим себе Варшаву, передвигающуюся изо дня в день, пешком, на колесах, со всем гигантским хозяйством каждодневных нужд и забот.

А дьявольская погоня за количеством уже превышала пять миллионов. И стратегия масс требовала, чтобы пять Варшав стремились к победе, чтобы пять Варшав могли жить каждый день на новом месте, чтобы пять Варшав, обеспечивая дело победы, ежедневно отбрасывали отходы военной деятельности куда-то в далекий тыл и еже-

* Заглоба — один из героев романов Г. Сенкевича (Прим. перев.).

дневно же поставляли новую пищу орудия войны, вечно ненасытным орудийным пастям и винтовочным стволам. Стратегию масс связать с движением, а через движение прийти к победе! Вот проблема, которая была поднята в походе немцев к Сене и за Сену.

И если п.Тухачевский свою 15-ю армию, сжатую в таран, называет „массой“, то позволю себе напомнить ему, что по его же подсчетам в 15-й армии было в общей сложности 46 883 бойца. В одном германском корпусе было больше людей! И когда он употребляет слово „масса“ в отношении 15-й армии, когда загоняет ее в якобы тесный для нее коридор и замедляет ее движение — пусть он прочитает описание перемещения пяти корпусов германской 1-й армии Клюка через настоящую теснину — город Аквизгран, и пусть сравнит это перемещение с действиями своего тарана на широких пространствах от Глубокого до Молодечно! Может, тогда он не назовет так нескромно свою 15-ю армию „массой“ и не будет искать вдохновения для решения своих проблем в стратегии масс, которых не имел.

В 1914 году стратегия масс не принесла успеха ни одной из сторон. Великие победы, одержанные Гинденбургом и Людендорффом, их смелые маневры на полях сражений в Польше и Восточной Пруссии не имели ничего общего со стратегией масс, ибо масс в строгом смысле слова эти полководцы не имели. Стратегия масс не могла привести к победе. Движение масс, о котором она мечтала, быстро выродилось в застойной войне, если говорить о Западе.

Основным в стратегии масс было соединение миллионов людей в единую, непрерывно взаимодействующую солдатскую, воинскую массу. Все части должны быть друг с другом в тесном контакте. Плотность войск на пространствах, занятых войной, была так же велика, как плотность населения в городах, при этом должно было быть обеспечено тактическое взаимодействие в виде взаимной поддержки огнем или немедленным маневром. И пусть п.Тухачевский не строит себе иллюзий, будто правый фланг у фон Клюка был открыт только потому, что тот не хотел втягивать в войну новые пространства

и наводнять их войсками. У него просто не хватало для этого войск! Тактические и стратегические связи неизбежно бы нарушились, если бы он дотянул свой фланг до моря. Таким образом, стратегия масс, кроме огромного количества войск, требовала сплоченности, требовала возможности осуществлять тактическое взаимодействие в самом узком смысле этого слова.

Как я уже сказал, стратегия масс не привела ни к чему. Она заглохла в бездействии и инертности. Движение и маневр отступили перед силой окопа, перед силой заграждений, которые понастроили противники друг перед другом. И с этого момента начинается борьба с окопом, борьба с препятствиями, выросшими на пути ослабшего движения. Каждая попытка прорвать окоп, возродить движение и маневр оплачивалась огромными жертвами, и несмотря на то что над этим работали самые лучшие, самые светлые умы, проблему долго не удавалось решить. А за победу движения и маневра платили много, очень много. Помню, как маршал Петэн, показывая мне залитые кровью холмы под Верденом, говорил, что в этой перепаханной снарядами земле лежит более миллиона человек! Миллион живых существ исчезли без следа, и кости противников перемешались так, что даже родственники не могут найти своих близких! Такие огромные жертвы ради возрождения движения, погребенного в мрачных окопах!

Я хорошо помню то время. Мне тоже пришлось поработать над окопом в захолустных лесах Волынского Полесья. Вековые сосны падали под ударами топора, чтобы замостить дороги там, где раньше ходили только лоси. В местах, доступных лишь волкам, протянулись телефонные и телеграфные провода. В проволочных полях перед окопами на самом деле можно было заблудиться даже днем. Строились убежища и под землей из гигантских стволов деревьев, и над землей из не менее гигантских бетонных плит, чтобы люди могли жить В этих дремучих местах. Прокладывались железные дороги там, где раньше людям было достаточно одной лошаденки, едва тащившейся по болотистым дорогам. По железнодорожным веткам к нам текли не только запасы

продовольствия для нового военного города, выросшего в глухом лесу, не только масса строительного материала, который с криками: еще! еще! ежедневно расходовался в невероятных количествах; к нам стекались и целые эшелоны с живым военным материалом — людьми. Куда? Из одного окопа — в другой, из одного военного города — в другой, также внезапно выросший среди леса.

Я был в окопах. Помню, я не мог удержаться от смеха, когда однажды на р. Стоход только одну мою роту, отправлявшуюся в поиск, поддерживало более двадцати батарей различных орудий и различных калибров. Это было настоящее огненное пекло! А в великолепном разноцветии фейерверка сигнальных ракет, выстреливаемых в воздух, эти дикие и безлюдные места казались большим и богатым городом во время праздника.

В те времена мне казалось, что война не только вырождается, но что она вообще должна сгинуть на веки вечные. Если движение, как главный элемент победы, исчезло, то война становилась каким-то бессмысленным, диким способом массового убийства людей. Я не мог себе представить, чтобы человечество еще хотя бы решилось пойти на такое испытание. Чтобы еще хотя бы раз захотело перевернуть жизнь целых стран и народов только для того, чтобы они питали ненасытную утробу окопа, а стратегия и военное искусство, закрыв от стыда глаза, только бы подсчитывали число убитых, число уничтоженных живых существ, чтобы из этих чудовищных расчетов вынести мысль о победе. Тогда я радовался в окопах. Война исчезнет! И призрак, витавший над многими поколениями, раз и навсегда сам себя уничтожит! Война выродится настолько, что военное искусство, отнюдь не украшающее жизнь, одной своей мерзостью массового, как на конвейере, уничтожения людей отпугивает от себя даже самых ярых своих адептов. Война исчезнет со всеми ее последствиями! Это принесет облегчение и моей Родине, жертве войны! Но одновременно мне было и жаль этого неземного искусства, которым человечество тысячелетиями отмечало свой путь. Воен-

ного искусства, породившего столько великих людей, наделенных такой чудодейственной силой, что своими шедеврами — победами — они создавали новые шедевры, живущие в веках. Найдет ли человечество более короткий и более гуманный путь к историческим свершениям? Вот те вопросы, которыми я, скромный бригадир, затерявшийся в окопах, задавался, рассуждая о будущем.

По возвращении из Магдебурга в Польшу волею судьбы в моих руках практически одновременно сосредоточилась власть политическая и власть военная. Я уже заранее знал, что иду на новую войну, что меня ждет новая военная буря со всей тяжестью верховного главнокомандования, которую я взвалил на свои плечи. Новая война с новыми неизвестными проблемами. Я не был настолько наивным, чтобы следовать стратегии масс без самих этих масс. Я слишком отчетливо чувствовал все бессилие слабости, чтобы пытаться скрасить свои трудности словесами и фразами, почерпнутыми из роскоши бесчисленных войск, которая расцвела в 1914 году. Выиграть войну, добиться победы таким способом можно было только во сне, обманывая себя бессмысленным и бессодержательным пустословием. Вместо корпусов — батальоны, вместо армий — дивизии; где же те массы, ради которых стратегия масс мозолила себе язык, разрабатывала способы и методы? Мне всегда была ненавистна слабость, которая стремится приукрасить себя пустыми звуками ничего не значащих слов! Пан Тухачевский идет другим путем. Он любит слова, но не вкладывает в них содержание. У него 15-я армия — это таранная масса, какие-то две тысячи всадников (то есть половина дивизии 1914 года), это конная масса, для пущей важности названная корпусом.

Мне это хорошо знакомо. Не раз приходилось наблюдать попытки приукрасить и нашу армию пышными словами из совершенно другой области, словами, где-то и когда-то означавшими силу, где-то и когда-то возникшими в поисках победы иными, недоступными нам путями. Я никогда не позволял вводить себя в заблуждение даже самыми красивыми разноцветными кругами и кружочками, черточками и стрелочками, нарисованными на

карте и обозначающими мельчайшие отряды и группы — разбросанные по карте, они создавали иллюзию массы, сильной своей многочисленностью. Не могли меня обмануть и солидно звучащие слова в так называемых „легендах“, заимствованные из стратегии масс, жаждущих победы.

Но к победе надо стремиться. На то и война, на то и полководцы. Поэтому, просматривая труд п.Тухачевского, я каждый раз пытался понять его мысли, методы его полководческого труда, старался найти ответ на вопрос, как он преодолевал трудности, как, не имея настоящих масс и не будучи в состоянии (что наблюдалось и у нас) связать войска в единую, мощную, тактически взаимодействующую цепь, — как он решал основную проблему, над которой и я сам бился столько времени? Эта проблема с самого начала встала передо мной во всей своей ужасающей наготе. Проблема пространства и заполнения его боевыми действиями. Пространства огромного: тысяча километров фронта — вся цивилизованная Европа не знала такого пространства! А войск и сил, чтобы вести на этом пространстве боевые действия, чтобы овладеть им со всеми его взаимосвязями, не хватало ни у меня, ни у п.Тухачевского. Все мои попытки как-то связать эту сложную проблему с опытом минувшей войны и найти там ответ были тщетны. Ни стратегия масс, ни стратегия, связующая воинские части единым тактическим взаимодействием, ни, наконец, стратегия окопов не могли мне помочь в решении этой проблемы. А обманывать себя словами, фразами, забираться в ловушку пустых, бессмысленных звуков, как это делали многие, я не хотел и не мог.

Повторяю, стратегия масс основывалась как на существовании миллионных армий, пребывающих в непрерывном движении, так и на тактическом взаимодействии всех частей, неразрывно связанных друг с другом тесными контактами. Я называл эту стратегию „strategie serree“* — ибо она уплотняла войска в их движении так, чтобы придать им силу массы, или „strategie

*strategie serree (фр.) — стратегия уплотнения.

encadrante"* — потому что обеспечивала каждой части непосредственную поддержку соседей. Стратегия окопов ничего не изменила в этой области, наоборот — усугубила. Она несравненно умножила массы, так как не боялась проблемы миллионов, заперев их недвижимо в окопах, а контакты между частями облекла в материальную плоть, связав массы непрерывной линией колючей проволоки и окопов. Вот почему последователи этой стратегии с таким запалом требовали: „Faites une ligne forte!"

У п.Тухачевского я не заметил стремления решить эту важнейшую проблему — проблему борьбы с пространством, которое он не мог, не был в состоянии заполнить войсками. Может, потому и не осуществилась его идея таранных масс, питающих силы войск при проведении глубоких операций на больших пространствах и при растянутых фронтах, что с самого начала он допустил эту основную ошибку. Играл словами без содержания. Не имел масс, не мог превратить их в реальную, сплоченную силу.

Я заканчиваю свои размышления по поводу попыток п.Тухачевского решить наконец великую проблему, стоявшую и перед ним, и передо мной, когда я был вынужден вести войну в таких же условиях, что и он. При этом я не хочу анализировать те способы и методы, которыми данную проблему решал я, стремясь добиться того, к чему призывает стратегия — победы и для себя, и для войск, и для страны, которую я защищал. Скажу только, что с моей стороны все два года войны были отмечены победами. Каждый раз, когда я вершил дело войны своими собственными руками, я одерживал победы, которые в истории этой войны становились эпохами, ибо всегда были победами стратегическими, а не результатом тактического превосходства. Я вынуждал противника изменять его стратегическое построение, я заставлял его искать в ходе боя новые способы всей организации боевых действий, так как все его предварительные заготовки рушились в огне сражений под влиянием моих побед.

*strategie encadrante (фр.) — стратегия обеспеченных флангов.

Так, в начале 1919 года мне понадобилось всего несколько дней, чтобы одним броском на Вильно отодвинуть фронт на 200 километров к востоку, преодолев огромное расстояние относительно малыми силами. Когда, еще раз испытывая свой метод на полях Украины, я вел войска в наступление, я умышленно встал во главе одной из армий (3-й), чтобы самому проверить правильность своих мыслей, не отягощая чрезмерными, как мне казалось, требованиями никого из своих подчиненных. Двух дней боя было достаточно, чтобы противостоящая мне советская 12-я армия была разбита до такой степени, что до самого конца войны уже не смогла оправиться от этого поражения. Помню радостную минуту, когда у себя на столе я нашел текст телеграммы командующего этой 12-й армией, открытым текстом посланную в эфир по радио: "Где мои дивизии?" Ответ он получил только от одного комдива, который по радию, укрытой в каком-то лесочке, передал: "Нахожусь там-то и там-то, а где мои войска — не знаю".

В третий раз я взял управление войсками на себя в битве под Варшавой. И хотя я с горечью вспоминаю всю абсурдность своего замысла на это сражение и, наверное, никогда не смогу избавиться от этого чувства, тем не менее минута, когда в бешеном галопе сражения еще недавно победоносные армии противника в панике бежали, раскалываясь одна за другой как орехи, — эта минута навсегда останется свидетельством триумфа полководческой мысли, триумфа воли к победе.

И, наконец, на сером рыцаре Немане, любовнице Вилии, непосредственно управляя половиной наших войск, я победоносно закончил эту войну. И вновь повторяю, я не обязан разъяснять свои методы и способы управления войсками на поле боя, придавая им вид доктрины. Я только знаю, что, будучи бессильным, численно бессильным по сравнению с пространством, охваченным боевыми действиями, я сумел украсить победой знамена наших войск. А добился этого не стратегией масс, которых у меня не было, не стратегией уплотнения или стратегией обеспеченных флангов, не стратегией окопов, которых не строил. Я воевал другим способом,

который назвал „strategie de plein air” — стратегией вольного воздуха, в которой всегда воздуха больше, чем солдат на полях сражений, стратегией, где волки и лоси могут свободно бегать, не мешая войне, не мешая победе.

Я знаю, что многие из тех, кто ломал голову над той же проблемой, что и я, пытаюсь описать способы, которыми я эту победу достиг, в бессилии опустили руки, говоря, что да, победа была, но только потому, что война была ненастоящая. Какая-то полувойна или даже ее четвертушка; какая-то детская возня, перед которой великая теория войн с презрением захлопывает свои двери.

Я не противлюсь. Хочу только заметить, что эта возня затронула судьбу двух государств, насчитывающих вместе 150 миллионов человек. Хочу только напомнить, что эта война чуть не перевернула судьбу всего цивилизованного мира, что ее кризисы были кризисами миллионов и миллионов живых существ, а победа, дай Бог надолго, укрепила исторические основы обоих воюющих государств. Пусть будет возня, если для нее не нашлось подходящей доктрины.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Труды Юзефа Пилсудского и Михаила Тухачевского о войне 1920 года были противопоставлены друг другу уже в 1924 году. Изданная тогда книга содержала работу Пилсудского "1920 год" и работу Тухачевского „Поход за Вислу". Оба эти труда представляют собой прежде всего анализ проведенных военных операций, правда, не лишенный политических рефлексий, отражающих две противоположные точки зрения на цели и характер прошедшей войны. Здесь следует обратить внимание на то, что оба автора демонстрируют совершенно разнотипный склад ума, сложившийся в разных исторических и политических условиях, отличный образ мышления, сформировавшийся в рамках разных школ. Между ними существует и большая разница в возрасте: в 1920 году Пилсудскому было 53 года, а Тухачевскому — 27 лет, что не могло не оказать своего влияния на принятие оперативных решений и реализацию замыслов, определяющих ход борьбы. Это очень отчетливо проявляется на страницах обоих исследований. В 1923 году, когда Тухачевский писал свою работу, ему было 30 лет, а Пилсудский писал свой ответ Тухачевскому в 1924 году, в 57 лет. Иначе говоря, маршал уже давно достиг возраста, позволяющего размышлять о жизни более глубоко и разносторонне, но, с другой стороны, и уже вызывающего склонность к строго определенному, застывшему взгляду на вещи. Тухачевский же был в том возрасте, когда динамизм мышления достигает своего апогея, но в то же время еще не позволяет избегать формулирования не всегда достаточно взвешенных суждений, а также того, что англичане называют *wishful thinking* (принимать желаемое за действительное. — Прим.перев.).

Следует обратить внимание читателя еще на один момент. Во время этой войны маршал Пилсудский был верховным главнокомандующим, то есть осуществлял руководство всей

польской армией. Кроме того, он был главой государства и таким образом концентрировал в своих руках власть, несравнимо большую, чем Тухачевский, который командовал только одним (правда, самым важным) из двух фронтов, противостоявших польской армии. По этой причине как военно-стратегический, так и общеполитический кругозор польского военачальника был значительно шире, что и нашло отражение в его анализе войны. Как автор, Пилсудский находился в более выгодном положении, ибо зная содержание книги Тухачевского и полемизируя с ней, мог использовать слабые стороны в рассуждениях своего противника.

Мне представлялось необходимым обратить внимание читателя на все эти обстоятельства, чтобы настроить его на более критическое отношение к обоим предлагаемым ему текстам.

Оба труда имеют характер военно-стратегических исследований, поэтому далеко не каждый может прочесть их (особенно работу Пилсудского) достаточно свободно; это требует определенной подготовки и некоторой начитанности в области военной теории. В мою задачу не входит анализировать взгляды обоих авторов на войну 1920 года с такой точки зрения — это заинтересовало бы лишь небольшую часть читателей. С другой стороны, в обеих работах прослеживается и историко-политический аспект (оказавшийся, правда, волей обстоятельств на втором плане), касающийся целей и характера этой войны, а также места, которое она тогда занимала во всем комплексе отношений на Европейском континенте.

Для польского читателя этот вопрос имеет принципиальное значение, потому что в этой войне решалась судьба вновь обретенной независимости и шире — политическая судьба Европы или, по крайней мере, значительной ее части. Поэтому представляется целесообразным несколько шире обрисовать общий фон тех проблем и событий, которые составляют основное содержание обеих предлагаемых вниманию читателя работ и которые развернулись на военных фронтах между Польшей и Советской Россией в 1919 — 1920 годах.

И еще одно замечание. Польско-советская война 1919—1920 годов вызвала и с одной и с другой стороны хоть и неодинаковый, но схожий в своей основе резонанс. В Польше это был порыв защитить только что обретенную независимость и стремление ничего не утратить из территориального наследия. Среди народных масс России получил поддержку сначала лозунг защиты революции, а затем — распространения ее на Европу. В период же продвижения польской армии на Киев это был подъем на защиту России, что выразилось

во вступлении в Красную Армию большого количества бывших царских офицеров и генералов. Наконец, и с одной и с другой стороны эта война была источником своеобразного эпоса, неким мифотворческим источником, свидетельством чему могут служить обе публикуемые работы.

* * *

В первые годы независимости существенное влияние на внешнюю политику польского правительства оказали две конкурирующие между собой программы, касающиеся конфигурации и удаленности границ Польского государства на востоке — федеративная и инкорпоративная. Первая программа была представлена Юзефом Пилсудским и его сторонниками; ее поддерживала также Польская социалистическая партия (ППС). Программа предусматривала распад многонациональной Российской империи, отрыв от нее прибалтийских стран — Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы, на востоке — Белоруссии и Украины, а также Закавказья. Польша должна была составить федерацию государств, в первую очередь с Литвой, Белоруссией и Украиной, а затем с Латвией и Эстонией. Она должна оттеснить Россию от Балтики и Черного моря.

По своему территориальному размаху федеративная программа значительно превосходила предлагаемую национал-демократами инкорпоративную программу, которая предусматривала непосредственное присоединение к Польскому государству восточных земель, примерно до границы второго раздела*.

*В 1772 — 1795 гг. территория Польши была разделена между Пруссией, Австрией и Россией (3 раздела Польши: 1-й — в 1772 г., 2-й — в 1793 г., 3-й, окончательный раздел — в 1795 г., после которого Польша прекратила свое существование как независимое государство). После Венского конгресса 1815 г. к Пруссии окончательно отошло историческое ядро Польского государства — Великопольша (Познанщина), большая часть Куявии (район Быдгощ — Торуня — Иновроцлава) и Гданьское Поморье. Австрии досталась южная часть Малопольши (Краковщина и Жешовщина), которая вместе с Львовщиной и другими отошедшими к Австрии западноукраинскими землями стала тогда называться Галицией. К Российской империи были присоединены остальные земли Речи Посполитой, как украинские, белорусские и литовские, так и собственно польские (Королевство Польское). В 1918 г. Советская Россия провозгласила право Польши на государственную самостоятельность. В августе В.И. Лениным был подписан акт, которым были расторгнуты все договоры о разделе Польши. (Прим. перев.)

Обе эти программные концепции были отражением основного вопроса, который волновал польское общество: какой быть территории возрождающегося государства? Вполне естественно, что, когда Польша обрела независимость, польский народ воспринял это как акт исторической справедливости, полагая, что Польское государство должно возродиться в тех же границах, в каких оно существовало до разделов. Но в 1918 году со времени первого раздела прошло почти 130 лет, другими словами, целая эпоха, за которую многое изменилось, особенно на восточных землях бывшей Речи Посполитой, заселенных преимущественно непольским населением. Происходящие там процессы общественного, этнического, культурного развития привели к росту национального самосознания литовцев, украинцев, в меньшей степени белорусов и к формированию их как национальных субъектов. Подтверждением тому были политические события на этих землях в 1917—1918 годах, в результате чего там были созданы самостоятельные национально-демократические государственные организмы. В ноябре 1917 года была провозглашена Украинская Народная Республика со столицей в Киеве, в феврале следующего года — Литовское государство, избравшее своей столицей Вильно, месяцем позже было объявлено об образовании Белорусской Народной Республики со столицей в Минске, а в ноябре — Западно-Украинской Народной Республики, признавшей своей столицей Львов. Это были разные по характеру республики, и все они стремились к независимости как от России, так и от Польши. Но обстановка здесь была шаткой и неустойчивой. Под влиянием революционных настроений и продолжающейся в России гражданской войны вышеперечисленные государственные организмы оказались нестабильными, подвергаясь действию как центробежных, так и центростремительных сил и процессов; беспорядочно сменяли друг друга контрреволюционные, буржуазные, социалистические и советские правительства. На Украине, например, в конце 1918 года было четыре центра власти: контрреволюционный (П.Скоропадский), социалистический в виде так называемого Директората (В.Винниченко), правительство Западно-Украинской Народной Республики (Е.Петрусевич), советское правительство (М.Скрыпник). После вступления Красной Армии в Литву и Белоруссию в феврале 1919 года там было объявлено об объединении Литовской и Белорусской Советских Республик в одну Литовско-Белорусскую Советскую Республику.

Выводы, вытекающие из этих процессов, с трудом воспринимались большей частью польской общественности. Но передовые представители польской политической жизни понимали, что в такой обстановке Польша в границах до 1772 года возродиться не может — отсюда и упомянутые две программы — федеративная и инкорпоративная.

Парижская мирная конференция не решила вопроса о восточной границе Польши. Ее определение западные державы поставили в зависимость от развития событий в России, а также от шагов польского правительства. В этот период французские политики опасались конфликта между Польшей, с одной стороны, и Украиной и Россией — с другой, что могло осложнить отношения Франции с восточными соседями Польши. Поэтому они старались воспрепятствовать принятию каких-либо территориальных решений в пользу Польши за счет будущей антибольшевистской России, Литвы или Украины. Несмотря на продолжающуюся с середины февраля 1918 года интервенцию, а затем и блокаду Советской России, французские политики, однако, не исключали возможность сохранения Советской власти в этой стране. Они предполагали, что „в случае, если Россия останется анархической страной, все будет говорить в пользу максимального расширения Польши". Отношение Франции к русскому вопросу представил в своей парламентской речи в ноябре 1918 года министр иностранных дел Стефан Пишон. „Целью Франции на востоке, — заявил он, — является борьба против Республики Советов и создание России единой, сильной и мощной". Польша должна быть „одним из прочных звеньев санитарного кордона вокруг России, больной и заразной".

Такая постановка вопроса, в свою очередь, позволила главе Польского государства Юзефу Пилсудскому соответствующим образом подойти к проблеме восточной границы Польши, иначе говоря, развязала руки для осуществления польской федеративной программы на восточных окраинах. Уже в ноябре 1918 года представители Польши начали переговоры с командованием германского „Обероста" (то есть с германским командованием в России) о гарантиях безопасной эвакуации германских войск с востока и замене их польскими частями. Соответствующее соглашение было подписано 5 февраля 1919 года. Таким образом, сложились благоприятные условия для распространения польского правления на северо-восточные территории, но впоследствии это

могло привести к возникновению конфликта с упомянутой Литовско-Белорусской Советской Республикой. Ранее, 1 ноября 1918 года, вспыхнули украинско-польские бои во Львове. Впоследствии бои вышли за пределы города и охватили почти всю Восточную Галицию, перерастая в вооруженный конфликт между Польшей и только что провозглашенной Западно-Украинской Народной Республикой, стремящейся к государственной независимости.

Первые столкновения польских войск с частями Красной Армии произошли в январе 1919 года под Вильно, а спустя несколько месяцев польские части, сражающиеся на Волыни с силами еще одного упомянутого украинского государства — Украинской Народной Республики, также вступили в бой с частями Красной Армии. Эти события положили начало трагическому по своим последствиям польско-советскому конфликту, который в 1920 году перерос в открытую войну. А пока на линии Варшава — Москва предпринимались важные дипломатические демарши.

Правительство Советской России декларировало польскому правительству свои мирные намерения, но в то же время поддерживало революционные движения в Белоруссии и Литве, которые стремились установить там советские республики и претендовали на часть приграничных территорий, на которые заявляло свои права также и польское правительство. 11 ноября 1918 года „Монитор Польски” № 245 сообщил, что советское правительство предложило правительству Польши назначить Юлиана Мархлевского дипломатическим представителем России в Польше, а 28 ноября нарком иностранных дел Георгий Чичерин в ноте польскому министру иностранных дел Леону Василевскому повторил это предложение. Свою просьбу об ответе он сопровождал предложением прислать в Москву дипломатического представителя Польши.

Установление нормальных дипломатических отношений между двумя государствами и ликвидация спорных вопросов были предметом дипломатической переписки, продолжавшейся до весны 1919 года, когда она была прервана началом военных действий. Польская сторона протестовала против ареста персонала польского представительства в Москве (бывшая миссия Регентского совета), а также против опечатаний его помещений и архива. Начало переговоров об обмене дипломатическими представителя-

ми она ставила в зависимость от положительного для польской стороны урегулирования этого эпизода.

Выяснению этого вопроса было посвящено несколько нот Чичерина Василевскому. Суть дела состояла в том, что советское правительство не признавало Регентский совет представителем польского народа, так как этот совет был создан Германией и полностью от нее зависел. Как объяснял Чичерин, отнюдь не советские власти ликвидировали миссию Регентского совета; это сделал польский Комитет изгнанных (представляющий польское население в России), который посчитал, что миссия плохо ~~збо-~~тится об интересах этого населения. При этом делалась ссылка на дезавуирование Регентского совета польским правительством, созданным в Люблине Игнацим Дашиньским. Тем более, заявлял Чичерин, ни один член миссии не был арестован, и все они выедут о Польшу, как только Германия, оккупирующая восточные ~~обла-~~сти, даст согласие на их проезд.

Советское правительство не возражало также против желания польского правительства оставить в Москве в качестве ~~упоно-~~моченных тех лиц из состава миссии, которые будут наделены такими полномочиями.

Казалось, что с этого момента дело нормализации отношений между двумя государствами пойдет на лад. Этого, однако, не произошло: эти отношения осложнились территориальным ~~спо-~~ром, который привел к вооруженному конфликту.

Первой дипломатической ласточкой этого конфликта, вскоре переросшего в широкомасштабные боевые действия, была нота польского министерства иностранных дел советскому Народному комиссариату иностранных дел от 22 декабря 1918 года, ~~содер-~~жащая протест польского правительства против продвижения советских войск в направлении польской границы. Ответ ~~совет-~~ского правительства последовал незамедлительно. Уже на ~~следу-~~ющий день было направлено заверение, что Польше не грозит никакая опасность со стороны России, что ее войска находятся далеко от польских границ, что их разделяет территория Литвы и Украины, что в настоящий момент Польша и Россия не имеют общей границы. Это была ловкая риторика, если учесть, что правительство Анджея Морачевского публично отказалось от всех аннексий, провозгласив стремление „возродить Литовское государство в его давних исторических границах” и призвав поляков, проживающих в Восточной Галиции и на Украине, „к

мирному решению спорных вопросов с украинским народом, вплоть до их окончательного урегулирования компетентными представителями обоих народов".

Территориальный конфликт у восточных границ Польши быстро назревал. Его характерной чертой было то, что формально война не была объявлена ни одной из сторон и что в течение всего времени боевых действий происходил обмен дипломатическими нотами; не прекращались неофициальные переговоры представителей обеих сторон с целью достижения соглашения.

Пространная нота Василевского Чичерину, направленная в конце декабря 1918 года, была выдержана в остром тоне. Она содержала протест против вступления советских войск в Литву и Белоруссию и установления там советской администрации. „Учитывая, что часть этих территорий является бесспорно польской, — отмечалось в ноте, — такие действия затрагивают жизненные интересы польского народа". Советская сторона обвинялась также в том, что использует поляков для создания воинских частей, носящих название польских городов и предназначенных для распространения социальной революции на занятых территориях. В ноте такие действия характеризовались как агрессивные и высказывалось предупреждение о решительных мерах польского правительства. В контексте этих событий польское правительство отказывалось от установления непосредственных дипломатических отношений; наоборот, оно намеревалось силой оружия защищать территории, населенные поляками, от „вторжения войск правительства Советской России".

Первый обмен телеграммами между Варшавой и Москвой свидетельствовал о том, что атмосфера во взаимоотношениях все больше накалялась.

Искрой, которая воспламенила отношения между Москвой и Варшавой, было убийство польской полицией в начале января 1919 года членов советской делегации Красного Креста, возвращавшейся из Польши в Россию. Нота Чичерина польскому правительству была острой. В ней отмечался факт зверского убийства польскими должностными лицами, членов делегации Красного Креста — организации, пользующейся во всех странах особыми гарантиями и иммунитетом. Нота клеймила „контрреволюционное правительство, находящееся в это время у власти в Польше". Советское правительство требовало немедленно провести расследование и строго наказать непосредственных и косвен-

пых виновников этого убийства, а кроме того, извещало о применении ответных мер в виде ареста членов польского представительства в России (сотрудников бывшей миссии Регентского совета и комиссии по вопросам военнопленных) и объявляло их заложниками.

Требования советского правительства частично были выполнены: в ноте от 7 февраля новый министр иностранных дел Игнаты Падеревский сообщил Чичерину об аресте всех подозреваемых в этом преступлении; кроме того, польские власти обязались полностью выяснить все обстоятельства убийства. В ноте содержалось также предложение предпринять предварительные шаги на пути нормализации двусторонних отношений, а именно предложение направить в Москву специального представителя польского правительства в лице Александра Венцковского для непосредственного „обсуждения с советским правительством поставленных им вопросов, быстрое разрешение которых отвечает интересам обоих государств“.

Польское предложение встретило положительный отклик в Москве. Советское правительство выразило согласие принять польского представителя и начать с ним переговоры, особенно по территориальным проблемам, обратив, однако, внимание на то, что окончательное решение этих вопросов находится в компетенции Литовской и Белорусской республик как непосредственных соседей Польши. Советское правительство намеревается выступить здесь только в роли посредника.

Польский народ ничего не знал об этом обмене нотами, продолжавшемся с 26 ноября 1918 года. О последующих нотах советского правительства польская пресса не сообщала. Молчанием были покрыты ноты Чичерина от 28 ноября, 12, 15, 23 и 24 декабря 1918 года, а также от 7 и 8 января и 10 февраля 1919 года. Со временем сведения об этой переписке стали просачиваться в Польшу из иностранной прессы.

По мере своего нарастания вооруженный конфликт между Польшей и Советской Россией все больше превращался в составную часть конфликта, назревающего между государствами Антанты и Россией — бывшим членом этой группировки.

Одним из первых документов, отражающих связь между Польшей и Антантой на почве отношения к Советской России, была докладная записка начальника польского Генерального штаба генерала Станислава Шептицкого главе государства Юзефу

Пилсудскому от 10 января 1919 года. Автор записки, докладывая о задачах польской армии на границе с Украиной, Белоруссией, Литвой, Германией и Чехией, самой опасной считал обстановку в Белоруссии и Литве в связи с выдвиганием туда „значительных большевистских сил" и занятием ими Вильно. В этих обстоятель—ствах Шептицкий полагал естественной военную помощь Антанты (речь шла главным образом о поставках боевой техники, воору—жения и боеприпасов). В то же время он отмечал недоверчивое отношение Антанты к Польше: „Она глуха ко всем нашим просьбам и предложениям и считает нынешнее правительство рассадником большевизма". Такое мнение о тогдашнем польском правительстве (Моравского) формировал и поддерживал среди стран Антанты руководимый национал-демократами парижский Национальный комитет Польши (КНП).

Обстановка начала меняться с созданием правительства И.Па—деревского.

Государства коалиции установили с Польшей официальные отношения и начали оказывать ей военную помощь. В середине февраля 1919 года в Варшаву прибыла миссия стран Антанты, в задачу которой входило определение экономических и военных потребностей Польши. А в апреле в Польшу приехала союзниче—ская военная миссия во главе с французским генералом Полем Генрисом, который одновременно был назначен представителем главного командования союзнических войск при верховном глав—нокомандующем польских войск. В свою очередь, в Париж выехала польская военная миссия во главе с генералом Яном Роздовским. В то же время в Польшу начали прибывать части армии генерала Юзефа Галлера, которые в количестве более 60 тысяч-человек были влиты в состав польской армии.

Зимой и ранней весной 1919 года в Польше шла подготовка к наступлению, целью которого было отбросить Красную Армию как можно дальше на восток и начать осуществление польского федеративного плана. В апреле советское правительство предпри—няло ряд дипломатических шагов для противодействия польскому наступлению. Первым шагом в этом направлении было письмо Чичерина представителю польского правительства Александру Венцковскому, находившемуся в Москве с марта 1919 года. В середине апреля правительство Советской Украины при посред—ничестве правительства Советской России также обратилось к Венцковскому с предложением решить вопросы польско-украин—

ской границы мирным путем. Обе стороны должны следовать принципу „организованного волеизъявления трудящихся спорных территорий“, говорилось в письме Чичерина.

Очередная советская нота выражала пессимизм в отношении возможности заключения польско-советского соглашения в связи с поступающей в Россию информацией о польских военных приготовлениях. 21 апреля польские войска заняли Вильно, а 25 апреля советское правительство объявило этот акт агрессией против Литовской Советской Республики и возложило на польское правительство „ответственность за невозможность достижения соглашения между нашими правительствами“. Советское правительство выражало готовность к переговорам при условии, что будут немедленно прекращены все вооруженные акции против советских республик. Телеграмма такого содержания спустя неделю была направлена в Варшаву. В такой обстановке представитель польского правительства покинул Москву. Отношения между Польшей и советскими республиками вступили в фазу еще более острого конфликта. Кроме Вильно польские части вскоре заняли Барановичи и Новогрудок, а летом — Минск и территории по рекам Двина, Березина, Птичь, Уборть и Горынь.

Вопросом политических и военных мероприятий на востоке занялся сейм Речи Посполитой. Сначала, в первых числах апреля, шло обсуждение в комиссии сейма по иностранным делам. Исходным пунктом было подтверждение принципа ненасильственной реализации решений Парижской мирной конференции по территориальным проблемам и „неприсоединение силой к Польше каких-либо земель вопреки воле их населения...“; целью польской военной акции должна быть единственно „защита от иностранного нападения“. Это, однако, не означало отказа от стремления к восстановлению „исторической Польши“ как на западе, так и на востоке. Что касается восточных границ, то комиссия сейма предложила программу добровольного союза литовцев, белорусов и украинцев.

3 и 4 апреля в сейме состоялись генеральные дебаты по вопросам польской внешней политики. Они сводились главным образом к обсуждению проблемы восточных окраин. Большинство голосов сейм одобрил позицию комиссии по иностранным делам и в соответствии с этим принял три резолюции. Первая из них касалась Восточной Галиции и предписывала правительству и верховному главному командованию сохранить всю Галицию в

пределах польского государства; с другой же стороны, она указывала на необходимость признать автономию украинской части населения, „но без нарушения единства польского государства". Во второй резолюции сейм призвал правительство и верховное главное командование „приложить все силы к скорейшему освобождению от большевистского нашествия и к прочному объединению с Речью Посполитой северо-восточных районов Польши с их столицей в Вильно". И, наконец, в третьей резолюции, подтвердив право поляков, литовцев и белорусов самим определять свою судьбу, сейм не признал „выражением такого самоопределения ни Литовско-Белорусскую Советскую Республику, находящуюся в зависимости от Российского государства, ни созданные с согласия германских оккупационных властей и без участия трудящихся масс правительства Литовской и Белорусской республик".

В середине 1919 года русские контрреволюционные армии одерживали успехи в борьбе с Советской Россией. Армия генерала Антона Деникина готовилась к наступлению на Москву. Все это вынудило польское правительство приостановить военные действия на востоке, опасаясь, что в противном случае они облегчат установление в России режима царских генералов, крайне настроенных к возрождению независимого польского государства и особенно к включению в его состав восточных земель. По этой же причине польское правительство приняло советское предложение о переговорах, которые и начались в июле 1919 года в Беловеже, а осенью продолжились в Микашевичах в Полесье. В этот период в Варшаве не исключали возможность заключения мира с Россией. МИД считало опасным слишком далекое выдвижение польских частей на восток. По мнению польских дипломатических кругов, наиболее оптимальным рубежом была линия р.Збруч — Ровно — Минск. Тем не менее начатый польско-советский диалог не перерос в мирные переговоры.

Предпринятое польской армией в июле —августе наступление с целью овладеть вышеупомянутым рубежом вызвало перерыв в польско-советских переговорах. Эта операция позволила польской стороне занять большие территории и привела к стабилизации польско-советского фронта по линии Динебург — Полоцк — Бобруйск — р.Птичь — Каменец-Подольский.

Сравнительно легкий успех воодушевил польских военных на продолжение боевых действий, что нашло поддержку и у главы

государства и верховного главнокомандующего — Пилсудского, ибо, по его мнению, это вело к достижению двух главных целей: укреплению безопасности страны и созданию двух независимых, но связанных с Польшей государств — Белорусского со столицей в Минске и Украинского со столицей в Киеве. Затем, поставив Россию перед такого рода свершившимся фактом, можно было бы в будущих мирных переговорах с ней выдвинуть требование, по которому нормализация всего комплекса отношений в Восточной Европе может произойти лишь на основе федерации всех государств, соседствующих с Россией с запада: Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии, Белоруссии, Украины, а также Румынии. Польша, как самая крупная и самая сильная среди них, имела бы шансы занять главенствующую позицию в такой федерации. По мнению Пилсудского и его сторонников, создание подобной „федерализованной коалиции" привело бы к ослаблению бывшей Российской империи и оттеснению ее границ от Польши, что явилось бы лучшей гарантией безопасности возрожденного Польского государства также и в более отдаленном будущем.

В октябре возобновились польско-советские переговоры в Микашевичах. Непосредственной причиной, по которой польская сторона вновь пошла на переговоры, была ее обеспокоенность успехами армии Деникина в борьбе с Красной Армией, занятие им Курска и Орла по пути на Москву. По оценкам Пилсудского, поддержка Деникина не отвечала интересам Польши. Подобное мнение высказал Юлиану Мархлевскому уполномоченный главы Польского государства на переговорах в Микашевичах капитан Игнацы Бёрнер, отметив, что „помощь Деникину в его борьбе с большевиками не может служить интересам Польского государства".

Второй причиной, по которой были приостановлены боевые действия на польском фронте, была недостаточная подготовленность армии к ведению более серьезных военных операций. Решение о прекращении боевых действий носило с польской стороны временный характер, подтверждением чему служит отказ от переговоров в Микашевичах в декабре 1919 года после разгрома Деникина частями Красной Армии.

Польша не была заинтересована в успехах Деникина даже в его борьбе с большевистской Россией. Лучшим тому свидетельством являются дневники самого Деникина, изданные в Париже в 1937 году под многозначительным названием „Кто спас Совет-

скую власть от гибели", где отмечается, что осенью 1919 года значительная часть советских войск была снята с польского фронта и переброшена на фронт борьбы с Деникиным. Но на рубеже 1919 — 1920 годов появились новые элементы в обстановке — на востоке Европы. Франция, правда, не изменила своему стремлению уничтожить советские большевистские правительства, но в ее военно-политических кругах вызревала новая концепция борьбы с Советской Россией. Ее смысл состоял в повышении заинтересованности Франции Польшей, ее военно-политическим потенциалом, той роли, которую в новых условиях она должна играть на востоке Европы. Продолжающийся польско-советский вооруженный конфликт, а также возникший после поражения Деникина новый антисоветский фронт в Крыму (генерал Петр Врангель) были, по мнению французских правительственных и военных кругов, очередным шансом, который следовало использовать.

Что касается Великобритании, то здесь в отношении к Советской России произошли более радикальные изменения. В августе британский военный министр Уинстон Черчилль объявил в палате общин о выводе английских войск из северной России. Это вызвало недовольство как Франции, так и польского правительства. Последнее выразило свое негодование в ноте британскому представителю в Варшаве П.Уиндхэму, подчеркнув, что польский генеральный штаб рассчитывал на сотрудничество с союзническими войсками в Мурманске и Архангельске, так как опасается переброски большевистских войск на польский фронт; нота предупреждала об опасных последствиях этого факта для всей Европы. В такой обстановке, перед лицом зимней кампании против Советской России, польское правительство потребовало от Франции и Англии увеличения помощи в виде поставок военного снаряжения и продовольствия.

Тем временем в отношениях между Польшей и Советской Россией назревал перелом. Начало 1920 года должно было внести ясность, будут ли эти отношения развиваться в направлении мира или войны. Возможности мирного урегулирования конфликта намечались достаточно отчетливо. Этому способствовали два обстоятельства: нарастание контрреволюции в России, спланирующей за Доном вокруг непрерывно пополняющего свои силы Деникина, а также все более явная склонность советского правительства к урегулированию отношений с Польшей мирным путем.

Оба этих обстоятельства были тесно взаимосвязаны. Но и с польской стороны появились факторы, действующие в направлении мирного решения конфликта. Прежде всего это были все более осязаемые внутренние трудности, усугубленные послевоенным кризисом разрушенной экономики, а также нарастающими общественными волнениями.

Опасность со стороны царского генерала Деникина, угрожающую суверенитету и границам Польши на востоке, Пилсудский намеревался устранить путем заключения временного перемирия с Советской Россией. Это было вынужденное, половинчатое решение, составляющее одну из неизвестных. Вторая неизвестная — это развитие внутренней обстановки в стране. И, наконец, третьей неизвестной было направление дальнейшей внешней политики большевистского правительства в России, то есть будет ли оно продолжать линию на поддержку революции в Западной Европе, а конкретно в Германии, или же ограничится защитой своей территории и поддержанием мирных отношений со своими соседями.

Казалось, что ситуация проясняется, а чаша весов склоняется в сторону мира в Восточной Европе, когда 22 декабря 1919 года советское правительство направило премьер-министру Леопольду Скульскому ноту с предложением заключить мирный договор и немедленно приступить к переговорам на эту тему. Так как польское правительство оставило эту ноту без ответа, 28 января 1920 года Совет Народных Комиссаров выступил с обращением к польскому правительству и польскому народу, а 2 февраля Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет обратился с воззванием к польскому народу. Обе декларации подтверждали признание независимости Польского государства, а в обращении советского правительства содержалось, кроме того, обязательство не переходить русской и украинской революционными армиями существующей линии фронта.

Дальнейшее развитие событий в значительной степени зависело от помощи союзников в виде поставок военного снаряжения. Пилсудский придавал большое значение этой форме помощи, обуславливая ею всю последующую стратегию на востоке и на севере, которая представлялась ему в виде альтернативы: либо военная помощь и продолжение войны с Россией, либо мир.

Тем не менее подготовка к мирным переговорам с Россией все-таки велась, о чем говорит составленный в общем виде в

МИД уже в первой декаде февраля 1920 года перечень предварительных условий. Они предусматривали, что: 1) Советская Россия признает независимость всех национальных государств, которые образовались на территории бывшей Российской империи и которые создали свои независимые правительства; 2) Советская Россия объявит недействительными все последствия разделов, начиная с 1772 года; 3) советское правительство воздержится от пропаганды своих социальных и политических теорий за пределами своих границ; 4) советское правительство выведет свои войска с "территории Польской Речи Посполитой в границах до первого раздела 1772 года"; 5) эти территории будут заняты польскими войсками и отданы под польское управление, которое будет временно осуществляться при участии четырех государств, два из которых будут приглашены Россией, а два — Польшей, вплоть до решения вопроса этих территорий в соответствии с принципом самоопределения; 6) Советская Россия выплатит Польше компенсацию за уничтожение и реквизицию польского имущества во время отхода русской армии с польских земель в 1914—1915 годах, а также за разрушения, совершенные советскими войсками в ходе нынешних боевых действий, и за ущерб, причиненный польским гражданам в связи с революцией в России; Польше должны быть возвращены все вывезенные архивы, библиотеки, произведения искусства; 7) советское правительство должно обеспечить польским гражданам возможность заключения торговых сделок на территории, находящейся под его управлением.

Вопрос предстоящих мирных переговоров стал также предметом рассмотрения в сейме. В конце февраля комиссия по иностранным делам разработала принципиальный проект ответа на ноту советского правительства от 28 января. Польша добивалась установления границ между двумя государствами на основе "устремлений и интересов самого населения". Народы, населяющие территории, до 1772 года входившие в состав Польского государства, должны иметь „возможность свободно высказываться о своей государственной принадлежности". Польша подтвердила свои интересы в этом районе Европы, что выразалось в заботе о судьбах возникших там государств; мир должен быть подписан делегацией, представляющей весь российский народ.

Польские требования, которые должны были составить основу предстоящих переговоров, опирались на исторические предпосыл-

ки в территориальном вопросе, а также на принципы будущего политического устройства, повсеместно провозглашаемые возрождающимися и стремящимися к независимости народами. Как одни, так и другие трудно было реализовать в сложных условиях Восточной Европы. Все указывало на то, что мирные переговоры будут нелегкими.

27 марта 1920 года, после двух месяцев изучения сложившейся обстановки, польское правительство ответило Москве на ее ноту от 28 января. Давая согласие на переговоры, оно предлагало начать их 10 апреля в расположенном на линии фронта Борисове. В случае согласия польская сторона обещала прекратить боевые действия на этом участке фронта. Это было очень осторожное, ничего не предопределяющее предложение, скорее прощупывание почвы. В советском ответе выражалось одобрение самой воли польского правительства к переговорам, но одновременно высказывалось и разочарование минимальным объемом польских предложений. В данном случае советское правительство было сторонником более широкого подхода, используя вместо довольно неопределенного термина „переговоры” — термин „мирная конференция”; оно предлагало также нейтральное место переговоров (в Эстонии, а не на линии фронта).

Однако польское правительство не изменило свою позицию ни в отношении Борисова, ни в отношении прекращения боевых действий только на борисовском участке фронта. Следует признать, что советская сторона проявила здесь больше гибкости, выдвигая новые предложения о месте встречи: Петроград, Москва, Варшава. В дипломатической переписке между Варшавой и Москвой стали появляться акценты, не обещающие достижения соглашения. В ноте от 2 апреля Чичерин высказал подозрение, что польское правительство, ограничиваясь лишь локальным перемирием, на самом деле готовится к генеральному наступлению. В своем ответе от 7 апреля министр иностранных дел Станислав Пате́к написал, что его правительство чувствует себя уязвленным подобными инсинуациями. По существу, трудно однозначно оценить сложившееся положение вещей, так как в начале 1920 года подготовка к решающим действиям шла с обеих сторон. Красная Армия, разбив белых генералов (Евгения Миллера, Николая Юденича, Александра Колчака и Антона Деникина), значительно укрепилась в моральном, организационном плане и с точки зрения вооружения. Выросла ее численность, была проведена реоргани-

зация, усовершенствована система управления войсками. С польской стороны были урегулированы отношения с Украиной. Еще в сентябре 1919 года боевые действия на этом фронте прекратились, было заключено перемирие, а 21 апреля 1920 года подписано соглашение с Семеном Петлюрой, возглавлявшим правительство Украинской Народной Республики. По этому соглашению Восточная Галиция (до р.Збруч) отходила к Польше; взамен за эту уступку польское правительство обязалось признать власть украинского правительства восточнее этого рубежа и передать ему территории, доходящие до границ Польши 1772 года. Соглашение дополнялось военной конвенцией, предусматривающей взаимодействие польской и украинской армий под общим руководством польского командования в борьбе с большевистскими войсками.

Однако нельзя не сказать и о вышеупомянутых приготовлениях польского МИД к заключению мира с Советской Россией. В марте и апреле они вступили в заключительную фазу, о чем свидетельствует подготовка уже развернутого текста проекта мирного договора. Другое дело, что содержание этого проекта (особенно его военных статей) было сформулировано так, будто Советская Россия была уже полностью побеждена Польшей.

По существу, окончательное разрешение вопроса могло прийти только военным путем. 27 марта, то есть в день отправки польской ноты в Москву с предложением начать переговоры в Борисове, генерал Поль Генрис — глава французской военной миссии в Польше — передал главному командованию польских войск план польского наступления на Украине, разработанный по указанию маршала Фердинанда Фоха. Это, однако, не означало, что вопрос решен окончательно. Приказ верховного главнокомандующего польской армии по подготовке к наступлению датирован лишь 17 апреля; в нем указывалось, что „операция начнется 25 числа" (апреля).

Интересная трактовка дилеммы — мир или война — содержится в докладе капитана Богуслава Медзинского, бывшего офицера 2-го отдела генерального штаба, сделанном им на совещании офицеров разведки и контрразведки 17 апреля. Он сказал, что мирные предложения, направленные Польше Советской Россией после разгрома ею Деникина и Колчака, были для польского правительства неприемлемы, ибо русские чувствовали себя тогда победителями. Победителями чувствовали себя также и поляки после успехов в войне с большевиками. „Тогда друг против друга

встали бы два победителя, — продолжал Медзинский. — А так как ни иностранные государства, ни даже наш собственный народ не осознавали, что мы на самом деле являемся победителями, нужно было перед началом мирных переговоров одержать еще одну победу над большевиками, уже после разгрома ими Деникина и Колчака. Поэтому мы и не спешили с заключением мира с большевистской Россией, несмотря на все ее предложения".

Польское наступление на Украине началось 25 апреля 1920 года. 7 мая был занят Киев. Город находился в руках поляков более месяца, после чего в результате неблагоприятных для польской армии изменений в обстановке, вызванных концентрацией советских войск в Белоруссии, то есть на ее левом фланге, польское командование отдало приказ о выводе своих войск из Киева. Это произошло 11 июня. Возвращаясь к польско-украинскому соглашению о военном сотрудничестве, следует отметить, что оно не оправдало возлагавшихся на него надежд. Несмотря на призывы Петлюры и Пилсудского к украинскому народу, население этих районов не поддержало польско-украинскую военную акцию, не вступало в отряды Петлюры.

Продвижение Красной Армии на запад сопровождалось постановкой новых политико-стратегических целей Советской России. Они состояли в стремлении свергнуть существующий в Польше строй и установить в ней рабоче-крестьянскую власть. В воззвании ВЦИК и правительств Российской и Украинской республик от 16 июня к польским рабочим, крестьянам и солдатам говорилось: „Мы накопили достаточно сил для того, чтобы в конце концов разгромить ваших помещиков и капиталистов и тем самым обеспечить мир между независимой рабоче-крестьянской Польшей и рабоче-крестьянской Россией".

В свою очередь, цели польских правительственных кругов изложены в документе, датированном 28 июня 1920 года. Это секретная инструкция МИД, направленная в польское посольство в Париже. В ней говорится, что, предпринимая военную акцию на Украине, польское правительство руководствовалось интересами Европы; оно намеревалось освободить Украину, богатый аграрный край, от влияния большевистской России и включить его в сферу влияния Антанты, что улучшило бы экономическое равновесие в Европе. МИД Польши высказало претензии в адрес западных союзнических держав, что они не оказали ей необходимой помощи и поддержку. Наоборот, круги, формирующие евро-

пейское общественное мнение, обвинили Польшу в империализме. Особенно усердствовали французские политики, поддерживающие тесные связи с руководителями русской эмиграции, обвиняя Польшу в стремлении расчленить Россию.

Учитывая превратности военной судьбы, перед лицом наступления Красной Армии, в очень опасной для Польши военной обстановке Совет обороны страны (созданный 1 июля) был вынужден искать мира.

В начале июля Красная Армия перешла в наступление на своем западном фронте. В боях 4—5 июля главные силы польской армии потерпели ряд серьезных поражений, польский фронт был прорван. Советские части дошли до р.Горынь, а на севере приближались к Лиде и Вильно. Обстановка становилась угрожающей, фронт требовал пополнений, но резервы были исчерпаны. И вот, когда представители государств Антанты собрались на конференцию в Спа, чтобы добиться от Германии выполнения ею договорных обязательств, польское правительство решило направить туда делегацию с целью получить согласие участников конференции на включение в ее повестку вопроса о помощи Польше. Делегацию возглавлял министр Станислав Патек, а вскоре в Спа прибыл и премьер Владислав Грабский, военным экспертом был генерал Тадеуш Розвадовский.

Государства Антанты, однако, не были склонны вмешиваться. Они избрали курс на нормализацию отношений в Восточной Европе не путем вооруженной конфронтации, а путем заключения немедленного мира между Польшей и Россией.

На конференции в Спа Грабский сделал заявление о том, что Польша отдает себе отчет в опасной ситуации, в которой она оказалась вследствие собственных ошибок, а точнее, вследствие ошибочных великодержавных концепций определенных лиц, и что эти великодержавные устремления не находят поддержки среди польского народа. „Ни Киев, ни границы 1772 года не являются нашей национальной целью," — подчеркнул он. Без колебаний Грабский назвал Пилсудского носителем этих иллюзорных идей, который, однако, уже признал ошибочность своих воззрений. Это заявление Грабского должно было изменить мнение многих западных политиков во главе с Ллойдом Джорджем о Польше как об империалистическом государстве.

Конференция отметила, что в результате войны на востоке действительно сложилась серьезная обстановка и для Польши, и

для Европы.

Под давлением Англии и Франции на оказавшуюся в драматическом положении Польшу 10 июля был заключен договор, по которому польское правительство соглашалось выступить инициатором и немедленно подписать перемирие. Разграничение сторон должно пройти по установленной еще в декабре 1919 года Верховным советом Антанты линии вдоль р.Буг и оканчивающейся севернее г.Сувалки. Красная Армия должна остановиться в 30 км восточнее этой линии. Вильно отдавалось (временно) Литве, то есть не входило в зону, занимаемую советскими войсками; в Восточной Галиции обе армии обязаны были остановиться на рубежах, которые они достигнут ко дню перемирия с тем, что каждая из них отойдет назад на 10 км для создания нейтральной зоны.

В случае принятия Польшей этих условий английское правительство немедленно обратилось бы с соответствующим предложением к Советской России. Договор предусматривал и возможность отказа России от перемирия; в этом случае союзнические государства обязались оказать помощь Польше, прежде всего военным снаряжением. Такое решение было одобрено Советом обороны Польши.

Этот договор явился основой для формулирования английским правительством условий перемирия между Польшей и Россией, которые и были представлены Москве уже на следующий день. Польская армия должна была отойти на линию, проходящую на севере через Гродно, далее на юг до Бреста на Буге, затем вдоль Буга до Крылова, западнее Равы Русской, восточнее Пшемысля (Перемышля) и далее до Карпат. Эта линия должна была стать временной восточной границей Польши. Красная Армия должна была остановиться в 50 км восточнее этой линии. На южном участке, то есть в Восточной Галиции, английский проект предусматривал, что обе армии остановятся там, где их застанет перемирие. Окончательный мир предполагалось подписать на конференции в Лондоне под надзором государств коалиции с участием представителей Советской России, Польши, Литвы, Латвии и Финляндии; в конференции могли принять участие также представители Восточной Галиции, но только для представления своих интересов.

Английское правительство обязалось не поддерживать возможные наступательные действия Польши против России, но

делало оговорку, что в соответствии с обязательствами, вытекающими из принадлежности к Лиге Наций, будет защищать Польшу в случае, если такие шаги предпримет Россия. В ноте содержалась информация, что Польша со своей стороны заявила о готовности заключить мир и приступить к переговорам о перемирии на вышеуказанных условиях.

Условия, на которые была вынуждена согласиться польская делегация в Спа, были тяжелыми. Линия Буга не входила ни в один из приемлемых вариантов восточной границы; Вильно должно остаться в пределах Литвы; лишь участок границы, проходящей по Восточной Галиции, отвечал интересам Польши, и вопрос этот оставался открытым.

Реакция Москвы на предложения, сформулированные в Спа и известные как нота Керзона, была негативной. В ноте Чичерина от 17 июля советское правительство заявило, что Англия является стороной, активно задействованной в войне на востоке, в польско-советском конфликте, и отказалось принять ее посредничество. Оно считало, что Польша должна обратиться с мирными предложениями непосредственно к Москве. Советское правительство выражало готовность немедленно приступить к мирным переговорам с Польшей, но без посредничества государств Антанты. Оно посчитало также возможным установить для Польши более выгодные границы, чем те, которые определил Верховный совет Антанты в декабре 1919 года. Это было, однако, довольно туманное и неопределенное заявление.

Польское правительство, следуя совету конференции, обратилось к России с предложением о перемирии и начале мирных переговоров. Соответствующая нота была направлена 22 июля; в тот же день польский генеральный штаб отправил главному командованию Красной Армии телеграмму с аналогичным предложением, в которой указывалось конкретное место встречи военных представителей обеих сторон. Польские предложения были приняты.

Одновременно предпринимались шаги, направленные на укрепление обороноспособности Польши на случай, если бы мирные переговоры потерпели фиаско. По настоянию польского правительства Верховный совет коалиционных государств направил в Польшу военно-дипломатическую миссию для ознакомления на месте с военно-политической обстановкой и потребностями Польши. Миссия прибыла в Варшаву 25 июля, ее возглавлял французский генерал Максим Вейганд.

30 июля из Варшавы в направлении Бреста выехала делегация на переговоры о перемирии во главе с заместителем министра иностранных дел Владиславом Врублевским. В 20 часов делегация пересекла линию фронта в Барановичах, где ее встретили советские военные представители.

С самого начала переговоров возникли серьезные трудности, по сути дела, исключающие возможность быстрого достижения договоренности. Советская сторона потребовала от польских делегатов мандат не только на ведение переговоров о перемирии, но и на обсуждение предварительных условий мирного договора, что выходило за рамки встречи в Барановичах. В такой ситуации польская делегация выразила протест и решила вернуться в Варшаву.

Обструкционистская позиция советских представителей была следствием эйфории, вызванной военными успехами на фронте и уверенностью в скором взятии Варшавы и полном поражении Польши.

Неудачная встреча в Барановичах не означала, что дело зашло в тупик. На ближайшем заседании Совета обороны Польши 4 августа было принято решение направить польскую делегацию в Минск для начала мирных переговоров.

Дальнейшее развитие событий было труднопредсказуемым. Ни одна из сторон не торопилась приступить к переговорам: Советская Россия добилась больших военных успехов, ее армии продвигались вперед, завоевывая тем самым все более выгодную позицию для предстоящих мирных переговоров. Польша оборонялась, ее положение ухудшалось с каждым днем, ей нужно было выиграть время для перегруппировки, для мобилизации резервов, она ожидала военной помощи от Франции и Англии. Надежду на это питали решения об оказании Польше такой помощи, принятые английским правительством, о чем Ллойд Джордж оповестил в форме предостережения советскую правительственную делегацию, находившуюся в то время в Лондоне. Активизировало свою деятельность и французское правительство; 5 августа оно направило Ллойд Джорджу телеграмму с требованием оккупировать Гданьск, увеличить военные контингенты в Вармии, Мазурах* и в Верхней Силезии (плебисцитные территории),

* Вармия, Мазуры — исторические области, расположенные на северо-востоке современной Польши.

направить непосредственно в Польшу помощь в виде воинских частей, оружия и боеприпасов. Сама Франция также намеревалась оказать Польше максимально возможную помощь.

Позиции Соединенных Штатов, Франции и Англии в отношении польско-советского конфликта сходились в одном — они были уверены в необходимости заключения мира на востоке Европы. Но это не должен быть мир любой ценой. Его условием было сохранение независимого Польского государства, которое задержало бы экспансию большевистской революции на запад. И страны коалиции гарантировали это.

В начале августа военное положение Польши продолжало ухудшаться. Части Первой Конной армии Семена Буденного действовали восточнее Львова, непрерывно угрожая захватом этого города. В конце июля — начале августа под Бродами (северо-восточнее Львова) произошло сражение польских сил с конной армией Буденного. Хотя Буденный и был вынужден отступить на восток, тем не менее эта битва не принесла желаемых результатов. Через несколько дней конная армия возобновила наступательные действия в этом районе, устремившись с другими советскими силами на Львов. Драматическая обстановка сложилась на центральном участке фронта; 1 августа пал Брест, северо-западнее города советские войска (4-я армия и конный корпус) форсировали Буг; 3 августа они заняли Ломжу, а на следующий день вышли к Остроленке, охватывая Варшаву с севера и запада; Висла должна была быть форсирована под Варшавой, Влоцлавком и Плоцком. Несмотря на то что с начала наступления (4 июля) Красная Армия прошла с боями 400—500 километров, часто в условиях упорного сопротивления польских дивизий, она получила приказ идти дальше; на 12 августа было назначено взятие Варшавы.

Рубеж, на который к середине августа вышли советские армии, проходил западнее Дзялдово, на Влоцлавек, далее вдоль Вислы, после чего отклонялся от нее на восток до Насельска и Радзимины, возвращался к Висле в районе Карцева, спускался к Демблину и далее восточнее р.Вепрж к Хелму, Замостью, в направлении Львова, Стрыя и вдоль Днестра.

В такой обстановке 14—17 августа произошло варшавское сражение. Его основная идея заключалась в нанесении удара сосредоточенными в нижнем течении Вепржа польскими силами под непосредственным командованием Пилсудского по южному флангу армий Тухачевского. Накануне, 13—15 августа, шли упорные бои за Радзимин; 14 августа 5-я польская

армия под командованием генерала Владислава Сикорского нанесла удар по северному флангу советских войск на р.Вкра. 16 августа перешла в наступление ударная группа Пилсудского. Успех, достигнутый во всех трех фазах сражения, определил окончательную победу польской армии — советские войска были отброшены из-под Варшавы.

На юго-западном фронте 6-я польская армия продолжала оборонять Львов. Она оказалась достаточно сильной, чтобы противостоять наступлению русских армий. На руку полякам сыграли и противоречия, возникшие в стане противника. Перспектива захвата Львова до такой степени увлекла военный совет Юго-Западного фронта (его членом был Сталин), что он не удосужился своевременно выполнить приказ главного командования о переброске конной армии Буденного на помощь Тухачевскому. Когда же это произошло, было уже поздно — варшавское сражение завершилось. В конце августа — начале сентября эта армия была оттеснена за Буг.

17 августа 1920 года в Минске начались переговоры между польской и советской делегациями. Их целью была выработка условий перемирия и обсуждения положений ~~пре-~~лиминарного мирного договора* между Польшей, Российской Советской Республикой и Украинской Советской Республикой.

В состав польской делегации входили Ян Домбровский (глава делегации), Норберт Барлицкий, Станислав Грабский, Владислав Керник, Антони Листовский, Адам Мечковский, Казимеж Ольшовский, Людвик Вашкевич, Михаил Вихлинский, Владислав Врублевский, а русско-украинскую сторону представляли Кароль Данишевский (глава делегации), Петр Смидович и Николай Скрипник.

Обе стороны сделали заявления, в которых взаимно обвиняли друг друга в развязывании войны и одновременно отказывались от каких-либо империалистических и захватнических целей, а также представили свою точку зрения на цели, которые должна достичь конференция, то есть прекращение боевых действий и выработка общих условий заключения мира. Кроме того, 19 августа советская делегация представила декларацию, содержащую основные положения мирного договора с Польшей. Вокруг этого документа разгорелась острая дискуссия, продолжавшаяся до 2 сентября, когда состоялось последнее пленарное заседание в Минске.

Советская декларация начиналась безоговорочным призна-

* **Прелиминарный мирный договор** — предварительное соглашение, которым воюющие стороны устанавливают основные положения будущего мирного договора.

нием самостоятельности и независимости Польского государства, а также его права по собственному усмотрению определять формы своего государственного устройства. В вопросе польско-советской границы принималась линия Керзона от 11 июля, допуская возможность уступок Польше в районе Белостока и Хелма. Польская армия должна быть сокращена до 50 тысяч человек только одного призыва и 10 тысяч командного и административного состава; эти силы должна дополнить рабочая милиция, предназначенная для охраны внутреннего порядка, а ее организация была бы обсуждена в ходе выработки текста мирного договора; демобилизация польской армии должна быть проведена в течение одного месяца с момента подписания предварительного соглашения; все избыточное вооружение и военное снаряжение должно быть передано России и Украине в те же сроки; Польша должна прекратить производство вооружения и военного снаряжения и ликвидировать свою военную промышленность; Польша должна отказаться от всякой военной помощи извне, не содержать на своей территории организаций, враждебных Советской России, Советской Украине и дружественным им государствам; боевые действия должны быть прекращены в течение 72 часов с момента подписания соглашения о перемирии; обе армии останутся на достигнутых к этому моменту рубежах, а затем польские войска отойдут на 50 км западнее от позиций, занимаемых Красной Армией; образовавшаяся полоса должна стать нейтральной зоной с польским гражданским управлением под контролем смешанных комиссий и комиссий профсоюзов. Польша обязана также возвратить захваченный на ранее занятых территориях железнодорожный подвижной состав, все оборудование линий коммуникаций, промышленных и других предприятий, восстановить мосты и иные объекты. В обязанности польской стороны вменялось бесплатное наделение земель семей погибших на этой войне солдат, а также раненых и инвалидов. Советская сторона оставляла за собой право беспрепятственного транзита через польскую территорию, а также приняла бы в эксплуатацию участок польской железной дороги Волковыск — Белосток — Граево (то есть линию, соединяющую Россию с Восточной Пруссией через территорию Польши). Польша была обязана также полностью амнистировать всех политических и военных заключенных и опубликовать все материалы, касающиеся польско-советской войны.

Создавалось впечатление, что представленные Польше условия мира диктуются государством-победителем побежденно-

му государству; в них заключалось противоречие между декларированным в первом пункте признанием независимости и суверенитета, с одной стороны, а с другой — содержащимися далее требованиями сокращения польской армии до размеров, не обеспечивающих потребности обороны страны, требованием ликвидации польской военной промышленности, требованием передачи России стратегически важного участка польской железной дороги, требованием создания в Польше рабочей милиции.

Декларация советской стороны, содержащая такие тяжелые условия мира, была каким-то недоразумением, особенно если учесть, что она была представлена 19 августа, то есть уже после варшавского сражения, когда части Красной Армии были отброшены от Варшавы. Единственным объяснением таких жестоких и далеко идущих требований может быть то, что советская сторона отнюдь не считала поражение в варшавском сражении поражением во всей войне; 19 августа ее армии, хотя и отступали, но все еще находились на расстоянии нескольких десятков километров от Варшавы.

Но уже через несколько дней польская делегация была в более выгодном положении, воодушевленная новыми и слишком шумными военными успехами своей армии. Это позволило ей отвергнуть все требования противной стороны. Это произошло 23 августа на третьем пленарном заседании в Минске.

Вопрос перемирия и предварительных условий мирного договора 27 августа рассматривался Советом обороны Польши. Было принято следующее решение: 1) польской армии перейти линию Керзона и занять рубеж старых германских окопов, проходящий от Двинска (Динебурга) на юг к озеру Нарочь, затем восточнее Гродно, Барановичей, Пинска и Луцка, далее до реки Горынь и вдоль реки Збруч; этот рубеж должен являться линией разделения сторон; 2) вытеснить литовские войска с польской части Сувальщины; 3) польской армии занять территории, переданные Литве советским правительством (Виленщину). В планах польского правительства вышеупомянутая линия германских окопов должна являться основой будущего мира между Польшей и Советской Россией. Предполагалось, что эта линия может быть занята в течение 3—4 месяцев, то есть до наступления зимы, что позволяло создать там прочный оборонительный рубеж.

Полное истощение страны войной, а также нажим со стороны коалиционных государств вынудили правительство и Пилсудского уменьшить первоначальные территориальные претензии на востоке и отказаться от идеи федерации.

Итак, близился конец войны, которую уже больше не могла вести ни Польша, ни Россия (последней с юга еще угрожала армия генерала Врангеля). Обе стороны согласились завершить первую (минскую) фазу переговоров и перенести их в нейтральную страну. В конце концов остановились на Риге.

Инструкция польской делегации на мирной конференции была утверждена Советом обороны 11 сентября. Это были общие принципы, на которых должен быть заключен мир с Советской Россией. Они исходили из того, что будущая граница должна быть установлена „не на основе возврата обоим государствам их исторических территорий, а на основе справедливого учета жизненных интересов договаривающихся сторон“, и далее, что справедливое решение спорных национальных вопросов требует установления такого равновесия в этой области, „чтобы единые национальные образования были объединены с основной массой своего народа и чтобы была учтена воля местного населения“.

Мирный договор, основанный на этих принципах, должен гарантировать безопасность каждой из сторон; поэтому он не может быть навязан силой, а должен явиться результатом переговоров на базе вышеизложенных принципов, говорится в заключении инструкции. Как мы видим, такая позиция была исполнена доброй воли и создавала конструктивную основу для переговоров.

Мирные намерения польского правительства тем более достойны внимания, что в это же время существовали планы французского военного командования, предусматривающие создание на юге России и Польши совместного фронта польской армии и частей генерала Врангеля, направленного против Советской Украины и России, что, однако, не встретило поддержки в высших политических кругах в Польше.

Правительство России, как и польское правительство, готовилось к заключению мира, хотя и не исключало возможность зимней кампании в случае отклонения Польшей предложенных ей условий. На IX Всероссийской конференции РКП(б) 22 сентября Ленин предполагал вероятность именно такого развития событий, отметив (как оказалось, преждевременно) создание блока Польши, Франции и Врангеля.

Стремясь закончить войну, ведущуюся на два фронта (Польша и Врангель), и избежать зимней кампании, чреватой многими жертвами, ВЦИК утвердил 23 сентября следующие основные принципы будущего мира с Польшей: 1) подтверждение Польшей и Россией независимости Украины, Белорус-

сии, Литвы и признание независимости Восточной Галиции; 2) принять к сведению несогласие Польши с первоначальными требованиями России и Украины, касающиеся сокращения польской армии, демонтажа польской военной промышленности, выдачи излишнего вооружения и передачи железнодорожной линии Волковыск — Белосток — Граево; 3) немедленное подписание перемирия и предварительного мирного соглашения на основе границы, пролегающей восточнее линии, предложенной Верховным советом союзнических государств 8 декабря 1919 года.

Естественно, главным вопросом на переговорах оставался вопрос будущей польско-советской границы. Как и несколько других проблем, он вызвал самые большие разногласия (форма самоопределения народов, населяющих спорные территории, невмешательство во внутренние дела друг друга, возвращение Польше определенного количества золота из российской казны). Так как наиболее спорные вопросы вызвали горячие дискуссии и задержали разработку текста предварительного соглашения, главы обеих делегаций пришли к выводу, что наряду с нормальным ходом переговоров в комиссиях, занимающихся отдельными проблемами, было бы целесообразно обсуждать эти вопросы параллельно и за закрытыми дверями в узком кругу лиц (главы делегаций и секретари).

На первом секретном заседании 1 октября новый глава советской делегации Адольф Иоффе пошел на значительные уступки в вопросах границы; он предложил линию максимальных — как заявил — уступок советской стороны: это была железнодорожная линия Лида — Барановичи — Лунинец — Броды. Домбский на это не согласился и на следующий день выдвинул свое требование — линию, проходящую от р.Двины и городка Десна до станции Вилейка, затем западнее Минска через Лунинец, Сарны и Ровно и далее по р.Збруч. Восточнее этой линии должна проходить нейтральная полоса шириной 30 — 40 км. На севере Польша должна была граничить с Латвией.

Наконец, после все более слабого сопротивления, 5 октября Иоффе согласился на польские пограничные требования. В тот же день было обнародовано совместное коммюнике о достижении соглашения по всем спорным вопросам. Опубликование этого коммюнике вызвало в Европе множество противоречивых мнений. Странники мира в Восточной Европе встретили его с одобрением. В свою очередь, некоторые представители западных политических кругов, русские монархисты-эмигранты, а в Польше — военные и консервативные

круги восприняли его с возмущением. „Учитывая, что успехи польских войск пробудили надежды определенных польских кругов, которые внезапно начали агитацию против мира, — вспоминает Ян Домбский, — их необходимо было поставить перед свершившимся фактом, который свел бы на нет все антимирные махинации. Эту роль сыграло коммюнике от 5 октября 1920 года. Оно продемонстрировало всему миру польско-советское соглашение как политический факт, и опровергнуть или перечеркнуть его уже было невозможно”.

После преодоления главнейших противоречий и других расхождений во мнениях появилась возможность подписать прелиминарный мирный договор и соглашение о перемирии. Это произошло 12 октября 1920 года. Полученная Польшей пограничная линия была в конечном счете результатом военных успехов на заключительном этапе, то есть осенью 1920 года. Однако Польша получила меньше, чем ей могли бы дать советские предложения от января 1920 года. В конечном итоге новая польская граница пролегла на 50—150 км западнее той линии, которая предлагалась в упоминавшихся ранее обращениях ВЦИК и советского правительства, иначе говоря, западнее той линии фронта, которую Красная Армия обязалась не переходить в начале 1920 года. Новая польская граница с некоторыми изменениями была окончательно закреплена мирным договором от 18 марта 1921 года.

Попытки Польши осуществить свою федеративную программу на востоке не увенчались успехом. Позиция Советской России в вопросе о будущем Украины как в Минске, так и в Риге была твердой и решительной. Домбский вспоминает, что Иоффе в конфиденциальной беседе с ним заявил об этом со всей категоричностью. „Если бы польская делегация продолжала упорствовать в украинском вопросе, — отмечает Домбский, — это грозило бы, несмотря на ослабление России, продолжением войны, причем неизвестно как долго. Такой длительной войны Польша бы не выдержала, тем более что польское влияние на Украине, как показала киевская кампания, было очень слабым, а союзник Польши — правительство Петлюры не смогло пробудить энтузиазм украинского населения, без чего создание нового государства невозможно”.

Войну необходимо было прекратить обеим сторонам — из-за временного истощения сил и неблагоприятной внутренней обстановки. Таким образом, это был мир вынужденный, и стороны пошли на него осознанно.

Доктор исторических наук,
профессор

М. Лечик

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	5
М.Тухачевский. ПОХОД ЗАВИСЛУ	33
Ю.Пилсудский. ВОЙНА 1920 ГОДА	91
Послесловие	289

Тухачевский Михаил Николаевич

ПОХОД ЗА ВИСЛУ

Пилсудский Юзеф

ВОЙНА 1920 ГОДА

Серия „Время, события, люди“

Редактор В. Б. Тетевин

Художественный редактор А.П.Хасимидинов

Фото редактор В.Х. Черепица

Корректор Н.П.Сидорина

Технический редактор Е.А.Дронова

Технолог С.Г.Володина

ИБ 10316

Подписано в печать **03.12.91**. Формат издания **84X108/32**.
Бумага офсетная 70 г/м². Гарнитура Академическая. Офсетная печать.

Усл. печ. л. **16,8**. Уч.-изд. л. **16,04**. Тираж **10 000** экз.

Заказ № **322**. Изд. № **8475**.

Цена договорная.

Набор, верстка, изготовление макета и готовых полос выполнены
на редакционно-издательской системе HTS.

Издательство „Новости“

107082, Москва, Б. Почтовая ул., **7**.

Типография Издательства „Новости“

107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, **46**